
ВЕСТНИК

Казанского юридического института МВД России

**№ 1 (11)
2013**

Научно-теоретический журнал

Учредитель и издатель –
ФГКОУ ВПО «Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Редакционный совет

д.ю.н., профессор Гишинский Я.И. (СПб., РГПУ им.Герцена)
д.ю.н., профессор Готчина Л.В. (СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России)
к.философ.н., Позднякова М.Е. (Москва, Институт социологии РАН)
д.с.н., профессор Егорышев С.В. (Уфа, ВЭГУ)
д.с.н., профессор Невирко Д.Д. (Красноярск, СЮИ ФСКН России)
д.ю.н., профессор Нигматуллин Р.В. (Уфа, Уфимский юридический институт МВД России)
доктор философии, профессор Подгурецки Юзеф (Республика Польша, Опольский университет)
д.с.н., профессор Коробов В.Б. (Москва, Академия управления МВД России)
д.ю.н., профессор Дубровин С.В. (Москва, Московский университет МВД России)
д.ю.н., профессор Малков В.П. (Казанский юридический институт МВД России)

Редакционная коллегия

Председатель – кандидат психологических наук, доцент Ф.К. Зиннуров, начальник Казанского юридического института МВД России

Заместитель председателя – кандидат исторических наук, доцент С.Н.Миронов, заместитель начальника КЮИ МВД России по научной работе

Члены редакционной коллегии:

д.пед.н., к.ю.н., профессор Казанцев С.Я., начальник кафедры криминалистики
д.ю.н. Алиуллов Р.Р., начальник кафедры адм. права, административной деятельности и управления ОВД
д.с.н., профессор Комлев Ю.Ю., начальник кафедры философии, психологии, социологии и педагогики
д.э.н. Хадиуллина Г.Н., профессор кафедры экономической статистики, математики, информатики
д.пед.н. Чанышева Г.Г., профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
к.ю.н., доцент Гарафутдинов М.Р., начальник кафедры уголовного права
к.и.н., доцент Кабиров Д.Э., начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела
к.филос.н., доцент Фаткуллин Ф.Ф., начальник кафедры государственно-правовых дисциплин
к.пед.н., доцент Хрусталева О.Н., начальник редакторского отделения

Выходит с 2010 года ежеквартально.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-50418 от 29 июня 2012 г.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования.

Корректоры Н.А. Климанова, О.Н. Хрусталева

©Казанский юридический институт МВД России.
Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел
420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128 (vestnikkui@mail.ru)

Подписано в печать 20. 03.2013 г. Формат 60х84 1/8 Усл.печ.л.14,05
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Тираж 200 экз. Цена свободная.

СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Комлев Ю.Ю.

Феноменология российской коррупции с позиций теории социального научения..... 4

Варыгин А.Н.

Вопросы преступности сотрудников органов внутренних дел и ее тенденциях..... 13

Готчина Л.В.

О сути международного спора вокруг отказа от контроля над наркотиками..... 19

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Березовская Е.В.

Международное и внутригосударственное правовое регулирование. Проблемы соотношения..... 24

Шигабутдинов Р.Р.

Проблемы государства в правовой теории профессора Казанского университета Г.Ф. Шершеневича..... 28

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Желудков М.А.

Вопросы повышения эффективности информационно-технического обеспечения безопасности собственности от корыстных преступлений..... 34

Громов В.Г.

Профилактика преступлений осужденных в исправительных учреждениях..... 39

Демидова Е.В.

Вопросы профилактики семейного неблагополучия в Российской Федерации..... 44

Кокорева Л.В., Павлов О.Ф.

Характерные черты современной преступности экстремистской направленности среди молодежи..... 48

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ОРД и КРИМИНАЛИСТИКА

Малков В.П.

Штраф как уголовное наказание по законодательству царской, советской и постсоветской России..... 52

Ольков С.Г.

Пределы эффективности юридической ответственности при применении однотипных наказаний и поощрений..... 59

Казанцев С.Я., Мазуренко П.Н.

Некоторые особенности тактики осмотра места происшествия по террористическим актам, совершенным путем взрыва..... 63

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Гараев И.Г.

Финансовая политика как важнейшее направление государственной политики 68

Мингазизова Г.Г.

Интеграция мультимедийных технологий в процесс обучения иностранным языкам 73

Барина О.Ю.

Развивающие технологии обучения иностранному языку..... 78

Москалева Л.А.

Аспекты преподавания юридической лингвистики в вузах МВД России..... 82

СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Ермоленко Д.А.

К вопросу об интегративной концепции правового сознания молодежи..... 87

Кибак И.А.

Применение информационных психотехнологий в законотворческой деятельности 93

Рябчинская Е.П.

Система наказаний в период становления украинской государственности..... 100

Трибуна Молодым

Ерохина А.В.

К вопросу об объекте преступления в сфере производства и оборота фальсифицированных лекарственных средств..... 108

Исмаилов Ф.Ф., Хайдаров А.А.

Актуальные вопросы совершенствования процессуально-правовой регламентации института досудебного соглашения о сотрудничестве..... 114

Мазуренко А.П.

Статистический анализ рисков информационной безопасности в автоматизированных системах..... 120

Эйдельман И.Б.

Современные концепции нормативно-правового регулирования агентской деятельности в спорте 124

Щуклина Е.А.

К вопросу о понятии предупреждения преступности в сельской местности..... 132

Юсупова Д. М.

Формирование системы правовой защиты промышленной собственности..... 136

Наука и практика

Международный научно-практический семинар в институте: визит коллег из Израильской секции МПА. 142

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ..... 148

Ю.Ю. Комлев,
доктор социологических наук,
профессор (КЮИ МВД России)

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ РОССИЙСКОЙ КОРРУПЦИИ С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО НАУЧЕНИЯ

Представлены феноменология, масштаб и специфика коррупции в современной России. Описаны интерпретация и меры противодействия коррупции в методологических рамках теории социального научения.

Ключевые слова: девиантное поведение, коррупция, дифференциальная ассоциация, социальное научение, дифференциальное усиление

The phenomenology, scale and specifics of corruption in modern Russia are presented. The interpretation and measures of counteraction of corruption in a methodological framework of the social learning theory are described.

Keywords: deviant behavior, corruption, differential association, social learning, differential reinforcement

Образ России прочно ассоциируется с тотальной коррумпированностью всех, особенно в высших эшелонах власти. Коррупционные скандалы в Минобороны (дело «Оборонсервиса»), таможенном ведомстве, в Минсельхозе, Минрегионразвития, Минздравсоцразвития (многочисленные дела о растратах), в связи с крупными хищениями в «Российских космических системах» при реализации проекта ГЛО-НАСС, при подготовке саммита АТЭС достигли в последнее время небывалых масштабов и широкой общественной огласки [1,2,3]. Многие российские коррупционеры-компрадоры выводят свои капиталы из страны и бегут на Запад, пользуясь услугами теневого банкинга, что наносит огромный урон федеральному бюджету и национальной безопасности России.

Дела о коррупции сотрясают и правоохранительные органы. Это на шумевшая история с «крышеванием» игорного бизнеса подмосковными прокурорами, и расследования коррупционных схем в тыловом блоке МВД России в связи с реформой ведомства, и др.[4]. По данным российских

исследователей, коррупция и неформальная занятость на рынке сотрудников ОВД получили широкое распространение: от простых подработок до «крышевания» бизнеса и осуществления инвестиционной деятельности. Причем в занятость такого рода вовлечены не только «нижние чины», но и сотрудники более высоких рангов, имеющие относительно высокие доходы. Масштаб этой деятельности стремительно вырос в 2000-е годы: примерно от 3 млрд долл. США в год до 30 млрд (Л.Косалс, 2008; ИНДЕМ, 2005) [5].

Не менее скандальные коррупционные преступления имеют место в региональных и местных структурах власти (в Москве, Санкт-Петербурге, на Дальнем Востоке, в Республиках Кавказа и Поволжья, на юге России). Здесь достаточно примера о хищении около 100 миллионов долларов в результате реализации коррупционной схемы при поставке некачественных труб для отопительной системы Санкт-Петербурга [6]. Подобные факты в системе ЖКХ, отопления, водоснабжения, дорож-

ного ремонта и строительства могут всплыть в любом российском городе.

Руководством страны подобным событиям незамедлительно дается принципиальная оценка. Неслучайно *президент России высказался о резонансных коррупционных делах среди чиновников вполне определенно: «Мы пойдем до конца, невзирая на лица, и в рамках закона»*[7]. Примечательно, что криминальные истории «раскручивают» в СМИ не столько журналисты и оппозиционные блогеры, сколько структуры государства, конкурирующие группы и кланы российского политического класса. Аналитики все чаще именуют этот процесс антикоррупционной кампанией.

Феноменология и история отечественной коррупции описаны в ряде основных работ (В.Ключевского, Н.Коркунова, Б.Чичерина, А.Долговой, Н.Кузнецовой, И.Голосенко, А.Кирпичникова, Я.Гишинского, Ю.Болдырева, Б.Волженкина, В.Лунеева, И.Клямкина, Л.Тимофеева, Г.Саттарова, П.Кабанова, С.Алексеева и многих других).

Коррупция в стране, наряду с другими формами девиантности, начиная с утверждения института «кормления» воевод на Руси, и по сей день чрезвычайно распространена. Неслучайно более 200 лет назад историк Н.М.Карамзин, оценивая ситуацию в стране, писал кратко - «воруют». С тех пор мало что изменилось: один коррупционный скандал сменяется другим, одна антикоррупционная кампания - другой.

Международная исследовательская организация Transparency International, по итогам своих последних оценок, ставит Россию по индексу коррупции на 143 место в мире из 183[7]. Исследования «Левада-Центра» показывают, что российским органам правопорядка доверяет менее трети населения и только 20% доверяют российским судам. 88% опрошенных считают коррупцию главной проблемой страны [7]. Ибо все, как справедливо утверждает Я.И.Гишинский, «упирается в вопрос: кому и сколько нужно заплатить?»[8].

Впрочем, справедливости ради, нужно отметить, что проблема коррупции существует во всех государствах, в том числе в

странах с развитой рыночной экономикой и политической системой. Так, в конце 2011 года опрос «Eurobarometer» выявил, что 74% европейских респондентов считают коррупцию серьезной проблемой.

Исследования «Transparency International» показывают, что если в России *средние потери от коррупции в бизнесе составляют — 39%, то в США — 30%*[7]. Следовательно, у Запада нет особого морального превосходства перед Россией в плане коррупции верхов, поскольку и там масштабы коррупции, особенно при заключении контрактов в сфере государственных заказов, весьма велики. Кроме того, многие формы коррупционного поведения за рубежом приобрели вполне легальную форму, например система лоббирования коммерческих или политических интересов в органах власти. Вместе с тем в силу определенной культуры законопослушания, менталитета, высокого качества и уровня жизни весьма минимальна раздражающая обывателей бытовая коррупция: люди там взятки клеркам не дают за услуги, которые предоставляет государство.

Российская же коррупция укоренилась по всей вертикали власти, от верхов до низов. Она процветает не только в центральных ведомствах, но и в региональных и местных органах власти. Так, к примеру, опрос *Республиканского комитета по социально-экономическому мониторингу в конце 2012 года по проблеме коррупции в городах и районах Татарстана по представительной выборке объемом 4165 единиц наблюдения* показал ряд характерных результатов. Судя по материалам исследования, годовой объем рынка коррупционных услуг в регионе, рассчитанный на основе анализа личного коррупционного опыта граждан, составляет 22 млрд рублей. Самые большие взятки берут, по мнению участников опроса, в республиканских министерствах и ведомствах, судах, военкоматах, органах местного самоуправления (муниципалитетах). Самыми коррумпированными участники массового опроса, по понятным причинам, называют сотрудников ГИБДД, медицинских работников, преподавателей вузов. Примечательно, что, наряду со взятками, откатами, широкое распространение в ре-

гионе, как считают местные эксперты, получили распространение такие формы коррупции чиновников, как работа через свои компании: *«уже никто не рискнет брать от кого-либо просто так деньги...сейчас заключаются контракты или выполняются работы для своих ведомств через близкие структуры»*[9].

Исследования и разоблачения фактов коррупционной активности и преступности высокопоставленных российских, региональных и местных чиновников, их подручных меньшего масштаба обнажают лишь одну из вершин айсберга теневой беловоротничковой преступности (white-collar crime. Этот термин был впервые использован Эдвином Сазерлендом в книге «Преступления белых воротничков»(1949) для обозначения преступлений, совершаемых уважаемыми людьми высокого социального статуса на своем рабочем месте). Очевидно, что львиную долю преступности белых воротничков в России составляют различные проявления коррупции, сущность которой удачно выразил Дж.Сентуриа, как «злоупотребление публичной властью ради частной выгоды» [8, С.265].

Современная коррупция многолика. Множество форм ее проявления включает: взяточничество, фаворитизм, nepotизм, протекционизм, лоббизм, незаконное присвоение, распределение и перераспределение общественных ресурсов и фондов в личных целях, незаконную приватизацию, незаконную поддержку и финансирование политических структур, вымогательство, предоставление льготных кредитов, заказов, знаменитый «блат», «распил бюджета», создание чиновниками своих компаний и многое другое.

Для девиантологов очевидно, что коррупция, социальная суть которой состоит в продажности, — действительно, проблема номер один для российского общества и государства. И дело не столько в масштабах проявлений бытовой или низовой коррупции среди медицинских, вузовских работников или сотрудников ГИБДД, в массовых поборах населения, сколько в том, что основательно поражены коррупцией властные структуры в центре и на

местах. Разумеется, «бытовых» коррупционеров, как самых типичных рядовых взяточполучателей, ни в коей мере не стоит оправдывать. Однако их коррупционные практики — скорее способ адаптации к рынку при низких зарплатах (определяемых государством) и резком падении социального престижа массовых профессий в условиях двойной аномии по Дюркгейму и Мертону, вызванных резкой сменой парадигм общественного развития.

Гораздо более опасной для российского социума является теневая коррупция в «верхах» в связках «власть и бизнес», «власть и население», между уровнями власти, когда покупаются контракты, лояльность, «теплые места». Словом, тотальная продажность тех, кто должен показывать обществу позитивные примеры служения делу и отечеству, а не факты безнаказанного казнокрадства, растрат, кумовства, мздоимства. Массовая коррумпируемость государственного аппарата порождает в обществе угнетающую социально-психологическую атмосферу, чреватую для населения стрессами, бесперспективностью, деморализацией и маргинализацией широких слоев населения, бегством из страны интеллектуалов. В органах власти и бизнес-сообществе происходит деградация менеджмента, депрофессионализация и разложение государственного аппарата. Неслучайно Россия «топчется» на месте: не может десятилетиями, имея баснословные природные богатства и даровитый трудовой народ, перейти от сырьевой экономики к экономике инновационной, преодолеть массовую бедность, тем самым снизив остроту социального неравенства и социальной несправедливости.

Не только специалистам, но и любому «профану» очевидно: рыба коррупции в стране гниет с головы, но чистят ее чаще всего с хвоста. Отсюда все усилия первых лиц государства, органов МВД и прокуратуры, Следственного комитета, ФСБ и других правоохранительных институтов в этом направлении скорее эфемерны и социально не эффективны.

Современная российская коррупция, как показывает анализ различных монографических, диссертационных источников,

журнальных публикаций, институционализована, поскольку сложились и систематически воспроизводятся роли, нормы и таксы коррупционного поведения. Она как неформальный социальный институт встроена в систему государственного управления, носит *системный* характер. Смена отдельных участников коррупционной системы не затрагивает ее в целом. По критическим оценкам некоторых политологов, в частности П.Салина, скандалы затихают, а коррупция остается как часть коррупционной вертикали («на место А.Сердюкова и его девиц придут представители других кланов властной элиты»)[3]. Складывается впечатление, что коррупционированность, замаранность в коррупции в некотором смысле выступают как способ управления, как некая гарантия зависимой «преданности» высоко и не очень поставленных клерков. Неслучайно еще со времен Б.Ельцина в стране идет борьба кланов, оружием которых выступают «чемоданы с компроматом», которые нужны, чтобы «окоротить» высоко поставленных чиновников и политических оппонентов. Кроме того, коррупция в стране приобрела разветвленный *сетевой характер*. В центре коррупционных сетей оказываются как естественные монополии, финансовые учреждения, строительство дорог, олимпийских и иных социально значимых проектов, так и региональные и федеральные органы власти, органы правопорядка, обороны и правосудия.

Очевидно, что, не подвергнув коррупцию в российских бюрократических верхах, а затем и в обществе в целом, существенной и долговременной рестрикции (ограничению), не удастся эффективно решить ни одну политическую, социальную или экономическую проблему страны.

В науке существует большое разнообразие подходов к пониманию, объяснению феномена и причин коррупции.

Традиционная криминология описывает причинный комплекс экономической преступности и коррупции в объективных средовых детерминантах и условиях (рыночные реформы, отставание в развитии хозяйственного, уголовного, административного права, дисфункции органов пра-

вопорядка, развитие теневой экономики и легализация преступных капиталов, сбой в работе государственной машины – приватизация и криминализация власти на местном, региональном и федеральном уровнях и др.). Антикоррупционная деятельность в соответствии с криминологическим подходом ориентируется, прежде всего, на пресечение коррупции по «факту» коррупционного деяния. Однако большинство проявлений коррупции ускользает от криминологического анализа, поскольку проявления коррупции как социального явления разнообразнее и носят исключительно латентный характер.

В социально-экономических науках, с позиций *неоклассического экономического подхода*, в рамках модели «Homo Economicus», хорошо описываются рациональные мотивы поведения коррупционера, увеличивающего свои доходы с помощью коррупционных практик (Becker 1968; Stigler 1974; Bowles, Garoupa 1997). Для описания коррупционных отношений «принципал–агент» используется *неоинституциональный экономический подход* (Shleifer, Vishny 1993; Fan, Lin, Treisman 2009).

Экономические, рыночно ориентированные подходы к изучению коррупции рассматривают ее как форму социального обмена, а коррупционные платежи — как часть трансакционных издержек (С.Роуз-Аккерман). Если бы государство занимало роль «ночного сторожа» в экономических отношениях, то коррупции было бы меньше. При сильном государственном вмешательстве и регулировании экономических процессов коррупция функциональна и выполняет роль «смазки» для ускорения принятия решений, необходимых бизнесу в целях эффективного хозяйствования.

Исследователи коррупции, в рамках *неоинституционального социологического подхода*, делают акцент на укорененность коррупционной деятельности, на то, что она включена в соответствующие социальные сети (Sobel 2002; Egbert 2006). «*Менеджерский*» подход объединяет исследования коррупции, которые изучают дефекты функционирования институтов и организаций, связанных с бюрократизмом,

а также реформами (Manning, Parison 2004; Miller, Ventura 2004; Macchiavello 2007)[5].

Неомарксистский подход к коррупции трактует ее как основной порок капитализма - социальное явление, порожаемое современным буржуазным обществом, где все на продажу. Коррупция - продукт общества развитых товарно-денежных отношений, широко распространена в странах с развитым рынком, торгово-посредническим или финансовым капитализмом.

Социологический конструктивизм рассматривает коррупцию в рамках субъективистской перспективы анализа как социальную конструкцию, опираясь на концепцию социального конструирования реальности П.Бергера и Т.Лукмана. Коррупция выступает как социальная конструкция тогда и только тогда, когда она осознается людьми в ходе коммуникаций и обозначается в итоге как сложная, острая, сдерживающая прогресс, социальная проблема. Процесс ее конструирования включает рост числа фактов продажности (взяточничества) чиновников и должностных лиц, принимающих решения; криминализацию некоторых форм коррупционной активности.

С.Чибнелл и П.Саундерс, применив конструктивистский подход к анализу коррупции, идентифицировали ее скорее как классификацию поведения, достигнутого в результате коммуникации, нежели качество, внутренне присущее определенному типу поведения. Они продемонстрировали, как интерпретация коррупционного действия может изменяться в зависимости от специфики социального контекста и запаса знаний [10].

Этот оригинальный исследовательский подход не является универсальным, но его эвристический потенциал позволяет увидеть весьма скрытый аспект в природе современной российской коррупции: на конструирование коррупции, распространение и мотивацию коррупционных преступлений оказывают существенное влияние не только объективные социоструктурные факторы, но и социокультурные и психологические детерминанты.

Отечественные исследования проявлений коррупции широко представлены в

рамках криминологической науки (А.Долгова, Б.Волженкин, В.Лунеев, О.Мартыненко и др.), экономической социологии (Т.Заславская, И.Голосенко, Т.Шанин, В.Радаев, Л.Косалс, Л.Тимофеев, И.Кузнецов, С.Барсукова и др.), девиантологии (Я.Гишинский, Я.Костюковский, А.Салагаев, А.Коннов, Ю.Латов, Ю.Комлев и др.).

В работах институционалистов убедительно раскрыты социо-структурные модели и причины коррупции, обусловленные чрезмерным вмешательством государства в экономическую жизнь общества. Однако развитые либерализм, демократия и рынок не ведут к исчезновению коррупции. Они лишь снижают уровень бытовой коррупции, усиливая коррупцию бюрократического аппарата и высших эшелонов управления государством, порождая ухищренные формы взяточничества, фаворитизма, nepотизма, протекционизма, лоббизма, предоставление преференций и льготных кредитов, выгодных контрактов.

Рискну предположить, что объяснение этой метаморфозы следует искать не только в институциональной, но и социокультурной плоскости. Одна из таких попыток сделана С.Алексеевым в его диссертационном исследовании, где доказывается, что коррупция как «социальное явление – часть культуры населения» [11]. Действительно, культура общества служит наиболее общим механизмом аккумуляции, хранения и передачи не только позитивных, одобряемых в нем способов деятельности, но и негативных – неодобряемых. Среди негативных образцов широко представлены нормы криминальной субкультуры. Очевидно, что субкультура преступной среды «подсказывает» примеры криминального поведения.

С переходом к рынку и вовлечением в предпринимательство активных представителей корпуса «красных директоров», номенклатурного слоя, «теневиков» и преступной среды в новом бизнес-сообществе широкое распространение получают нормы криминальной субкультуры, позволяющие выяснять отношения не в правовом поле, а по «понятиям» на «стрелках». В чиновничество по принципам земляче-

ства и личной преданности, «блата» все чаще рекрутируются представители тех или иных кланов, что быстро вытесняет прежнюю номенклатурную бюрократию.

Заметим, что утверждение в ходе реформ норм рыночной культуры конкуренции в российском социуме поощряет массовые установки на достижение финансового успеха. Деньги становятся высшей ценностью. В погоню за богатством устремляются не только предприимчивые дельцы, но и безнравственные чиновники. В итоге эти фундаментальные социокультурные сдвиги во многом предопределяют формирование и распространение в аппарате управления и бизнес-сообществе *субкультуры продажности*, которая санкционирует те или иные практики коррупционного поведения.

Однако достичь высоких стандартов материального благополучия могут, увы, не все в силу структурных ограничений в рыночном обществе, где представители разных классов имеют ограниченные легальные возможности добиться успеха. Между целью, определяемой культурой конкуренции, и средствами ее достижения возникает напряжение (strain), ведущее к их рассогласованию, а следовательно, к аномии, по Р.Мертону (1938).

В условиях рыночного капитализма индивиды выбирают для себя ту или иную модель приспособления для преодоления аномии: от конформизма, при выборе одобряемой культурой цели богатства и законных средств ее достижения, до их полного неприятия (ретретизм) и даже замещения (мятеж). Неслучайно Р.Мертон пишет, что «обман, коррупция, аморальность, преступность, короче говоря, весь набор запрещенных средств, становится все более обычным», когда возникает аномическое напряжение и люди выбирают для себя девиантную адаптацию [12, С.304].

Стрейн-теория получила дальнейшее развитие в трудах девиантологов, и в настоящее время ее модификацию чаще именуют общей теорией напряжения, которая выделяет несколько типов препятствий для достижения определяемых культурой позитивных целей (Д.Эллиот,

Д.Гринберг и др.). Согласно стрейн-теории, чиновник – представитель низшего или среднего класса, как инноватор, стремясь к обогащению любой ценой, может выработать новый способ улучшения своего материального положения с помощью участия в незаконной приватизации, в предпринимательстве, в откатах, в коррупционных сделках, в бизнесе. Да, но как объяснить коррупционное поведение высокопоставленных чиновников, «белых воротничков» и элиты, которые уже достигли материального успеха и завидного социального положения?

В этом случае познавательный интерес представляют эвристические возможности дискурса вокруг теорий криминальной субкультуры (subcultural crime theory). Сторонники субкультурных теорий, как известно, рассматривают происхождение криминальных субкультур в терминах стрейн-теории при возникновении эффекта адаптации по типу инновации. Причем систематическая реализация инновационных девиантных практик позволяет закрепить соответствующую делинквентную норму в субкультуре определенного преступного сообщества. Второй путь происхождения криминальной субкультуры состоит в искажении определенных ценностей доминирующей при капитализме конкурентной культуры, превращая их в субкультурные нормы преступной среды. Описанные алгоритмы вполне объясняют формирование как субкультуры преступности, так и субкультуры продажности в транзитивном российском обществе.

В 1939 году Э.Сазерленд, изучавший преступность «белых воротничков» в США, под влиянием идей Г.Тарда сформулировал основные концепты теории дифференциальной ассоциации.

Теория Э.Сазерленда в редакции 1947 года содержит 9 базовых положений. Их суть состоит в том, что «систематическому криминальному» поведению индивиды обучаются в процессе непосредственного, чаще неформального, общения с другими людьми, объединенными в криминальные группы или коррупционные сети. В ходе общения индивид заимствует у членов группы как технику преступления, так и

специфику мотивов, стимулов, отношений. Индивид становится делинквентным из-за превалирования в преступной среде определений, благоприятных для нарушения уголовного закона над определениями, неблагоприятными для девиации. В итоге, индивид, интенсивно взаимодействующий с группой носителей криминальной субкультуры, накапливает переизбыток «дифференциальных ассоциаций» с ее негативными определениями и нормами по сравнению со «связями», которые он имеет с носителями антикриминальной культуры.

Под давлением установленных ассоциаций с криминальной субкультурой, даже при законопослушном поведении в прошлом, индивид встает на путь преступлений для удовлетворения своих материальных амбиций и потребностей.

Д.Глейзер в 1956 году предложил процесс дифференциальной ассоциации интерпретировать с помощью концепта «дифференциальная идентификация». По его мнению, в рамках дифференциальной идентификации индивид следует криминальному поведению до тех пор, пока он идентифицирует себя с реальными или воображаемыми людьми, с чьей точки зрения, его криминальное поведение кажется допустимым. Эти люди могут быть не только представителями преступных сообществ, но и близкими друзьями, успешными в финансовом плане или в плане карьеры, либо референтными группами (кумирами). Д.Кресси в 1979 году уточнил и переформулировал ряд положений теории Э.Сазерленда [13, С.168-171].

Теория дифференциальной ассоциации была весьма популярной в середине и конце XX века. Она успешно использовалась при объяснении как «обычной» преступности, так и преступности «белых воротничков» и элиты. Однако Сазерленд не смог ответить на вопрос, почему люди имеют те дифференциальные связи, которые у них есть. В последующем были предприняты новые шаги по развитию теории дифференциальной ассоциации, и Р.Айкерс, корректируя теорию Сазерленда, создал свою теорию социального научения (social learning theory) [14].

Теория социального научения Р.Айкерса включает в себя все основные положения Сазерленда. Вместе с тем Айкерс детально уточняет механизмы научения преступному поведению, опираясь на разработки современных ему ученых-бихейвиористов. К понятиям «дифференциальные ассоциации» и «определения закона» им были добавлены концепты «дифференциальное усиление», «имитация» и другие положения, развивающие теорию социального научения.

Концепт «дифференциальное усиление» описывает тот факт, что девиантное поведение индивида определяется мерой влияния поощрения или наказания. Будет ли индивид удерживать себя от совершения преступления в настоящем или совершит его в будущем, зависит от прошлых, настоящих и ожидаемых в будущем поощрений и наказаний за эти его действия. Вероятность совершения или повторения деликта возрастает при поощрительном результате или реакции на него, например, такой как получение больших денег, поддержки или иных приятных ощущений. Это *положительное усиление*. Вероятность совершения криминального действия увеличивается, если индивид может избежать нежелательной огласки или репрессивных мер. Это *негативное усиление*. Айкерс описывает модальность ассоциации и усиления. Чем больше значение ассоциации или интенсивность усиления для девиантного поведения людей, тем выше вероятность совершения и повторения криминального действия или коррупционного акта.

Айкерс подчеркивает, что социальное научение является комплексным процессом взаимных воздействий индивида с криминальной группой и эффектом обратной связи. Это процесс, в ходе которого складывается баланс усвоенных определений, имитаций моделей криминального поведения и мер дифференциального усиления, что обеспечивает в итоге устойчивое делинквентное поведение.

Как видим, предметный каркас теории социального научения Р.Айкерса образуют четыре основных концепта: «дифференциальная ассоциация», «дефиниция»,

«дифференциальное усиление», «имитация». Модель процесса научения, предложенная ученым, адекватно объясняет феноменологию нормонарушающего делинквентного поведения индивида, в случае если он дифференцированно ассоциируется с теми, кто придерживается девиантной модели поведения, когда девиантность дифференциально усиливается гораздо больше, чем конформизм, когда его собственные определения закона благоприятствуют девиантным действиям. Базовые положения теории социального научения Р.Айкенса убедительно верифицированы эмпирическими данными, в том числе и при объяснении преступности «белых воротничков» и коррупционной преступности.

Следовательно, теория социального научения открывает один из возможных достаточно эффективных способов объяснения, понимания природы и специфики коррупции в транзитивном российском обществе как вида негативного девиантного поведения. Опираясь на теоретическое наследие создателей теорий делинквентной субкультуры и социального научения преступности, на концепт «субкультура продажности», можно вполне адекватно оценить феномен современной российской коррупции, уточнить вектор и выдвинуть новые меры по ее противодействию.

Таким образом, дифференциальные ассоциации, формирующиеся у потенциального коррупционера с нормами и моделями девиантности в рамках делинквентной субкультуры продажности ради достижения материального успеха без оглядки на моральные и правовые ограничители, дифференциально усиливает его коррупционную активность.

Субкультурные образцы латентной, успешной, а главное, безнаказанной коррупции низам подают, прежде всего, верхи.

Об этом свидетельствуют убедительные примеры А.Сердюкова, Е.Скрынник, Т.Голиковой, Р.Панова, Е.Васильевой и других, обеспечивающие путь к финансовому благополучию и продвижению по социальной лестнице. Они широко известны в чиновничьей среде, бизнесе, сфере криминалитета, широких общественных кругах.

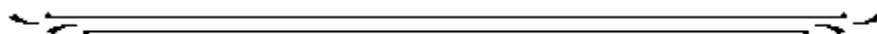
В связи с этим успеху антикоррупционной политики в стране могут способствовать не только меры по демократизации общества и развитию политической системы, по сокращению чиновничьего усмотрения при регулировании хозяйственных отношений, ограничению власти и произвола высшей бюрократии. Уместно сокращение прогибационизма и двусмысленности в нормативных источниках, регулирующих хозяйственную деятельность предпринимателей. При этом важно разрушить субкультуру продажности, существенно повысить ответственности управленческого аппарата при разрешении подведомственных вопросов, установить зависимость служебного поведения чиновников от итогового социального пакета при увольнении и выходе на пенсию, реально повысить оплату труда чиновников при более тщательном контроле их дорогостоящих расходов и приобретений, усовершенствовать систему рекрутирования, подготовки и ротации управленческих кадров. Совершенно необходимо обеспечить строгое соответствие поведения чиновников деонтологическому кодексу государственной службы. И, наконец, в масс-медиа необходима активная пропаганда персоналий и управленческих практик, свидетельствующих об антикоррупционной культуре бескорыстия, преданности делу и служению отечеству.

ЛИТЕРАТУРА

1. В России разгорелись коррупционные скандалы [Электронный ресурс] URL:<http://www.inopressa.ru/article/19nov2012/nytimes/corruption.html>
2. Волна коррупционных скандалов в России: эксперты говорят об обострении внутриэлитной борьбы [Электронный ресурс] URL:http://www.dp.ru/a/2012/11/13/Volna_korrupcionnih_skand/

СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

3. Эксперты: коррупционные скандалы свидетельствуют о переделе сфер влияния в элите [Электронный ресурс] URL: <http://www.rb.ru/article/eksperty-korrupsionnye-skandaly-svidetelstvuyut-o-peredele-sfer-vliyaniya-v-elite/7052517.html>
4. Хинштейн рассказал о коррупционном скандале из-за новой формы МВД [Электронный ресурс] URL: <http://lenta.ru/news/2012/10/05/uniforms/>
5. Изюмов А.И., Косалс Я.Я. Исследования полицейской коррупции в развитых, развивающихся и трансформирующихся странах как часть проблемы изучения неформальной экономической деятельности полиции // Экономическая социология. Т.11. 2010. №2 [Электронный ресурс] URL: <http://www.ecsoc.hse.ru>
6. В российских новостях доминируют коррупционные скандалы [Электронный ресурс] URL: <http://www.inosmi.ru/russia/20121203/202913945.html>
7. Панов В. Жулики без границ. Почему Запад перестал реагировать на коррупционные скандалы в России [Электронный ресурс] URL: http://www.stoletie.ru/tekuschiy_moment/zhuliki_bez_granic_676.htm
8. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2007.
9. Коррупция в Татарстане: где берут больше всех? [Электронный ресурс] URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/74222/>
10. Быстрова А., Сильвестрос М. Феномен коррупции: некоторые исследовательские подходы [Электронный ресурс] URL: http://www.textfighter.org/raznoe/Sociolog/Article/bystrova_a_silvestros_m_fenomen_korruptsii_ne_issledovatelskie_podhody_elektronnaya_sotsiologii.php
11. Алексеев С.В. Коррупция в переходном обществе [Электронный ресурс] URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-197032.html>
12. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М., 1996.
13. Комлев Ю.Ю., Сафиуллин Н.Х. Социология девиантного поведения. Казань: КЮИ МВД России, 2006.
14. Akers R. Criminological Theories: Introduction and Evolution. Los Angeles, 1997.

Л.В.Готчина ,

доктор юридических наук,
кандидат социологических наук, доцент
(Санкт-Петербургский
университет МВД России)

О СУТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СПОРА ВОКРУГ ОТКАЗА ОТ КОНТРОЛЯ НАД НАРКОТИКАМИ

Международная политика в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и в области противодействия их незаконному обороту строится на принципах приоритетности мер по профилактике наркоманий и правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Уголовное законодательство в сфере незаконного оборота наркотиков претерпело существенные изменения в ряде стран. В частности, легализована марихуана. Однако в России необходимо сохранить запреты на ввоз, распространение запрещенных веществ и торговлю ими.

Ключевые слова: уголовно-правовая профилактика, уголовное законодательство, организованная наркопреступность.

International politics in the area of drug trafficking and in the area of countermeasures to their illegal turnover is built on the principle of priority of the measures to prevent the drug-connected crimes. Criminal law in the field of illicit drug trafficking has undergone substantial changes in a number of countries. In particular, legalized marijuana. But in Russia it is necessary to maintain the prohibition on the import, distribution and trafficking of prohibited substances.

Key words: criminal and legal preventive measures, criminal legislation, organized drug crime.

В мире выработаны три стратегии оборота наркотиков: запретительная (Россия), легальная (Голландия, Швейцария, Нидерланды, Великобритания, Австралия) [1] и промежуточная, или концепция «меньшего вреда» (Чехия, США, Швеция).

Международная практика применения антинаркотических программ различна. Приоритет профилактики наркопотребления и оказания помощи больным в ряде стран вытесняет силовые методы борьбы. В частности, Франкфуртская резолюция 1993 г. направлена на отмену уголовной ответственности и штрафов за потребление наркотиков, поскольку они не способствуют оказанию помощи наркоманам. В печати Калифорнии все чаще обсуждается

вопрос о легализации марихуаны. «Активисты хотят, чтобы хранение ее унции было разрешено лицам, достигшим 21 года. Сейчас – это правонарушение и облагается штрафом 100 долларов» [2]. Далее приводятся данные проведенного опроса граждан, из которых 56 % считает, что указанное наркотическое растение может стать новым источником прибыли, который облегчит бюджетный дефицит штата. Отмечаются и опасения критиков, утверждающих, что «вред, нанесенный обществу легализацией, – от снижения успеваемости в учебе до увеличения количества дорожно-транспортных происшествий и несчастных случаев на работе – превзойдет возможную экономическую выгоду» [2].

По заявлению Д. Керликовске, руководителя управления по национальной политике в области контроля за распространением наркотиков, «США завершают многолетнюю войну с наркотиками» [3], ассигнования на которую в прошедшие четыре десятилетия неуклонно росли. «В 1969 году из американского бюджета на борьбу с наркотиками выделялось 81,4 млн долларов. За пять лет цифра выросла почти на порядок – до 760 млн долларов. В 2008 году только из федерального бюджета потрачено на эти цели 13,7 млрд. Примерно в 1,5 раза больше на антинаркотическую войну расходуют бюджеты штатов» [3].

Кроме того, во многих штатах назначается тюремное заключение за хранение любого количества запрещенного наркотика. Однако в 13 из них (Аляска, Вашингтон, Гавайи, Калифорния, Орегон и другие) с 1996 по 2009 годы были приняты законы, отменяющие уголовную ответственность за хранение и выращивание марихуаны для нуждающихся в ней по медицинским показаниям. «На Ямайке трижды лоббировалась ее легализация (в 2001, 2003 и 2008 годах). По данным американских правоохранительных служб, 60-80 % прибыли мексиканские наркокартели получают именно за счет «травки» [3].

11 января 2010 года одобрен законопроект о легализации марихуаны 14 штатом США – Нью-Джерси. В соответствии с ним, врачам разрешается выписывать наркотик страдающим тяжелыми хроническими болезнями. Пациентам будет выдаваться не более двух унций в месяц. Некоторые работники системы образования и правоохранительных органов решительно возражали против билля, говоря, что теперь доступ для курения «травки» будет существенно облегчен, в том числе большим числом подростков. Кроме того, введение этого проекта увеличит давление в школах на обучаемых со стороны своих сверстников, негативно повлияет на обстановку в районах» [4].

Переход к промежуточной стратегии оборота наркотиков в США был связан с медленным, но неуклонным ростом общей приобщенности к наркотикам выпускников американских школ. Ежегодный при-

рост, не превышающий 2-3 %, привел к тому, что весной 1997 года численность имеющих опыт минимум разового наркоупотребления достигла 54,3 %, то есть поднялась за шесть лет почти на 14 % [5]. Заметно возросло и число актуальных потребителей и составило в 1997 году 26,2 %. После 1999 года началось чрезвычайно медленное, но все же снижение уровня знакомства с наркотиками от 0,1 % в год, достигнув 2 % в 2003 году, а общая приобщенность к ним выросла до 51,1 % [5]. «В последнее десятилетие среди американских старшеклассников изменилось соотношение случайного и активного потребления: начиная с 1994 года, оно стало уже не 3:1, а примерно 2:1» [6].

По европейским данным, среди молодежи уровень потребления наркотиков примерно вдвое выше, чем среди взрослых. В структуре потребления преобладает конопля.

Сегодня каннабис является самым распространенным наркотическим средством в мире. Еще во Всемирном докладе о наркотиках за 2005 год [7] ему уделено особое внимание. Однако политика стран в отношении контроля над ним имеет самый разный характер и нередко меняется в течение одного года. «Имея практически неограниченные возможности по предложению при спросе, регулируемом капризами политических партий различных стран, наркодельцы вкладывают большие средства в увеличение силы воздействия каннабиса на организм человека и, соответственно, его рыночной привлекательности. Скачки в проводимой политике дезориентируют молодых людей относительно той степени опасности, которую представляет этот наркотик. Как результат, мы имеем катастрофические последствия: сегодня характеристики каннабиса не слишком отличаются от таких наркотических веществ растительного происхождения, как кокаин и героин. Эпидемия его распространения, подобно всем другим угрозам здоровью людей, требует действенных и долгосрочных мер государств» [7].

Не все согласны с такой позицией Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН). Так, сотрудник

Института проблем развития Мик Мур озвучивает, что «режим контролируемой терпимости к марихуане был бы эффективным» [8] на международном уровне. Однако, по его мнению, имеются политические препятствия. Среди них – «агрессивность УНП ООН в этом вопросе». Далее он выделяет взаимосвязь между уголовным законодательством, не допускающим нарколегализации, и ростом наркомании: «государственная нетерпимость двух влиятельных недемократических стран – Ирана и Российской Федерации, отмеченных эпидемией героиновой зависимости, настолько велика, что для лечения зависимости и обмена шприцов почти не остается возможностей. В обеих странах из-за использования общих шприцов все больше распространяется ВИЧ/СПИД; в одной только России насчитывается более миллиона ВИЧ-положительных наркоманов» [9].

Чешские власти с 1 января 2010 года легализовали продажу не только так называемых мягких наркотиков, но и даже некоторых их «тяжелых» аналогов, «определив минимальное количество наркотических средств (в граммах: марихуаны – 15, героина – 1,5, кокаина – 1, гашиша – 5, амфетамина – 2; пять доз ЛСД и до 40 галлюциногенных грибов), хранение которых обернется не уголовной, как раньше, а административной ответственностью. Правительства Польши и Словакии, встревоженные таким «социальным экспериментом», заявили о создании специальных приграничных подразделений полиции, так называемых «заградительных отрядов» против ввоза «дури». Для сравнения: в Польше, например, до сих пор можно загреметь на три года даже за одну дозу марихуаны. А за распространение и производство наркотиков грозит лишение свободы до 8 лет. Тем временем в польских молодежных интернет-блогах уже появились адреса, где в Чехии можно купить «наркоту» и по каким ценам. Притом что еще до конца не решен вопрос о том, где и как будут продаваться легализованные наркотики: под госконтролем в специализированных кафе и барах, как в Голландии, или же это дело оставят на откуп «бизнесу». Кстати, в той же Голландии власти не

раз изъявляли желание покончить с наркотуризмом.

В не меньшей степени они обеспокоены и перспективой организации «наркотуров» в Чехию [10]. «В связи со вступлением в силу нового закона, цены на наркотики в Чехии снизились на 30-40 %. Однако, как отмечают эксперты, в стране официальных мест их продажи нет, и торговля остается нелегальной. Согласно статистике, 28 % чехов моложе 24 лет хотя бы раз в год курят траву, что является наивысшим показателем в Евросоюзе. По данным Европейского мониторингового центра по наркотикам и наркомании (EMCDDA), в Старом Мирае именно чешская молодежь – лидер по курению марихуаны. Некоторые правительства ЕС уже выразили обеспокоенность чешским экспериментом» [11].

Суть спора вокруг отказа от контроля над наркотиками разъясняется во Всемирном докладе о наркотиках за 2008 год, подготовленном УНП ООН [11]. В пользу такого отказа выдвигаются аргументы, связанные с экономикой, здравоохранением и безопасностью. По мнению исполнительного директора УНП ООН Антонио Мария Коста, экономическое обоснование следующее: «Необходимо легализовать наркотики и тем самым увеличить налоговые поступления. Этот аргумент по принципу легализовать и обложить налогом аморален и экономически неоправдан. Он предлагает ввести налог на порок, который из поколения в поколение выплачивали бы группы маргиналов (потерянных для общества наркоманов) для стимулирования оживления экономики. Может быть, сторонники такой меры выступают и за легализацию и обложение налогом других трудноконтролируемых видов преступной деятельности, таких как торговля людьми?» [11]. Он убежден, что «любое сокращение расходов на борьбу с наркотиками (вследствие сокращения расходов на правоохранительную деятельность) будет сведено на нет значительным ростом затрат на здравоохранение (из-за резкого роста потребления наркотиков).

Другие заявляют, что после легализации можно избежать возникновения угрозы массовой наркомании путем введения государ-

ственного регулирования рынка наркотиков. Речь вновь идет о наивной и недальновидной позиции. Во-первых, чем жестче контроль, тем быстрее можно ожидать появления параллельного (преступного) и более масштабного рынка, что лишает эту концепцию смысла. Во-вторых, принятие таких изолированных мер контроля по силам только нескольким (богатым) странам» [11]. Его тезис не вызывает у нас сомнения: «Не следует забывать одну простую истину: наркотики наносят вред не потому, что их контролируют, а их контролируют потому, что они наносят вред» [11].

Еще во Всемирном докладе о наркотиках за 2004 год УНП ООН акцентировало внимание на необходимости «сбалансированности профилактических мер и правоохранительных мероприятий» [7], в 2008 году проявляло «самую серьезную озабоченность организованной преступностью» [9]. В связи с этим исполнительный директор УНП ООН обратился к государствам-участникам с настоятельным призывом провести незамедлительно перенастройку программных ориентиров в направлении усиления мер контроля над преступностью без ослабления мер контроля над наркотиками. Доклад за 2009 год резюмирует: международному сообществу необходимо совмещать мероприятия по снижению предложения наркотиков с мероприятиями по сокращению их спроса и интегрировать национальные усилия в международные стратегии [12].

Действующие международные правовые нормы предусматривают уголовную ответственность за наркопреступления. В частности, Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года, содержит положения о наказании [13], статья 36 - принятие мер, обеспечивающих признание наказуемыми деяний, таких как: культивирование и производство, изготовление, извлечение, приготовление, хранение, предложение, предложение с коммерческими целями, распределение, покупка, продажа, доставка на каких бы то ни было условиях, маклерство,

отправка, переправка транзитом, перевоз, ввоз и вывоз наркотических средств и всякое другое действие, которое, по мнению ратифицировавших Конвенцию стран (далее - Сторон), может являться нарушением постановлений настоящей Конвенции, в тех случаях, когда они совершены умышленно, а также что серьезные преступления будут подлежать соответствующему наказанию, в частности, тюремным заключением или иным способом лишения свободы». Каждое из перечисленных преступлений считается подлежащим включению в качестве преступления, влекущего выдачу, в любой договор о выдаче, заключенный между Сторонами.

Кроме того, Концепция признает наказуемыми деяниями умышленное соучастие в каком-либо из таких преступлений, участие в сообществе с целью совершения и покушения на их совершение, подготовительные действия и финансовые операции в связи с ними (ч. 2 ст. 36) [13].

Нормой уголовного права рассматриваемого международного документа также регламентируется наложение ареста и конфискации на любые наркотические средства, вещества и предметы оборудования, использованные или предназначенные для совершения преступлений.

«В тех случаях, когда лица, злоупотребляющие наркотическими средствами, совершают вышеперечисленные преступления, Стороны могут предусмотреть либо в качестве замены осуждения или наказания, либо в дополнение к наказанию, чтобы в отношении таких лиц применялись меры, направленные на их лечение, воспитание, наблюдение за ними после окончания ими лечения, восстановление их трудоспособности и возвращение их в общество» [13].

Меры по пресечению злоупотребления наркотическими средствами предусматриваются в сфере содействия ознакомлению лиц, которым это необходимо по работе, а также населения, в случае если есть опасность, что оно приобретает широкие масштабы.

Иным значительным нормативным правовым актом в области международного права является Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотиче-

ских средств и психотропных веществ [14]. Статья 3 приводит перечень нарушений и санкций:

«а) i) производство, изготовление, экстрагирование, приготовление, предложение с целью продажи, распространение, продажу, поставку на любых условиях, посредничество, переправку, транзитную переправку, транспортировку, импорт или экспорт любого наркотического средства или любого психотропного вещества в нарушение положений Конвенции 1961 года, этой Конвенции с поправками или Конвенции 1971 года;

ii) культивирование опийного мака, кокаинового куста или растения каннабис в целях производства наркотических средств в нарушение положений Конвенции 1961 года и этой Конвенции с поправками;

iii) хранение или покупку любого наркотического средства или психотропного вещества для целей любого из видов деятельности, перечисленных в подпункте "i";

iv) изготовление, транспортировку или распространение оборудования, материалов или веществ, указанных в Таблице I и Таблице II, если известно, что они предназначены для использования в целях незаконного культивирования, производства или изготовления наркотических средств или психотропных веществ;

v) организацию, руководство или финансирование любых правонарушений, перечисленных в подпунктах "i", "ii", "iii" или "iv";

б) i) конверсию или перевод собственности, если известно, что такая собственность получена в результате любого правонарушения или правонарушений, признанных таковыми в соответствии с подпунктом "а" настоящего пункта, или в результате участия в таком правонарушении или правонарушениях, в целях сокрытия или утаивания незаконного источника собственности или в целях оказания помощи любому лицу, участвующему в совершении такого правонарушения или правонарушений, с

тем чтобы он мог уклониться от ответственности за свои действия;

ii) сокрытие или утаивание подлинного характера, источника, местонахождения, способа распоряжения, перемещения, подлинных прав в отношении собственности или ее принадлежности, если известно, что такая собственность получена в результате правонарушения или правонарушений, признанных таковыми в соответствии с подпунктом "а" настоящего пункта, или в результате участия в таком правонарушении или правонарушениях;

с) с учетом своих конституционных положений и основных принципов своей правовой системы:

i) приобретение, владение или использование собственности, если в момент ее получения было известно, что такая собственность получена в результате правонарушения или правонарушений, признанных таковыми в соответствии с подпунктом "а" настоящего пункта, или в результате участия в таком правонарушении или правонарушениях;

ii) владение оборудованием или материалами или веществами, указанными в Таблице I и Таблице II, если известно, что они используются или предназначены для использования в целях незаконного культивирования, производства или изготовления каких-либо наркотических средств или психотропных веществ;

iii) публичное подстрекательство или побуждение других любыми средствами к совершению любого из правонарушений, признанных таковыми в соответствии с настоящей статьей, или к незаконному использованию наркотических средств или психотропных веществ;

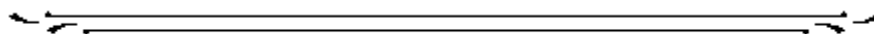
iv) участие, причастность или вступление в преступный сговор с целью совершения любого правонарушения или правонарушений, признанных таковыми в соответствии с настоящей статьей, попытки совершить такое правонарушение или правонарушения, а также пособничество, подстрекательство, содействие или дача советов при их совершении» [14].

Совершенствование международной правовой базы антинаркотической деятельности выработало механизм ее практической реализации. В целом, сотрудни-

чество государств осуществляется при соблюдении международно-правовых норм, в первую очередь, общепризнанных принципов международного характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Кристи Н., Бруун А. Удобный враг. Политика борьбы с наркотиками в Скандинавии / пер. с англ. А. Турунтаевой. М., 2004. 272 с.; Тимофеев Л. Модель «черной экономики»: наркобизнес // Теневые экономические системы современной России: теоретико-аналитические модели. – М., 2008. – С. 191-272.
2. Уиткомб Д., Горман С. Марихуана может спасти Калифорнию от краха // Thomson Reuters. 18.12.2009.
3. Крэк изобилия // Власть. 08.06.2009. № 22 (825). Режим доступа к изд.: sartrac.ru/i.php.
4. Грин Я. Курите марихуану на здоровье // Режим доступа к изд.: <http://www.polit.ru/institutes/2010/03/11/drugs.html>.
5. Release on Drug Use. 2003. Table 4 // Режим доступа к изд.: <http://www.monitoringthefuture.org>.
6. Мацкевич М.Г. Исследования наркотизма и проблемы профилактики // Наркотизм. Наркомании. Наркополитика / под ред. А.Г. Софронова. СПб., 2006. С. 34.
7. Всемирный доклад о наркотиках (World Drug Report) // Режим доступа к изд.: www.narkotiki.ru/mir_5767.html.
8. Наркотики: на пути к глобальному режиму терпимости. Точка зрения сотрудника Института проблем развития Мика Мура // Режим доступа к изд.: www.polit.ru.
9. Всемирный доклад о наркотиках (World Drug Report) // Режим доступа к изд.: www.antidrugfront.ru/world-drug-report-2008.html.
10. Шаньков В. Легализация наркотиков в Чехии напугала соседние страны // Новые известия. 12 января 2010 г. // Режим доступа к изд.: www.demoscope.ru/weekly/2010/0405/gazeta-025.php.
11. В Чехии легализировали наркотики. 4 ноября 2010 г. // Режим доступа к изд.: korrespondent.net.
12. Всемирный доклад о наркотиках (World Drug Report) // Режим доступа к изд.: <http://www.un.org/ru/development/surveys/-docs/drug2010.pdf>.
13. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года от 30.03.1961, Нью-Йорк с изм. и доп. от 25.03.1972 // СЗ РФ. 2000. № 22. Ст. 2269.
14. Конвенция организации объединенных наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20.12.1988 г., Вена // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVII. М., 1994. С. 133-157.

А.Н. Варыгин,

доктор юридических наук, профессор

(Саратовская государственная юридическая академия)

О ПРЕСТУПНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ЕЕ ТЕНДЕНЦИЯХ

В статье подвергнуты криминологическому анализу преступления сотрудников органов внутренних дел, как «профессиональные», так и «нетрадиционные».

Ключевые слова: преступная деятельность, сотрудники органов внутренних дел, правоохранительные органы, правонарушения.

In article subjected to криминологическому analysis of crime officers of the internal Affairs bodies, as «professional» and «non-traditional».

Key words: criminal activities, the staff of bodies of internal Affairs, law enforcement, offences.

Одной из проблем, наиболее волнующих в настоящее время общество, государство и многих граждан, является преступность. О ее разрушительном воздействии на общество нет смысла говорить в силу явной очевидности. Преступность, приспособляясь к социально-экономическим условиям развития общества, меняется на протяжении времени. Ее изменения носят как количественный, так и качественный характер. Если обратиться к статистике, то можно увидеть, что с конца 80-х годов по настоящее время преступность в стране постоянно росла, за небольшими исключениями нескольких последних лет. Это наглядно видно из официально опубликованных статистических данных [1].

Тревогу вызывает не только количественное изменение преступности (она растет как в России, так и в более экономически развитых странах, хотя в нашей стране этот рост в 2 раза выше общемировых темпов) [2]. Более серьезную угрозу таят ее качественные изменения. Сегодняшняя преступность существенно отличается от преступности конца 80-х–начала 90-х годов. Она приобрела организованный и профессиональный характер, многоцелевую и крупномасштабную ориентацию.

Представители преступного мира переходят от одних форм преступной деятельности к другим, более изощренным и опасным, которые причиняют, в том числе, значительный материальный ущерб. Преступность ожесточается, омолаживается, спланируется и проникает во многие сферы общественной жизни.

В занятие преступной деятельностью вовлекаются все новые и новые слои населения, представители различных сфер деятельности. В полной мере это коснулось и лиц, занимающихся предупреждением преступности. Как отмечает А.И. Долгова, «криминализируется общество – криминализируются и его структуры, рассчитанные на борьбу с преступностью» [3]. По общему замечанию М.П. Клейменова, коммерциализация не только поразила политику, но и проникла в правоохранительную сферу, где осуществляется широкомасштабная торговля свободой [4].

В первую очередь это относится к сотрудникам органов внутренних дел, на долю которых приходится наибольшее количество преступлений, по сравнению с сотрудниками других правоохранительных структур. Их доля составляет около 95% всех преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов

страны. Например, в 2008 году к уголовной ответственности было привлечено всего 26 судей и 33 сотрудника прокуратуры. В связи с этим к криминологическому анализу будут подвергнуты, прежде всего, преступления сотрудников органов внутренних дел.

С 1989 по 2007 гг. количество совершаемых сотрудниками ОВД преступлений возросло более чем в 5 раз, о чем наглядно свидетельствуют статистические данные. Так, если в 1989 году (со времени рассекречивания таких данных) было зарегистрировано 1020 преступлений и привлечено к уголовной ответственности 1057 сотрудников, то в 2007 году эти показатели составили 5180 преступлений и 4367 сотрудников, их совершивших. С 2008 года эти показатели стали несколько снижаться – было зарегистрировано 4367 преступлений [5]. В 2009 году в отношении 4202 сотрудников милиции были возбуждены уголовные дела, в 2010 году – в отношении 4171 сотрудника [6].

При этом следует помнить, что фиксированность таких преступлений довольно низка и официальные статистические данные также не отражают действительного положения. Уровень латентности преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, довольно высок. Согласно результатам нашего исследования, 80% преступлений сотрудников органов внутренних дел не доходят до уголовно-правовой статистики. Исходя из этого, можно предположить, что ежегодно в стране сотрудниками ОВД совершается не менее 20 тыс. преступлений, основная масса которых остается вне статистики.

Как показывают результаты анкетирования осужденных к лишению свободы сотрудников ОВД, самыми распространенными преступлениями, совершенными ими, являются преступления против собственности. На их долю приходится 39,5% всех преступлений, совершенных опрошенными осужденными. Из них 14,6% – кражи; 10% – грабежи и столько же разбойные нападения; 2,8% преступлений – мошенничество и 2,1% – вымогательство.

Велика доля преступлений против личности. Так, 13,6% из них – убийство (ст.

105, 108 УК РФ, а также причинение смерти по неосторожности – ст. 109 УК РФ); 10,6% – причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью; 6,9% – изнасилование. В общей сложности такие преступления составили 19,5% от общего количества преступлений, совершенных опрошенными сотрудниками.

Самыми распространенными, как мы говорим, «профессиональными» преступлениями (должностными и против правосудия) [7] является превышение должностных полномочий. На его долю приходится 12,4% всех преступлений, совершенных опрошенными; 2,7% – получение взятки, 2,1% – злоупотребление должностными полномочиями, 1,9% – принуждение к даче показаний, 0,4% – служебный подлог.

Время вносит существенные изменения в структуру преступности сотрудников органов внутренних дел. В последние годы сотрудники совершают все больше преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (они участвуют в сбыте наркотиков, в том числе изъятых ими же у преступников; осуществляют и прикрывают перевозки больших партий наркотиков и совершают иные противозаконные действия).

Насыщенность страны в настоящее время огнестрельным оружием обуславливает его незаконное использование. Не случайно, что в последние годы распространенным преступлением, совершаемым сотрудниками, стало преступление, предусмотренное ст. 222 УК РФ, – незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, ношение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. На долю названного преступления приходится 3,2% от общего количества преступлений, совершенных опрошенными осужденными сотрудниками органов внутренних дел.

Вышеперечисленные преступления являются самыми распространенными преступлениями, за совершение которых сотрудники отбывают наказание в виде лишения свободы.

В общей сложности на их долю приходится около 97% всех преступлений, которые были совершены опрошенными нами

осужденными.

В последние годы нередкими стали случаи совершения сотрудниками органов внутренних дел ранее «нетрадиционных» для них преступлений - заказных убийств, создания банд, похищения людей с целью получения выкупа, терроризм [8]. Сотрудники ОВД стали специализироваться и на других деяниях – участвовать в захвате чужой собственности; заниматься через подставных лиц, родственников предпринимательской деятельностью (они содержат магазины, увеселительные учреждения, автосалоны); их услуги используются для устранения политических и экономических конкурентов (путем возбуждения в отношении них уголовных дел и привлечения к ответственности); создают банды с целью нападения на банкиров и предпринимателей.

Как отмечалось в докладе фонда ИНДЕМ «Диагностика российской коррупции: социологический анализ», в настоящее время работа правоохранительных органов характеризуется таким явлением, как сокрытие материалов оперативных разработок или уголовных дел для накопления и использования компромата. Этими данными торгуют, шантажируют, используют в политических и административных целях. Идет вытеснение милицией криминальных группировок, служащих «крышами» малому и среднему бизнесу, с последующим присвоением себе этих функций вместе с соответствующими доходами [9]. Как отмечает М.П. Клейменов, милицейские «крыши» сразу же потеснили бандитские формирования на соответствующем рынке. Так называемые «красные крыши» являются наиболее удобными и надежными, неслучайно, крупные российские банки не находятся под контролем бандитских группировок [10].

Характерно, что в последние годы все большее число сотрудников органов внутренних дел вовлекается в совершение «профессиональных» преступлений (должностных и против правосудия). В 2000 году впервые за многие годы количество таких преступлений (а они носят, как правило, коррупционный характер) превысило количество общеуголовных преступлений,

совершаемых сотрудниками милиции. Например, в 2010 году в отношении 2586 сотрудников были возбуждены уголовные дела по таким преступлениям, что также больше количества преступлений общеуголовного характера. Это свидетельствует о том, что все большее количество сотрудников органов внутренних дел используют свое служебное положение для извлечения материальной выгоды.

Кроме того, растет доля групповых преступлений, совершаемых сотрудниками. Если ранее подобные преступления, например, получение взятки, совершались обычно в одиночку, то сейчас ситуация изменилась. Около 50% «профессиональных» преступлений совершены опрошенными осужденными в группе, что подчеркивает повышенную общественную опасность подобных деяний. Наблюдается своеобразное распределение ролей в таких группах. Одни сотрудники вымогают взятку и рекомендуют передать ее конкретному лицу, которое ее и получает, третьи принимают решение, например, фальсифицируют материалы уголовных дел, выносят постановления о их прекращении и т.д. Как правило, группы состояли из сотрудников одного и того же подразделения. Подобная тенденция отмечается и другими исследователями.

Следственная и судебная практика, отдельные криминологические исследования, в том числе осуществленное и нами, фиксируют связь определенной части сотрудников органов внутренних дел с организованными преступными формированиями, их лидерами. Иногда сотрудники образуют покровительство, «крыши» организованным преступным формированиям. Сформировался некий симбиоз, казалось бы, непримиримых врагов – сотрудников милиции и преступников.

Сказанное позволяет констатировать, что в стране сложился и динамично развивается новый вид преступности - преступность сотрудников органов внутренних дел. Ее можно определить следующим образом: это новый, самостоятельный, имеющий ярко выраженную специфику, обусловленную личностью преступника, вид преступности, представляющий собой

совокупность преступлений, совершенных сотрудниками органов внутренних дел в стране за определенный промежуток времени. Речь следует вести именно о преступности как относительно массовом, устойчивом, специфическом явлении, а не о простой массе преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел.

Характерными особенностями данного вида преступности, на наш взгляд, являются следующие:

- повышенная общественная опасность, определяемая тем, что преступления сотрудников органов внутренних дел, кроме причинения вреда охраняемым уголовным законом объектам, влекут за собой дискредитацию правоохранительных органов в глазах населения страны и всей государственной власти в целом;
- высокий уровень латентности преступлений, совершаемых сотрудниками;
- корыстный характер большинства совершаемых преступлений.

Данный вид преступности отличается в последние годы негативными тенденциями, в частности:

- увеличением уровня групповых (в том числе носящих организованный характер) преступлений, совершаемых сотрудниками;
- связью преступной деятельности сотрудников с организованной преступностью;
- активным использованием сотрудниками органов внутренних дел при совершении общеуголовных преступлений своего служебного положения;
- ростом количества «профессиональных» (должностных и против правосудия) преступлений. Повышенная общественная опасность выделенного вида преступности определяется тем, что он подрывает авторитет правоохранительной системы и авторитет всего государственного аппарата в глазах населения страны, выступает своеобразным фактором, дестабилизирующим нормальное развитие государства.

Сложившаяся ситуация с правонарушениями в органах внутренних дел не могла не волновать руководство страны и МВД России. Президентом России в конце 2009 года было заявлено о необходимости реформирования системы МВД России. Од-

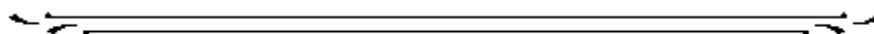
ной из задач реформы МВД РФ являлось, в том числе, снижение количества правонарушений, совершаемых сотрудниками министерства, формирование позитивного отношения к ним со стороны населения страны, что, конечно же, необходимо и с чем нельзя не согласиться. При этом следует отметить, что применяемые для этого руководством страны и Министерства внутренних дел меры, прежде всего, такие, как совершенствование системы отбора на службу в органы внутренних дел, профессиональное обучение и морально-психологическое обучение сотрудников, повышение их денежного содержания, далеко не новы. О необходимости реализации таких мер говорилось еще почти десять лет тому назад [11]. Хотя при этом речь не велась о столь массовом (на 20% от численного состава) сокращении сотрудников ОВД. И в настоящее время, на наш взгляд, такое масштабное сокращение нецелесообразно. Это связано с тем, что до настоящего времени количество совершаемых в стране преступлений остается достаточно значительным. Например, в 2012 году в России только официально было зарегистрировано 2,3 млн преступлений, из которых было раскрыто лишь 1,2 млн преступлений [12]. Но и к этим показателям следует относиться весьма скептически, так как реальная картина преступности, с учетом ее латентной составляющей, выглядит совсем иной. Во много раз больше в стране совершается преступлений, с которыми органы внутренних дел со своей имеющейся штатной численностью не справлялись. Как отмечает В.В. Лунеев, если сегодня правоохранительная система не справляется с расследованием выборочно учтенных 2,5-3 млн преступлений и около 1 млн. подсудимых, то эта система совсем рухнет под грудой около 12-15 млн уголовных дел по реально совершаемым преступлениям, более или менее охватывающих преступность. Правоохранительные органы вынужденно учитывают не более четвертой-пятой части реальной преступности [13].

При этом следует отметить, что цифра 12-15 млн преступлений в год также является весьма условной. Другие ученые, в

частности В.Д. Ермаков, утверждают, что преступлений, совершаемых в стране, гораздо больше, около 30-35 млн преступлений в год [14]. Следует отметить, что указанное сокращение численности сотрудников органов внутренних дел, хотя и необходимо, но оно должно осуществляться не в таких значительных масштабах и поэтапно, иначе государство может получить вместо предполагаемого положительного эффекта - «очищения рядов МВД» - рост преступности в стране во всех ее проявлениях и в силу этого – вынужденное сокрытие сотрудниками ОВД преступлений от учета, то есть совершение ими правонарушений.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Преступность и правонарушения (2005-2009 гг): статистический сборник. М., 2010. С. 15; Состояние преступности в России за 2010 год: статистический сборник. М., 2011. С.5.
2. См.: Колесников В.И. Преступность в России и стратегия борьбы с ней // Преступность: стратегия борьбы. М., 1997. С. 19; Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005. С. 845.
3. Организованная преступность – 4. М., 1998. С. 39.
4. Клейменов М.П. Проблема коррупции среди сотрудников службы криминальной милиции//Преступность в России и борьба с ней: региональный аспект. М., 2003. С. 14.
5. Отчеты ГИАЦ МВД РФ «О нарушениях законности и преступлениях, совершенных сотрудниками органов внутренних дел» формы НЗ за 1989–2010 годы.
6. <http://www.mvd.ru – press-interview-7774>.
7. См.: Варыгин А.Н. Преступность сотрудников органов внутренних дел и воздействие на нее. Саратов, 2003. С. 45.
8. См.: Агапов А.П. Криминологическая характеристика бандитизма // За диктатуру закона. Проблемы региональной безопасности: Общественно-политический альманах. Вып. 3. Саратов, 2000. С. 87.
9. Российская газета. 2002. 7 авг.
10. Клейменов М.П. Указ. соч. С. 15.
11. См., например: Варыгин А.Н. Указ. соч. С. 208-209.
12. См.: Состояние преступности в России за январь-декабрь 2012 года URL: <http://mvd.ru/presscenter/statistics>
13. Лунеев В.В. Преступность в России: тенденции, эффективность борьбы, прогноз//Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический ежеквартальный альманах. 2003. №.3. С. 100.
14. Ермаков В.Д. Масштабы латентной преступности в Российской Федерации и ее криминальная сущность//Криминология: общетеоретические и прикладные проблемы. М., 2008. С. 74.

Е.В.Березовская,
кандидат юридических наук
(Казанский юридический институт МВД России)

МЕЖДУНАРОДНОЕ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ. ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

В статье рассматриваются основные подходы к проблеме соотношения международного, регулирующего отношения между государствами и производными от них субъектами в самых различных сферах общественной жизни, и внутригосударственного правового регулирования, дается анализ их соотношения, наличия или отсутствия взаимодействия между ними.

Ключевые слова: международное правовое регулирование, внутригосударственное правовое регулирование, общественные отношения, национальное право.

The article considers the basic approaches to the problem of correlation of international regulating the relations between the States and of their derivative actors in the most different spheres of public life, and national legal regulation, an analysis of their correlation, the presence or absence of interaction between them.

Key words: international legal regulation, internal regulation, public relations, national law.

Проблеме соотношения международного и внутригосударственного правового регулирования на протяжении многих десятилетий уделялось достаточно много внимания. В настоящее время, пожалуй, она приобрела особую остроту и актуальность в связи с расширением сферы действия, усложнением структуры, а также дифференциацией субъектов международных отношений. Именно выделение норм международного права, регулирующих отношения между государствами и производными от них субъектами в самых различных сферах общественной жизни, и возникновение неоднозначно решаемых как международно-правовой, так и национально-правовой доктринами вопросов теоретического и эмпирического характера обусловили сам факт и масштаб дискуссий по поводу природы, места международного и внутригосударственного права, их соотношения, наличия или отсутствия взаимодействия между ними.

Возникновение исходного понятия правового регулирования обусловлено объективными законами исторического разви-

тия. Появление на определенном этапе развития общества государства вызвало к жизни особый вид нормативного регулирования – регулирование общественных отношений правовыми средствами сначала на внутригосударственном уровне, а затем и в межгосударственном общении. Особенность правового регулирования заключается прежде всего в том, что оно исходит от государства, осуществляется при помощи системы правовых средств, опирается на возможность государственного принуждения.

Правовое регулирование – важное условие создания стабильного правового порядка, а также органов, институтов и учреждений, способных обеспечить защиту и охрану от нарушений тех прав, свобод и законных интересов граждан и иных лиц, которые закреплены действующими нормами права. Общие социальные цели правового регулирования преследуют достижение социально полезных результатов и, в первую очередь, создание необходимых условий для прогрессивного развития общества.

Наличие правового регулирования просто необходимо для обеспечения и гарантирования в нормативном порядке свободы в обществе. Правовое регулирование – это явление, необходимость которого возникает из ряда предпосылок, например, таких, как утверждение справедливости, создание оптимальных условий для преимущественного действия в обществе экономических и духовных факторов. Отсутствие же эффективного механизма правового регулирования порождает произвол, своеволие в общественной жизни и жизни каждого.

Правовое регулирование можно определить как осуществляемое государством или от его имени воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения. Начинается правовое регулирование с установления, т.е. разработки и принятия юридических норм, которые именуют также нормами позитивного права. Установление юридических норм – необходимый и вместе с тем определяющий компонент правового регулирования, поскольку здесь закладываются основы правового регулирования, определяются все важнейшие его параметры, осуществляется нормативно-правовая регламентация общественных отношений.

Таким образом, правовое регулирование представляет собой воздействие государственной власти на общественные отношения при помощи системы правовых средств, к которым относятся, в частности, нормы права, правоотношения, правоприменительные акты.

В самом общем виде правовые средства – это все те юридические инструменты, с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение поставленных целей [1].

Выделяют следующие виды правового регулирования: международно-правовое регулирование, объектом которого выступают международные общественные отношения; национально-правовое, имеющее объектом внутригосударственные общественные отношения.

В свою очередь, международно-правовое регулирование в зависимости от источника подразделяется на следующие ви-

ды: двустороннее, выражающее согласованную волю двух государств; многостороннее, выражающее согласованную волю группы государств, как правило, одного экономического региона (региональное) или большинства государств, представляющих основные правовые системы мира, т.е. международного сообщества в целом (универсальное).

Сложность объекта международного правового регулирования связана прежде всего с тем, что в международное общение вступают субъекты, обладающие различным правовым статусом.

Наиболее типичными отношениями являются межгосударственные (межвластные) отношения. Но участниками международного общения являются также субъекты, суверенной властью не обладающие.

В юридической литературе к немежгосударственным международным отношениям относят: 1) отношения между государствами и международными организациями, а также государствовидными образованиями; 2) отношения между международными организациями; 3) отношения между государствами, международными организациями, с одной стороны, и физическими и юридическими лицами – с другой; 4) отношения между физическими и юридическими лицами [2].

Многообразие международных общественных отношений обуславливает невозможность их регулирования какой-либо одной системой права: международно-правовое регулирование, имеющее объектом межвластные (публичные) отношения, дополняется национально-правовым регулированием.

В настоящее время эффективное правовое регулирование внутригосударственных отношений становится все в большей степени зависимым от согласованности норм национального права с международным правом.

Возрастание международных контактов между государствами и находящимися под их властью субъектами, а также небывалая активизация процессов миграции населения, расширение культурных и хозяйственных связей, усиление взаимозависимости и открытости обществ по отношению

друг к другу в целом – соответствующие тенденции современных международных отношений.

Особую специфику имеет регулирование международных экономических отношений, которые могут быть как публично-правовыми, так и частноправовыми. Во многих случаях межгосударственные отношения выступают в качестве предпосылки для возникновения большого круга реализуемых в гражданско-правовых и иных формах экономических отношений, участниками которых будут национальные юридические лица, организации, государства и межгосударственные организации [3].

В процессе регулирования международных экономических отношений взаимосвязь международного права и внутригосударственного права проявляется наиболее ярко, что приводит к выводу о комплексном регулировании данного вида отношений.

Значимость и актуальность исследования в сфере правового регулирования придают процессы глобализации. Очевидно, что современное развитое государство при осуществлении своих функций связано не только с внутренними социальными факторами, но и влиянием социальности в мировом масштабе. Не будет ошибкой утверждать, что процесс глобализации является одним из факторов, определяющих содержание современного права [4]. Процессы глобализации в значительной степени затронули уровень национальных правовых систем отдельных государств, равно как и право международное.

Взаимодействие внутригосударственного и международного правового регулирования предопределяется стремительно развивающейся интернационализацией общественных отношений, международной интеграцией на основе конструктивного взаимодействия большинства государств.

К сожалению, на сегодняшний день все больше возникает оснований констатировать тот факт, что ослабевают позиции международного права в целом и международно-правового регулирования в частности.

Следует отметить, что речь идет, по сути, не об отсутствии должного правового регулирования, а о слабости средств его обеспечения, как собственно юридических, так и материально-технических, организационных, силовых. В некоторых государствах нормы международного права потеряли свою эффективность, поскольку даже будучи надлежащим образом ратифицированы и закреплены в национальной правовой системе, могут быть просто проигнорированы, т.к. политическая позиция представителей власти опирается на силу, а заявленные демократические цели и мотивы носят декларативный характер. Эту ситуацию необходимо исправлять совместными действиями в направлении усиления позиции верховенства общепризнанных принципов и норм международного права.

Взаимодействие международного и внутригосударственного права происходит в виде взаимного влияния друг на друга. При этом рядом исследователей подчеркивается первичность внутригосударственного права в том смысле, что «государства создают международное право, а не наоборот» [5]. При создании норм международного права государства ориентируются на собственный правопорядок, основы социального и политического строя, закрепленные в основных законах. Государства, как правило, не принимают участия в международных соглашениях, не соответствующих принятому в них публичному порядку, а также если такое участие налагает на них обязательства по серьезному изменению национального законодательства.

Внутригосударственное правовое регулирование может служить прообразом универсального международного правопорядка, когда эффективность национального права подтверждена действующей практикой, заимствованием другими государствами. Так, например, было с созданием международных единообразных норм в области права интеллектуальной собственности, международной купли-продажи, вексельного права и т.д.

В процессе правового регулирования происходит согласование положений международного и внутригосударственного

права. Это необходимо еще и в связи с тем, что внутригосударственное право порой призвано обеспечить выполнение положений права международного. Однако в ходе такого согласования определяющим всегда будет являться внутригосударственное право: положенные в основу его государственного и общественного строя принципы будут определять условия взаимодействия двух правовых систем между собой.

И.И. Лукашук отмечал, что «основная роль внутригосударственного права для международно-правового регулирования состоит в том, что оно служит важным и необходимым средством реализации международно-правовых норм в сфере действия государственного суверенитета»[6].

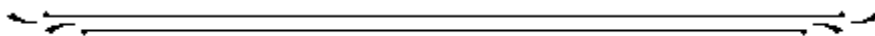
Исходя из представленной позиции, можно констатировать, что национально-правовое регулирование, связанное с реализацией международно-правовых норм,

является частью механизма международно-правового регулирования международных общественных отношений. Поэтому международное право и национальное право комплексно осуществляют регулирование международных общественных отношений, взаимодействуя и дополняя друг друга.

Исследование теоретических проблем соотношения международного и внутригосударственного правового регулирования позволяет сделать вывод о том, что в последнее время наблюдается определенный прогресс в развитии и совершенствовании регулируемых данными системами права общественных отношений. Нормы национального права оказывают влияние на международную позицию государства, а нормы международного права, в свою очередь, отраженно воздействуют на изменение содержания внутригосударственного правопорядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2011. С. 582.
2. Бирюков П.Н. Международное право. М., 2009. С. 17.
3. Богуславский М.М. Международное экономическое право. М., 1986. С. 40.
4. Вагина Н.М. Принципы публичного права. Самара, 2004. С. 164.
5. Тункин Г.И. Международное право. М., 1982. С. 75.
6. Лукашук И.И. Механизм международно-правового регулирования. Киев, 1980. С. 19.

Р.Р. Шигабутдинов,
кандидат исторических наук,
(Казанский государственный медицинский университет)

**ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА В ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ
ПРОФЕССОРА КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Г.Ф. ШЕРШЕНЕВИЧА**

В статье анализируются вопросы государства и власти в учении либерального профессора, депутата I Государственной Думы Г.Ф. Шершеневича. Автор приходит к выводу, что Г.Ф. Шершеневич рассматривал государство через призму формального и ценностного аспектов. В рамках формального исследования государственная власть – неограниченная суверенная сила. Аксиологический аспект государства определяется его социальным назначением, задачами и целями, которые общество ставит перед государством в его существовании.

Ключевые слова: Г.Ф. Шершеневич, юридический позитивизм, либерализм, государство, государственная власть.

The article considers the questions of the state and the authorities in the teaching of the liberal Professor, Deputy of the II State Duma of the GF. Шершеневича. The author comes to the conclusion that the GF. Шершеневич considered the state, through the prism of formal and value aspects. In the framework of formal studies of the state power - absolute sovereign power. The axiological aspect of the state is determined by its social purpose, goals and objectives, which the company presents the state of his existence.

Key words: G.. Шершеневич, legal positivism, liberalism, the state, the state power.

В конце XIX - начале XX вв. Россия вступила в эпоху формирования правовых институтов. Самодержавие как форма организации власти постепенно уступало свою главенствующую роль и освобождало путь новым политико-правовым институтам. В этот период в отечественной философско-правовой мысли происходят глубокие трансформации. Правоведы начинают разрабатывать теоретические вопросы в области государства и власти.

Исследованием проблем государства занималась позитивистская школа права, в которой выделялось такое мощное направление, как юридический позитивизм (С.В. Пахман, А.Х. Гольмстен, Н.М. Коркунов, Д.Д. Grimm, Н.К. Ренненкампф, Д.И. Азаревич, Н.И. Палиенко). Юридический позитивизм вырос на почве формально – догматической юриспруденции как теоретическое её обоснование. Догма права – составная часть правоведения. Юридиче-

ская догма создавала приемы формально-логической обработки нормативного материала и его совершенствования. Упрощение, упорядочивание и преобразование нормативного материала в единую систему – основная задача юридической догматики.

Впервые приёмы формально-догматической обработки права обосновал немецкий правовед Р. фон Иеринг. По его мнению, общество есть «царство» целей и здесь действует не причинность, а целесообразность, в основе которой лежит интерес, стремление получения благ. Государство есть орудие всего общества, обеспечивающее интересы общества против угрозы со стороны индивидуальных интересов. Государство выше индивидуальной свободы, ибо интерес общества выше личной свободы [1, С. 66-67].

Представители юридического позитивизма в России основывались на положениях формально-логической обработки

нормативного материала (описание, обобщение, установление юридических принципов, юридического определения, классификация и систематизация, создание юридических конструкций) [3, С. 30-31]. Выдающимся юристом-позитивистом был признан Г.Ф. Шершеневич [4, С. 3-4].

Габриэль (Гавриил-Иосиф-Губерт) Феликсович Шершеневич (1863-1912 г.) - выдающийся правовед, видный политический деятель, профессор Казанского университета, который был одной из знаковых фигур российской политико-правовой мысли. Это обуславливается его значительным вкладом в правоведение, политологию, социологию, широкой разработкой им как общих проблем становления правового государства и гражданского общества в России, так и новых теоретико-практических направлений в отечественной юриспруденции: гражданского, торгового, авторского права.

Научно-педагогическое наследие профессора Г.Ф. Шершеневича составляет свыше ста семидесяти публикаций, в том числе монографий, лекционных курсов, учебных пособий, проблемных научных статей и ярких публицистических очерков и заметок. Его труды получили широкое признание общественности и академических кругов, а его учебники не утратили своего научного значения и были переизданы в постсоветской России [13, 8, 6, 9].

Г. Шершеневич являлся профессором Казанского (1888-1906 гг.), Московского (1906-1911 гг.) университетов, также преподавал в Московском городском народном университете им. А.Я. Шанявского, Московском коммерческом институте, Московском обществе народных университетов, где был организатором научной работы, разработчиком учебных курсов и дисциплин.

Габриэль Шершеневич был не только учёным, педагогом, но и политиком, одним из идеологов российского либерализма. Ещё с 80-х гг. XIX в. принимал участие в деятельности общественных объединений и органов местного самоуправления г. Казани. Г. Шершеневич - видный деятель Казанского отдела кадетской партии,

член ЦК, избирался от г. Казани депутатом в I Государственную Думу [14, 15, 16, 17].

Анализируя государственные институты, Г. Шершеневич уделял пристальное внимание теории происхождения государства. Исследование этого вопроса позволяло глубже осмыслить социальную природу, центральные направления деятельности, точнее определить место и роль государства в жизни общества и политической системе.

В дореволюционном правоведении отсутствовал единый взгляд на процесс первоначального возникновения государства, что объяснялось сложностью самого процесса и неизбежностью субъективной составляющей в трактовке проблемы ввиду несовпадения, а порой и противоречивости взглядов самих исследователей. Имели место умышленные искажения процесса происхождения государства для построения и обоснования неких политических теорий [2].

Г. Шершеневич подходил критически к теориям происхождения государства. По его мнению, этот процесс может быть подвергнут рассмотрению как минимум в двух плоскостях. С одной стороны, важно изучать, каким образом впервые в недрах общества зародилось государство - это одна плоскость, одно восприятие процесса возникновения государства. С другой стороны, должен изучаться вопрос, «каким образом в настоящее время, когда почти все человечество живет в государственном состоянии, возможны новые государственные образования». Он подчёркивал, что методологически важно остановиться на первом вопросе [10, С.250-251]. Г. Шершеневич утверждал, что проблема происхождения государства часто смешивается с вопросом «об обосновании государства». Логически эти вопросы различны, но «психологически они сходятся общими корнями». «Вопрос о том, почему нужно повиноваться государственной власти, тесно связан с вопросом, каково ее происхождение», — указывал правовед. Таким образом, в теорию происхождения государства вносился политический момент: «Не то важно, каково было в действительности государство, а как найти такое происхождение, которое способно бы-

ло бы оправдать заранее предвзятый вывод». Отсюда, он заключал, множественность и неоднозначность теорий возникновения государства [10, С. 251].

Г. Шершеневич проводил подробный анализ основополагающих теорий происхождения государства. По его мнению, теократическая теория необоснованна, внутренне противоречива и, следовательно, ненаучная. Данная концепция «относилась не к самому государству, а к одному из элементов его, – к власти, притом не в отвлечении, а в конкретном ее проявлении, когда «божественное происхождение имеет власть монарха, потому что ему самому приписывалось такое божественное происхождение» [10, С. 252].

Договорная теория «являлась политическим орудием» в борьбе за власть в Западной Европе - начиная со средних веков и заканчивая эпохой Просвещения. Придерживаясь формального – догматического направления, Г. Шершеневич полагал, что договорная теория «совершенно дискредитирована», и приводил аргументы её несостоятельности. Это юридическая несостоятельность, поскольку концепция «основывает государство на договоре, тогда как договор, как юридический акт, сам основывается на государстве». Фактом психологической несостоятельности договорной теории является то, что «люди, не имевшие эмпирически приобретенного представления о государстве, не могли сознательно согласиться об учреждении такой формы общения». Историческая несостоятельность проявляется в том, что «история не дает нам примера договорного образования государства». Политическая несостоятельность договорной теории обуславливалась тем, что логически вытекающая из её положений возможность расторжения и перезаключения общественного договора всеми гражданами или какой-либо группой на практике была совершенно неосуществима [10, С. 253-255].

По мнению Г. Шершеневича, патримониальная теория, объясняющая происхождение государства из поземельной собственности, была выдвинута с целью объяснения положительных сторон феодального строя. «Патримониальная теория стреми-

лась вывести государственную власть из права собственности, чтобы обосновать "собственное право" государя. Но где нет государства, не может быть и права поземельной собственности, потому что некому было установить и охранять права», – указывал Г. Шершеневич. Патримониальная теория должна была искать опоры в естественном праве, против которого выступила. «В действительности было не право собственности, а было насильственное обладание, приобретенное и охраненное собственной силой. Поэтому патримониальная теория, с точки зрения исторической действительности, передвигается в теорию завоевательного происхождения государств» [10, С. 256].

Теория семейного происхождения (либо теория экономического материализма К. Маркса и Ф. Энгельса) ищет корни государства в семье. Теория основана на динамичном переходе, в связи с улучшениями экономических условий, от малых форм к большим формам объединений людей (от родового строя до государства). Государственная власть преобразуется из власти отца, переходящей во власть родоначальника, потом племенного старейшины и власть государя. «Конечно, мы имеем здесь дело с гипотезой, – писал Г. Шершеневич, – впрочем, весьма правдоподобной» [10, С. 256].

Профессор Казанского университета положительно оценивал основные положения теории завоевательного происхождения государства. Государство всегда основывается на факте завоевания. «Завоевание одной общественной группы другой, – писал Г.Ф. Шершеневич, – поставив лицом к лицу победителей и побежденных, и есть именно то, что вызывает потребность в государстве. Совместное существование на одной территории двух враждебных групп требует установления некоторого порядка, поддерживаемого силой победителей» [10, С. 257-258].

Г.Ф. Шершеневич был сторонником применения коллективного подхода к анализу происхождения государства. Согласно этому подходу, возникновение государства – результат взаимодействия множества факторов. Он выделил три важнейших: «1) естественное разрастание, сопровождаемое классовым расслоением,

которое создает власть в лице экономически сильнейших; 2) добровольное соединение родов и племен под избранным вождем ввиду общей внешней опасности; 3) завоевание одних другими, которое требует власти и порядка для определения постоянного отношения между побежденными и победителями», при этом подчёркивал, что «во всех случаях идея политической власти зарождается медленно, может быть, даже незаметно для современников», когда «временная военная власть превращается в постоянную военную власть, а потом в постоянную гражданскую власть», органы власти долго «не могут проникнуться публичной точкой зрения на свои функции и придают своей деятельности характер продолжения частно-хозяйственной и семейной жизни» [10, С. 260].

С точки зрения формальной характеристики, государство - это «союз людей, осевших в известных границах и подчинённых одной власти». Казанский правовед выделял характерные признаки государства: 1) соединение людей; 2) господствующая над ним власть; 3) территория как предел действия этой власти. Власть - центральный элемент в государстве, потому что «союз людей, не подчиняющихся стоящей над ними власти, еще не государство или уже не государство. Только государственная власть превращает массу людей в государство» [11, С. 201, 19-20].

Г. Шершеневич отмечал основные признаки государственной власти: независимость, верховность, неограниченность, неделимость. Независимость государственной власти - самостоятельность ее по отношению к другим государствам. В пределах территории государства «среди того же населения действует целый ряд властей», но независимая извне, государственная власть является верховной внутри, потому что ее сила «способна сломать всякое сопротивление». По его мнению, двум верховным властям в стране не бывать. Если внутри государства появляется власть, не уступающая по силе государственной, и она «может быть, и берёт верх, то это означает, что страна находится в революционном состоянии» и временно прекращает даже своё полноценное государственное состояние до

определения сильнейшей, а «когда одна из борющихся сил возьмёт верх, она станет верховной властью и государственное состояние восстановится». Из положения о том, что государственная власть является высшей властью, «вытекает с неизбежностью, что она неограниченна. Границы власти могут быть положены только другою, большею властью. Но такой в государстве нет». - резюмировал Г. Шершеневич [11, С.30-32]. Только два обстоятельства ограничивают государственную власть: «нравственное сознание и благоразумие властвующих с одной стороны, возможность противодействия подданных - с другой» [10, С.218].

Российский либеральный правовед Г. Шершеневич считал ошибочными выводы учения французского философа Шарля Монтескье (1689-1755) о разделении властей. Казанский цивилист поддерживал взгляды Жан-Жака Руссо (1712-1778) о неделимости власти. Ж. Руссо сравнил последователей этого учения «с японскими фокусниками, которые, рассекая ребенка на части, подбрасывают куски вверх, с тем чтобы вниз снова упал ребенок целым и невредимым» [7, С.450-451,486]. «Трех равных властей существовать не может: та, которая в действительности окажется наиболее сильною, - пояснял свою позицию казанский профессор, - и будет настоящею властью, а остальные подчинятся ей поневоле и перестанут быть самостоятельными властями. Единство властей неизбежно восстановится. Законодательство, исполнение (управление) и суд - это не три власти, это только три формы проявления единой, неделимой государственной власти» [11, С.34].

Государственно-административный аппарат управления - источник силы государственной власти. Государственный механизм все стремительнее совершенствуется. Это приводит «к увеличению числа передаточных органов, колес, т.е. агентов», а вся мощь этого «механизма сосредоточивается в руках органа государственной власти, который путем самого слабого нажима аппарата может производить огромные общественные эффекты», и чем совершеннее механизм, тем легче одному править огромным государством» [10, С.229].

С государственным аппаратом управления в условиях индустриального общества тесно связан крупный капитал властвующих слоёв, выступающий источником силы государственной власти. Богатство дает политическую «возможность воздействия» на волю. Либеральный правовед признает, что достижение всеобщего избирательного права не обеспечит пропорционального представительства всех слоёв общества, потому что «в депутаты проходят в значительной части представители состоятельных классов», а «их богатство делает их людьми видными и широко известными» [10, С.228].

Государственный аппарат и крупный капитал поддерживает вооружённая сила — армия и полиция, способная навязывать волю государственной власти. По мнению Г. Шершеневича, современное государство, поддерживаемое только с помощью физической силы, возможно только «на короткий промежуток времени». Поэтому используют традиционные ценности с целью внушения населению уважения к власти. Так, в монархических государствах культивируется идея божественного происхождения власти, что вызывает уважение к власти со стороны народа [11, С.36-37]. Традиция — важный источник силы государственной власти, потому что «человек психологически подчиняется тому, к чему он привык» и опасается резких перемен и всегда сомневается, «не грозит ли его благополучию перемена в окружающей обстановке». По мысли Г. Шершеневича, люди консервативны, потому что они относятся «снисходительно к тому, что уже давно существует, и критически к тому, что только что установилось». Признание необходимости власти постепенно «переходит незаметно к признанию необходимости данных носителей власти» [10, С.227].

Либеральный профессор Г. Шершеневич считал, что благосостояние человека — существенный источник силы государства. Чем более «обставлен человек благами», тем больше «можно у него отнять, тем более он боится правовой угрозы» [5, С.18]. Следовательно, сочувствие населения, основанное на сознании необходимости порядка, — главный источник силы власти, но соединённый «с критикой власти и со свободой мнения по вопросу, какая государ-

ственная организация наиболее подходит к данному моменту» [12, С.151].

Государственная власть не ограничена в проявлении своей силы. Но существуют границы произвола власти, которые «даны самими условиями общественной жизни». Эти границы зависят от степени готовности населения подчиняться власти, и если власть «позволит себе слишком резко переступить пределы того, с чем может примириться народное мировоззрение, то она должна ожидать выражения недовольства со стороны подвластных», а сами формы этого недовольства «могут быть различны — от глухого ропота до вооруженного восстания» [11, С.41].

Объединение людей в общество основано на общности интересов, потому что там, где кончается сознание общего интереса, взаимной потребности, там теряется общественная связь, а искусственно превратить совокупность людей в общество невозможно. При этом Г. Шершеневич подчеркивает, что в обществе рядом с общими убеждениями могут уживаться особые, индивидуальные, противоречивые воззрения и понятия. Это обеспечивает реализацию различных интересов индивидов в обществе, ибо «в обществе отдельные люди и есть цель и смысл существования общественного соединения». Следовательно, жизнедеятельность государства целесообразна, пока оно обеспечивает целостность общества, защищает общественные интересы, жизнь, здоровье, личную и имущественную неприкосновенность граждан, обеспечивает их благосостояние. Г. Шершеневич выводил основные направления деятельности государства: обеспечение личной безопасности граждан. Если государственная власть не в состоянии обеспечить безопасность, то «наступает опасный для государства момент — у населения может возникнуть сомнение в необходимости самого государства». Обеспечение благосостояния и обеспечение прав, когда в правильно устроенном государстве «основная забота направляется, прежде всего, на то, чтобы везде и во всем право торжествовало над усмотрением» [11, С.17,25-28].

Таким образом, необходимость обеспечения общественных и индивидуальных интере-

сов граждан не только определяет суверенность государственной власти, но и составляет предел государственного воздействия на общество. Сочетание формального аспекта государственной власти и ее социального назначения определяют верховенство, независимость государственной власти по отношению ко всем иным видам власти, но это не означает, что нет ничего, что могло бы ограничить произвол государственной власти. Границы произвола государственной власти даны самими условиями общественной жизни.

Подводя итог анализу учения Г.Ф. Шершеневича о природе, социальном назначении и содержании государственной власти, можно сделать вывод, что Г. Шершеневич рассматривал государство через призму формального и ценностного аспектов. В рамках формального исследования государственная власть — неограниченная суверенная сила. Аксиологический аспект государства определяется его социальным назначением, задачами и целями, которые общество ставит перед государством в его существовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскин Ю.Я. *Очерки по истории политических учений: учебное пособие. Ленинград-Запорожье: Изд-во АПН СССР, 1991. 82 с.*
2. Вострикова В.В. Исследование феномена политической власти в российском либеральном государствоведении начала XX века // *Современные проблемы экономики, политики и права. 2007. №1. [Электронный журнал]. http://www.sprepp.ru/1_2007/4.php*
3. Зорькин В.Д. *Позитивистская теория права в России. М.: Изд-во Московского университета, 1978. 270 с.*
4. Пяткина С.А. *Юридический позитивизм в России (из истории буржуазной правовой мысли): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1965. 15 с.*
5. Шершеневич Г.Ф. Герои Максима Горького перед лицом юриспруденции: публичная лекция, прочит. 20 февраля 1904 г. в Казани. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1904. 31с.
6. Шершеневич Г.Ф. *История философии права. СПб.: Лань, 2001. 526 с.*
7. Шершеневич Г.Ф. *История философия права. Вып.4. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1905. 490 с.*
8. Шершеневич Г.Ф. *Курс гражданского права. Тула: Автограф, 2001. 719 с.*
9. Шершеневич Г.Ф. *Наука гражданского права в России. М.: Статут, 2003. 247 с.*
10. Шершеневич Г.Ф. *Общая теория права. Вып.1. М.: Бр. Башмаковы, 1910. 320 с.*
11. Шершеневич Г.Ф. *Общее учение о праве и государстве. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1908. 156 с.*
12. Шершеневич Г.Ф. *Социология. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1910. 200 с.*
13. Шершеневич Г.Ф. *Учебник торгового права. М.: Статут, 1994. 335 с.*
14. Шигабутдинов Р.Р. «72 дня первого Русского парламента» в политической практике профессора Казанского университета Г.Ф. Шершеневича // *Таврические чтения 2009. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России (1906-1917 гг.). Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 4 декабря 2009 г.: сборник научных статей / под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2010. С. 255-266.*
15. Шигабутдинов Р.Р. «Перводумец» в Казанской городской думе: первый опыт политической и законодательной деятельности профессора Г.Ф. Шершеневича // *Вестник КрасГАУ. Выпуск 4. Красноярск, 2011. С. 179-182.*
16. Шигабутдинов Р.Р. «Сын... славянского племени» Г.Ф. Шершеневич – кандидат в I Государственную думу «от русско-татарского города» // *Поляки в России: эпохи и судьбы / отв. ред. А.И. Селицкий. Краснодар: Кубан. гос. ун-т; Парабеллум, 2009. С. 80-86.*
17. Шигабутдинов Р.Р. *Общественная деятельность Г. Шершеневича в Казани // Polonia в Казани и в Волго-Уралье в XIX-XX вв.: сб. научных статей и сообщений / сост. и ответ. редакторы П. Глушковски, Г.П. Мягков, Р.А. Циунчук. Казань: Казанский ун-т, 2011. С. 57-62.*

М.А. Желудков,
доктор юридических наук, доцент
(Тамбовский государственный университет
им. Г.Р. Державина)

ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ СОБСТВЕННОСТИ ОТ КОРЫСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

На протяжении многих веков человеческое общество стоит перед проблемами отношений собственности и обеспечения ее защиты от различных угроз и опасностей. В научной статье исследуется комплекс актуальных вопросов, связанных с информационно-техническим обеспечением защиты права собственности от корыстных преступлений против собственности в России

Ключевые слова: собственность, право собственности, объект защиты от корыстных преступлений против собственности, информация, информационное обеспечение.

Throughout many centuries human society is set by problems of the relations of property and ensuring its protection against various threats and dangers. In the scientific article the complex of topical issues connected with information and technical ensuring protection of the property right from crimes for profit against property in Russia is investigated.

Keywords: the property, the property right, object of protection against profit-motivated crimes against the property, the information, information support.

Задача обеспечения безопасности собственности всегда является одним из главных приоритетов правового государства. Ведь собственность выступает основой не только экономических отношений в обществе, но и представляет собой тот элемент, негативное изменение которого нарушает целостную структуру взаимных связей государства, общества и личности. Верно указывал И.И. Карпец: «Нет, пожалуй, более «устойчивой» характеристики человека, чем его приверженность к своему, личному, частному» [2, С.345–346]. Можно без преувеличения утверждать, что все сферы жизнедеятельности государства и отдельного человека в той или иной мере связаны с возможностью владеть, пользоваться или распоряжаться собственностью. Вследствие этого в интересах государства доказать собственникам, что существующая сегодня система безопасности собственности способна надежно защитить их объекты от любых видов угроз. По этому

поводу еще в XVIII веке А.Н. Радищев писал: «Закон есть только подтверждение того, что человеку даровала природа. Из сего следует: если человек, вступая в общество, уступает ему часть своих прав, то оно обязано за то ему удовлетворением. Вследствие сего каждый человек, в обществе живущий, имеет право требовать от него защиты и покрова» [5, С. 171–193].

Современная Россия характеризуется целым комплексом угроз и опасностей для права собственности, а в широком смысле – и для личности, общества, государства. Тенденция расслоения населения на богатых и бедных, проблематика демографических изменений в территориальных образованиях, смещение ценностной ориентации из духовной сферы в сферу материальной потребительской идеологии, углубление криминализации общества, зависимость экономики от сырьевых денег наносят серьезный ущерб указанным общественным отношениям.

Во многом и поэтому, если обратить внимание на статистику, около половины всех преступлений, зарегистрированных в России, составляют хищения (47,7%), то есть посяательства на собственность. Так, в январе - сентябре 2012 года было зарегистрировано 1746,0 тыс. преступлений. Из них совершено краж – 735,6 тыс., грабежей – 83 тыс., разбоев – 13,5 тыс. Почти каждая четвертая кража (28,2%), каждый двадцать третий грабеж (4,4%) и каждое четырнадцатое разбойное нападение (7,3%) были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. Почти каждое двадцать четвертое (4,2%) зарегистрированное преступление – квартирная кража. И хотя их число постоянно сокращается по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, в масштабах всего общества состояние данной преступности продолжает быть одним из основных источников опасности для общественных отношений собственности.

Именно поэтому в системном подходе к развитию механизма обеспечения безопасности собственности существует необходимость выполнения двух существенных задач:

1. Формирование особых средств и способов защиты объектов собственности.
2. Изучение видов криминального воздействия на объекты защиты, организация потенциалов нейтрализации и мероприятий по устранению последствий негативного криминального влияния.

В свою очередь, исполнение данных задач возможно лишь при налаженной структуре информационного обеспечения, где принятие какого-либо решения всегда предполагает мыслительный процесс, основу которого составляют знания об индивидуальном объекте. Возьмем, к примеру, сотрудника полиции – оперуполномоченного уголовного розыска. Зададимся вопросом, какая информация ему необходима в аспекте осуществления деятельности по защите от корыстных преступлений против собственности? Полагаем, что на первоначальном этапе следует установить способы совершения данных преступлений, получить первичные сведения о при-

чинах и условиях их совершения, характеристики лиц, ранее совершавших корыстные деяния, виды и структурное содержание объектов собственности, подлежащих защите. Эти данные могут быть получены, во-первых, из легальных источников, то есть открытых, общедоступных (телевидение, радио, печатные средства массовой информации, Интернет, рекламные блоки и др.). Во-вторых, из конфиденциальных источников – агентурной информации и закрытых баз, данные из которых доступны только определенным лицам и аппаратам и не могут быть разглашены без соответствующего законного решения.

На данной основе предлагаем выделить следующие виды информационного обеспечения безопасности собственности при угрозе от корыстной преступности:

1. *Информационно-техническое обеспечение*, под которым понимается наличие не только современных технических средств, но и возможностей по контролю охранных систем собственниками имущества. Многие преступления против собственности можно зафиксировать и предотвратить только с помощью специальной техники. Технические мероприятия определяются в зависимости от характера и специфики защищаемого объекта и построения средств защиты на основе системы высоких технологий.

2. *Информационно-оперативное обеспечение*, состоящее в накоплении и использовании данных о предполагаемых и скрытых элементах данной преступности и характеристик объектов собственности.

3. *Информационно-аналитическое обеспечение*, направленное на анализ поступающих сведений по вопросам защиты от корыстных преступлений против собственности и предусматривает разработку соответствующих методических рекомендаций. Среди анализируемых источников выделяются книги учета сообщений о происшествиях; журналы и книги учета лиц, доставляемых в ОВД за административные правонарушения; материалы уголовных дел и отказов в их возбуждении; оперативные и профилактические учеты; опросы общественного мнения; аналитические за-

писки различных подразделений и служб; сведения и отчеты государственных органов; документы хозяйственной деятельности предприятий; исследования научных учреждений и др.

Как можно заметить, информационное обеспечение защитных мероприятий не может существовать без наличия соответствующих современных технических средств обеспечения защиты. Криминология к техническим мерам, в том числе защиты, относит различные средства и приспособления, затрудняющие совершение тех или иных преступлений [3, С. 59].

Однако в современном высокотехнологическом мире к ним также следует отнести разнообразные механизмы и способы информационного контроля. Пример такого контроля отмечаем в США, где зафиксирована обязанность производителей автомобилей маркировать семизначными номерами 24 основных узла автомобиля, а за владельцами магазинов запасных частей - информировать полицию о поступлении на продажу похищенных деталей [1, С. 184].

В рамках системных мероприятий по профилактике преступности в России сегодня повсеместно внедряется программа «Безопасный город», которая предусматривает создание комплексной автоматизированной системы по удовлетворению потребностей города в обеспечении видеоохраны, технической защиты, управления объектами жилищно-коммунального хозяйства, автомобильной инфраструктуры и других сфер жизнедеятельности.

Предлагаемая система должна была объединить всю городскую среду в комплекс технических мер защиты, создать единое информационное пространство контроля и раннего реагирования на возникающие угрозы, в том числе от корыстных преступлений против собственности. Предполагалось оснащение жилого сектора по следующим направлениям:

1) телекамеры на подъездах, которые должны просматривать входную дверь и пространство перед ней;

2) телекамеры на входе в подвал и на чердак, обеспечивающие мониторинг доступа в эти помещения;

3) телекамеры на стоянке автомашин для мониторинга входящих лиц и выезжающих автомобилей;

4) тревожная и аварийная сигнализации, голосовая связь, которые создают возможность быстрого реагирования на опасную ситуацию;

5) датчики контроля и учета расхода ресурсов, потребляемых в жилых и нежилых помещениях дома.

Информация с телекамер и других устройств по компьютерным контролерам отслеживается на мониторах технического центра. При подозрении на совершение преступления сигнал от контролера подается в дежурную часть органа внутренних дел и соответствующим охранным структурам. По полученному сигналу выезжает группа вневедомственной охраны, другие охранные структуры, а при необходимости и группы служб оперативного реагирования.

Однако практическая реализация данной программы, как, вероятно, и многие сферы деятельности, где осваиваются бюджетные деньги, сразу выявила целый комплекс различных проблем. Например, задавшись целью получить сведения по нормативно-правовому обеспечению программы, исследователь выясняет, что ни законодательного акта, ни решения правительства России по данному вопросу не существует. Также отсутствуют единые государственные требования и концепции по реализации данной программы. Министерство внутренних дел Российской Федерации, которое и являлось разработчиком программы, не выдвинуло определенных системных требований и предполагаемых мер для ее реализации. Субъекты федерации начали самостоятельно разрабатывать содержательный аспект про-

граммы, включая в нее любые мероприятия, которые каким-либо образом могли обеспечить безопасность городской среды. Прежде всего, использовались системы видеонаблюдения за местами массового пребывания граждан и городскими магистралями.

В связи с этим полагаем, что в рамках реализации программы «Безопасный город» необходимо не просто осваивать бюджетные ассигнования, но и изучать позитивный опыт тех регионов, которые, взяв инициативу на себя, законодательно и практически реализуют комплексные государственные программы «Безопасный город». В качестве примера приведем государственную программу города Москвы «Безопасный город» на 2012–2016 годы. Структурно она состоит из четырех взаимосвязанных частей. Первую часть составляет обеспечение правопорядка и профилактики преступлений. Вторая часть – предупреждение чрезвычайных ситуаций, развитие гражданской обороны, защиты населения на территории города от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах. Третья часть – мобилизационная подготовка экономики города. Четвертая часть – предупреждение и пресечение правонарушений в сфере миграции граждан.

Как можно заметить, данная программа по многим позициям является заменой программ профилактики преступности, что, возможно, является правильным решением, так как существует насущная необходимость максимально снизить уровень всех угроз, существующих в городских поселениях, и упорядочить расходование ресурсов и бюджетных средств на

обеспечение защищенности общественных отношений в городе.

Следует согласиться и с тем, что в рамках технического обеспечения безопасности собственности действие подобных программ не должно сводиться лишь к оборудованию наблюдения, подход к применению технических средств защиты должен быть комплексным. Нельзя поставить камеру, но не оборудовать входную дверь замком или домофоном. Существенное значение приобретают: охрана территории объекта по периметру зданий; постоянный контроль над материально-финансовыми средствами на объекте защиты; пропускной и досмотровый режимы и др. В жилище следует отказаться от дешевых и наиболее распространенных цилиндрических замков (английский механизм), которые без труда открываются подбором ключей, отмычкой или высверливанием. Наиболее надежны сейфовые замки: к ним очень трудно подобрать ключи или отмычки, неэффективно выбивание и высверливание. Особо отметим полицейские замки, где запорные части имеют сталь особой прочности, а специальная конструкция ригеля (внутри вращается стержень) исключает отжим и перепиливание [4, С. 370].

Могут применяться и другие технические устройства, главное, чтобы их характеристики при защите от корыстных преступлений удовлетворяли определенным требованиям. Они должны:

- охватывать определенные стороны

защиты имущественного объекта;

- использовать разнообразные технические средства с многоуровневой последовательностью преодоления и доступом;

- иметь возможность программного и иного обновления без изменения всех структурных компонентов;

- не должны иметь стандартную начинку, должны быть надежны и удобны для технического обслуживания и эксплуатации;

- должны обладать комплексным решением, при котором изъятие одной части не нарушает всю систему защитных мер.

Среди новых средств информационно-технического обеспечения защиты объектов собственности обратим внимание на современное направление – *радиочастотную идентификацию объектов*. Под этим подразумевается особый вид автоматической регистрации объектов при помощи радиочастотного канала связи по уникальному цифровому коду, считываемому из памяти специализированной микросхемы-транспондера. Для радиочастотных систем делаются этикетки, которые сегодня успешно применяются для защиты товаров в книжных магазинах, продуктов в супермаркетах и вещей в магазинах одежды. По функциональным возможностям этикетки имеют деактивируемые функции защиты, которые можно нейтрализовать в момент оплаты товара.

Среди существенного круга защитных задач, которые можно решить с помощью средств радиочастотной идентификации, особо выделяется защита от хищения автотранспортных средств. В контрольных точках, где проезжает транспорт, устанавливаются специальные приборы – ридеры, которые считывают информацию с транспондеров (радиочастотных меток), прикрепленных на корпусе автомобиля. Радиочастотные метки – это портативные устройства, состоящие из микроантенны приемника и микроконтроллера. Основная их задача – хранение и передача запрограммированного в микроконтроллере кода (идентификатора). Радиочастотные метки могут быть активными, которые оснащаются миниатюрной батареей, что позво-

ляет передавать информацию на большие расстояния, и пассивными, которые работают только при наличии несущей частоты от антенны, вызывающей индукцию на метке.

Радиочастотная идентификация наделяет объект контроля различного рода информацией, которую компьютер может снимать без физического контакта с предметом. Необходимо лишь, чтобы на объекте была прикреплена электронная метка и он находился в поле действия специального считывающего устройства. Радиочастотные метки позволяют фиксировать не только номер автомобиля в реальном времени (и данные его владельца), но и получать дополнительную информацию о накладных перевозимых грузах, путевых листах, дате предыдущего или следующего техобслуживания и т.п. Все данные в реальном времени могут поступать в центральную базу поиска угнанного автотранспорта, что позволит совершенствовать поиск похищенных автомобилей. Причем автомобиль может и не проезжать в непосредственной близости от ридера, информация с транспондера считывается на расстоянии до 6 метров. Зарубежный опыт, в частности г. Турина, показывает, что транспондеры, установленные внутри автомобиля в процессе сборки, помогают в поиске похищенных автотранспортных средств и после их легализации с новыми номерами [6].

На вооружении современных корыстных преступников наличествуют самые разнообразные средства проникновения на защищаемый объект. В этих обстоятельствах интересы обеспечения безопасности собственности диктуют необходимость постоянного мониторинга применения адекватно новых информационно-технических средств защиты, которые по своему функциональному назначению и другим характеристикам могут создать для правонарушителей существенные препятствия. Нельзя защитить конкретный объект от всех возникающих угроз, но использование надежных, современных технических и информационных средств увеличивает возможности по обеспечению защи-

ценности собственности от корыстной преступности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М., 1997.
2. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992.
3. Криминология : учебное пособие / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 1998.
4. Криминология : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / Г.А. Аванесов и др.; под ред. Г.А. Аванесова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005.
5. Радищев А.Н. Проект гражданского уложения // Полное собрание сочинений : в 3 т. М., 1952.
6. Транспорт. Бесконтактные системы идентификации. URL: <http://www.idlogic.ru> (дата обращения 08.02.2013).

В.Г. Громов,

доктор юридических наук, доцент
(Институт социального образования (филиал)
РГСУ, г. Саратов)

ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОСУЖДЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В статье на основе анализа современной статистики представлены особенности профилактической работы в исправительных учреждениях; условия эффективной индивидуально-предупредительной деятельности.

Ключевые слова: профилактика преступности, исправительные учреждения, профилактическое воздействие, предупредительно-профилактические меры, осужденные.

In the article on the basis of analysis of modern statistics are presented features of preventive work in correctional institutions; conditions of effective individual and preventive activity.

Key words: prevention of crime, prisons, preventive treatment, prevention and preventive measures, the convicted persons.

Общеизвестно, что преступная деятельность некоторых лиц с ограничением и даже лишением их свободы порой не прекращается.

От правильной организации деятельности исправительных учреждений во многом зависит успех всех мероприятий государственных органов и общественности по борьбе с преступностью. Чтобы оценить эффективность профилактической деятельности исправительных учреждений, нужно в первую очередь определиться с тем, что их основная цель – недопущение новых преступлений путем исправления осужденных. Не вызывает сомнений, что такая цель не только нравственна и гуманна, но и разумна и рациональна, имея в виду интересы всего общества.

Можно сказать, что в местах лишения свободы не может сформироваться новая личность и те изменения в ней, которые там можно наблюдать, есть продолжение, развитие или изменение тех черт, которые существовали у него раньше. Говоря о лишении свободы как наказании, применяемом в отношении преступников, некото-

рые учёные считают его неэффективным, так как, по разным оценкам, уровень рецидива преступлений, совершаемых лицами после освобождения из исправительных учреждений, достаточно высок.

Если судом вынесен обвинительный приговор с назначением наказания в виде лишения свободы, осуждённые для отбывания наказания направляются в исправительные учреждения. С одной стороны, можно говорить о том, что преступная деятельность этой категории лиц пресечена, так как они уже изолированы от общества и, по логике событий (и как нам бы хотелось), они не должны бы уже больше ничего противоправного совершить.

Однако реально ситуация складывается следующим образом. В местах лишения свободы осуждённые нередко оказываются в окружении ещё более криминогенной среды, чем та, в которой они совершали преступления на свободе. Поэтому с момента их прибытия в исправительное учреждение начинается новый виток профилактики преступлений, но уже на новом качественном уровне.

Когда осуждённый попадает в места лишения свободы, круг общения его значительно сужается. Если на свободе можно надеяться на то, что общение его не будет ограничиваться только контактами с отрицательно направленными субъектами, то в исправительных учреждениях ему практически всё своё время приходится проводить с такими же нарушителями закона, как и он. Как в такой ситуации удержать его от совершения нового преступления, только уже на территории исправительного учреждения? Этот вопрос уже в течение длительного времени решается многими теоретиками и практиками, однако преступления в исправительных учреждениях по-прежнему совершаются.

Так, в 2011 году только в исправительных колониях было зарегистрировано 799 преступлений (в 2010 году – 944 преступления), из которых 10 – убийства, 36 – причинения тяжкого вреда здоровью, 3 – действия, дезорганизирующие работу исправительных учреждений, 179 – побег. Было предотвращено 63916 преступлений [1].

Преступность осуждённых в исправительных учреждениях имеет свою специфику.

Во-первых, это явление распространено на ограниченных, локальных пространствах – оно существует и изменяется только на территории исправительных учреждений, которые, как правило, имеют вооруженную охрану (кроме колоний-поселений); кроме этого, в исправительных учреждениях существует комплекс специальных режимных требований и правоограничений в отношении осуждённых, к которым во время отбывания наказания применяются специфические средства, формы и методы исправительно-воспитательного, социально-принудительного и психологического воздействия.

Во-вторых, структура преступности в местах лишения свободы носит «усеченный характер», т.е. спектр совершаемых осуждёнными преступлений сравнительно не широк. Для этих учреждений нехарактерны, например, преступления против военной службы, преступления в сфере эко-

номической деятельности, экологические и ряд других преступлений. Но часто встречаются такие, как побег из мест лишения свободы, уклонение от отбывания лишения свободы, кражи, хулиганство, побои, убийства, причинение тяжкого, средней тяжести и легкого вреда здоровью, захват заложников, насильственное мужеложство, дезорганизация нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, массовые беспорядки и т. д.

В-третьих, субъектами преступления являются осуждённые – признанные судом на основании закона преступники, которым за совершенные ими преступления уже назначено наказание в виде лишения свободы, и они его отбывают.

В-четвертых, для большинства вышеуказанных преступлений характерна специфичность орудий, с помощью которых они совершаются – это палки, камни, заточки; для преступлений, совершаемых в жилой зоне, – предметы быта (ложки, миски, лезвия безопасных бритв и т. д.), для преступлений, совершаемых в производственной зоне, – предметы готовой продукции, различного рода заготовки и инструменты (молотки, напильники, отвертки и т. п.).

В-пятых, подавляющее большинство преступлений, совершаемых осуждёнными, характеризуется повышенной психологической напряженностью, агрессивностью, эмоциональным накалом и наличием конфликтной ситуации.

В исправительных учреждениях большая часть преступлений – это насильственные преступления. Это наиболее опасные преступления, поэтому и регистрируемость их достаточно высокая. Однако следует отметить, что далеко не все акты насильственного поведения осуждённых регистрируются в качестве преступных, хотя многие из них на самом деле являются таковыми (побои, истязания, хулиганство, насильственное мужеложство и насильственные действия сексуального характера).

В интервью 70% сотрудников исправительных учреждений отмечают, что среди осуждённых латентность правонарушений достаточно велика. Поэтому при анализе

состояния преступности в исправительных учреждениях надо уделять внимание не только зарегистрированному преступному насилию, но и насильственным действиям, которые не фиксируются в качестве преступных. В основном выявляются преступления против жизни и здоровья, практически не выявляются преступления против чести и достоинства, против половой свободы и половой неприкосновенности.

Местом совершения преступлений всегда является охраняемая (или поднадзорная – в колониях-поселениях) территория (жилые и производственные объекты, школа, столовая, банно-прачечный комбинат, клуб).

Указанные факты имеют место не только из-за наличия целого ряда объективных факторов социально-экономического, политического характера, но и несовершенства существующей системы профилактики преступлений в исправительных учреждениях, правового регулирования этой деятельности, профессиональной подготовки персонала и организационно-управленческой деятельности сотрудников в местах отбывания лишения свободы.

Таким образом, перед персоналом исправительных учреждений и государством стоит первостепенная задача снижения показателей преступлений, совершенных осуждёнными в исправительных учреждениях, посредством проведения предупредительно-профилактических мер.

Объективно полагать, что важную роль в вопросах предупреждения преступности осуждённых в исправительных учреждениях играет не только работа сотрудников администрации учреждения, но и взаимодействие исправительных учреждений с государственными и общественными организациями с целью оказания помощи в реабилитации осуждённых.

Профилактика преступности (от греческого *prophylaktikos* – предохранительный) – предупреждение преступности; комплекс мер, направленных на выявление, ограничение или устранение факторов преступности в целом и ее отдельных видов, общественной опасности личности преступника.

В юридической литературе, работах видных ученых-криминологов указывается, что профилактика является главной формой предупреждения преступности. [2]

Профилактика преступлений – это деятельность, заключающаяся в разработке и осуществлении системы целенаправленных мер по выявлению и устранению причин и условий преступности, а также оказание предупредительного воздействия на лиц, склонных к противоправному поведению. [3]

По статистическим данным, в 80-х годах прошлого века профилактика являлась наиболее действенным направлением в сфере снижения роста преступности. Казалось бы, с многолетним опытом применения такого рода воздействия на человека система профилактики и предупреждения должна быть идеальна и безупречна. Однако на практике это совсем не так и система способов и методов далека от совершенства. Также стоит учесть, что действенность определенных разработок теряет свою актуальность с ходом времени, с изменением общества, законодательства, формы правления и государства в целом.

Стоит обратить внимание на то, что единого, охватывающего все сферы воздействия, законодательного закрепления понятия профилактики не существует, как и не существует единого научного мнения по поводу содержания данного вида борьбы с преступностью. Есть попытки сформулировать определение и со стороны законодательства, и со стороны науки, но, по мнению Н.И. Ветрова, они не охватывают всей сущности профилактики. [4]

На наш взгляд, профилактическое воздействие (профилактика преступлений, совершаемых осуждёнными) в исправительных учреждениях – это основанная на законе деятельность администрации исправительного учреждения и иных субъектов, заключающаяся в разработке и осуществлении комплекса мер по выявлению, устранению и нейтрализации причин и условий преступлений осуждённых в исправительных учреждениях, а также оказанию превентивного воздействия на осуждённых, склонных к противоправному пове-

дению, с целью удержания их от совершения новых преступлений.

Необходимой предпосылкой успешности профилактической работы в исправительных учреждениях является глубокое изучение личности осужденного, ведущих мотивов его поведения. Иными словами, практические органы, осуществляющие исправление преступников, должны иметь четкое и ясное представление о том, что может порождать преступные действия конкретного лица, а поэтому подлежит «перестройке», изменению с целью обеспечения законопослушного поведения. От того, насколько в работе исправительных учреждений учитываются криминогенные личностные черты, зависит эффективность всей индивидуально-предупредительной деятельности.

Следовательно, главный объект профилактических усилий администрации исправительных учреждений – личность осужденного, взятая, конечно, не изолированно, а в совокупности с теми условиями, в которых отбывается наказание.

Профилактика преступлений осужденных в исправительных учреждениях осложняется отрицательным воздействием нескольких неблагоприятных факторов:

- 1) консервативностью всей системы мест лишения свободы, слабо реагирующей на происходящие в обществе изменения; неспособностью своевременно и качественно провести анализ, оценку обстановки в исправительных учреждениях и дать прогноз развития событий;

- 2) влиянием на поведение осужденного норм и традиций криминальной субкультуры, которые запрещают сотрудничество с представителями администрации, поэтому потерпевшие не всегда сообщают о совершенных в отношении них преступлениях;

- 3) существующей практикой оценки деятельности исправительных учреждений, которая поставлена в зависимость от количества зарегистрированных здесь преступлений. Формирование отчетных показателей должно подчиняться закону: «не хуже, чем в прошлом году». Такое положение приводит к тому, что даже при самом неблагоприятном исходе событий

система стремится показать в ней относительное благополучие;

- 4) проблемами, связанными с недостаточной физической и профессиональной подготовкой персонала для эффективного выполнения поставленных задач, а также проблемой неукомплектованности некоторых частей и служб исправительных учреждений квалифицированными сотрудниками.

Объекты предупреждения и профилактики преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях, представляют собой сложную динамическую систему, состоящую из нескольких элементов. В свою очередь, каждый из этих элементов может и должен рассматриваться как сложное, развивающееся, относительно самостоятельное образование, нуждающееся в специальном воздействии.

Поэтому в качестве объектов будут выступать:

- 1) причины и условия всех преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях (экономические, политические, социальные, материально-технические, организационно-управленческие и т.д.);

- 2) причины и условия конкретного преступления, совершаемого осужденным (группой осужденных) в каком-либо исправительном учреждении (порядок и условия содержания осужденных, конфликтные ситуации между осужденными, криминальные традиции и обычаи в среде осужденных, недостатки в работе администрации исправительного учреждения и т.д.);

- 3) личность осужденных, совершивших преступления в исправительных учреждениях;

- 4) личность осужденных, от которых можно ожидать совершения преступления в исправительных учреждениях (в основном, к ним следует отнести осужденных, состоящих на профилактическом учете).

Среди причин и условий преступного поведения осужденных в исправительных учреждениях особое место занимают те, которые связаны с недостатками и упущениями в деятельности персонала.

В ходе наших исследований почти половина (48,8%) респондентов-осуждённых на вопрос о персонале исправительных учреждений ответили, что он сегодня в полной мере или в большинстве случаев может исправлять осуждённых. Напротив, сегодня сотрудники практически не могут влиять на исправление осуждённых, сказали 39%, а если могут, то для этого им необходимо дополнительное специальное обучение и подготовка – 12,2% респондентов.

Осуществление профилактических мер обеспечивается конкретными органами и учреждениями, составляющими систему в целом. В число субъектов системы профилактики преступлений, совершаемых осуждёнными в исправительных учреждениях, входят: учреждения и органы, исполняющие наказания; органы и учреждения образования; международные организации; органы здравоохранения; суды; прокуратура; органы внутренних дел; следственные комитеты; правозащитные организации; религиозные конфессии; благотворительные фонды; методические советы; Уполномоченный по правам человека в РФ; Общественная палата РФ и общественные наблюдательные комиссии; советы воспитателей колоний и советы воспитателей отрядов; граждане, ранее совершившие преступления; творческие союзы и организации, и другие.

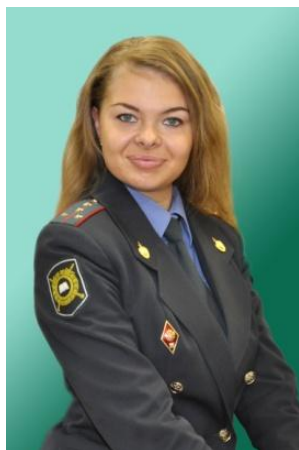
Субъектов профилактики преступлений, совершаемых осуждёнными в исправительных учреждениях, очень много, однако на практике часто не удается удержать осужденных от совершения новых преступлений.

Такая ситуация происходит, потому что все субъекты профилактики должны действовать не изолированно, а во взаимодействии друг с другом. Профилактика преступлений относится к динамичным системам, поэтому для достижения своей цели она должна быть гибкой и постоянно совершенствоваться в зависимости от складывающихся условий. Роль каждого из субъектов профилактики определяется множеством задач, возложенных на них государством, и предоставленными полномочиями по осуществлению профилактической деятельности.

Очевидно, что в реальной действительности преступления, совершаемые осуждёнными в исправительных учреждениях, не могут существовать вне социальных условий, которые их порождают. Поэтому меры профилактического воздействия на объекты, в силу разнообразия составляющих их элементов, должны быть комплексными, а их применение – системным, последовательным и скоординированным.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Блувштейн Ю.Д., Зырин М.И., Романов В.В. Профилактика преступлений. Минск, 1986. С. 26.
2. См.: Игошев К.Е., Устинов В.С. Введение в курс профилактики правонарушений. Горький, 1977. С.34.
3. См.: Ветров Н.И. Криминологическая характеристика правонарушений молодежного возраста. М., 1981. С. 9; Закалюк А.П. Прогнозирование и предупреждение индивидуально-преступного поведения. М., 1986. С.16.

Е.В. Демидова,
кандидат юридических наук
(Казанский юридический институт МВД России)

ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ СЕМЕЙНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается распространенность семейного неблагополучия, жестокого обращения с детьми и всех форм насилия в отношении детей, низкая эффективность профилактической работы с неблагополучными семьями и детьми, распространенность практики лишения родительских прав и социального сиротства, а также исследуется профилактика семейного неблагополучия в Российской Федерации.

Ключевые слова: семейное неблагополучие, жестокое обращение в семье, профилактика безнадзорности несовершеннолетних.

This article reviews the prevalence of family problems, child abuse and all forms of violence against children, the low effectiveness of prevention work with problem families and children, the prevalence of the practice of deprivation of parental rights and social orphanhood, and also investigated the prevention of family ill-being in the Russian Federation.

Key words: family trouble, ill-treatment in the family, the prevention of neglect of minors.

Способность личности к преодолению деформирующих тенденций в огромной мере зависит от семейных отношений и методов воспитания. Современная семья, несмотря на сокращенные до минимума размеры, в принципе остается все еще той формой общества, которая способна успешно решать задачи физического, душевного, духовного здоровья, гарантировать человеку стабильность в быстро меняющемся, нестабильном мире. Вместе с тем негативные последствия эволюции института брака и семьи на протяжении XX века, выражающиеся в ослаблении социализирующих и психотерапевтических функций, являются фактором-катализатором роста всех деструктивных явлений в обществе [1].

Семейное неблагополучие уже давно «поставлено» криминологией на первое место в ряду факторов, детерминирующих

преступность несовершеннолетних [2], признается его криминогенная роль и в современных работах [3].

Распространенность семейного неблагополучия, жестокого обращения с детьми и всех форм насилия в отношении детей, низкая эффективность профилактической работы с неблагополучными семьями и детьми, распространенность практики лишения родительских прав и социального сиротства названы одними из основных проблем в сфере детства, а реализация основополагающего права каждого ребенка жить и воспитываться в семье и ее обеспечения всеми доступными средствами обозначена в качестве приоритетного, ключевого принципа Национальной стратегии.

1 июня 2012 г. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным подписан Указ № 761, утверждающий Национальную

стратегию действий в интересах детей на 2012-2017 годы.

Необходимо отметить, что МВД России, всецело поддерживая основные направления Национальной стратегии, принимает активное участие в разработке Плана первоочередных мероприятий до 2014 года по реализации ее важнейших положений, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 октября 2012 года № 1916-р [4].

В указанный план включены следующие положения: разработка концепции государственной семейной политики в Российской Федерации и предложений по внесению изменений в законодательство в части семейной политики (июнь 2014 г.); проведение мониторинга и подготовка предложений по внесению изменений в законодательство Российской Федерации в части уточнения категорий детей, находящихся в социально опасном положении и иной трудной жизненной ситуации, содержания понятий насилия и жестокого обращения с детьми (июль 2014 г.); внедрение новых технологий и методов раннего выявления семейного неблагополучия и оказания поддержки семьям с детьми, находящимися в социально опасном положении и иной трудной жизненной ситуации, социально-психологической реабилитации детей, пострадавших от жестокого обращения и преступных посягательств; внедрение комплексной модели медико-социальной реабилитации родителей, страдающих алкогольной зависимостью; внедрение эффективных технологий и методов профилактики социального сиротства, включая социальный патронаж в отношении семей, находящихся в социально опасном положении; организация обучения педагогических, медицинских, социальных работников и иных специалистов, работающих с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации, а также родителей по вопросам профилактики суицидального поведения, употребления психоактивных веществ, жестокого обращения с детьми.

Перечисленные мероприятия позволяют акцентировать внимание всех субъектов системы профилактики на актуальности проблемы и сосредоточить их усилия на принятии эф-

фективных мер по преодолению имеющихся негативных тенденций.

Мы полагаем, что на сегодняшний день данное направление является одним из приоритетных в деятельности органов внутренних дел. Подтверждением тому является и повседневная работа сотрудников территориальных органов МВД России, и проводимые на федеральном и межрегиональном уровне с привлечением представителей заинтересованных организаций и учреждений мероприятия.

Для своевременного выявления фактов семейного неблагополучия, насилия в отношении несовершеннолетних используются различные формы работы. Наши исследования показали, что, в частности, в Тверской области и Республике Карелия организована работа «почтовых ящиков» и «ящиков доверия» в образовательных учреждениях и учреждениях здравоохранения, куда подростки могут написать сообщения, в том числе анонимные, о фактах совершения в отношении них противоправных деяний или ставших им известными преступлениях и правонарушениях. Во всех регионах Российской Федерации функционируют телефоны доверия экстренной психологической помощи детям и родителям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

Органами внутренних дел ежегодно проводится профилактическая работа в отношении около 250 тыс. родителей (иных законных представителей несовершеннолетних), не исполняющих обязанности по воспитанию детей. За 2012 год к административной ответственности привлечлось свыше 600 тыс. лиц данной категории.

По материалам Главного управления по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, только в первом полугодии 2012 года 323,6 тыс. родителей или иных законных представителей были привлечены к административной ответственности, в том числе 236,8 тыс. – за неисполнение обязанностей по воспитанию детей (ст. 5.35 КоАП Российской Федерации) и 1 тыс. – за вовлечение несовершеннолетних в употребление пива и напитков, изготавливаемых на его ос-

нове, спиртных напитков или одурманивающих веществ (ч. 3 ст. 6.10 КоАП Российской Федерации) [5].

Привлечение к ответственности родителей и иных законных представителей за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних, связанных с жестоким обращением с детьми, занимает важное место в деятельности органов внутренних дел (в первом полугодии 2012 г. в отношении данной категории возбуждено 3,2 тыс. уголовных дел, в 2011 г. — 3,6 тыс., в 2010 г. — 4,8 тыс., в 2009 г. — 5,8 тыс.).

Возбуждение уголовных дел за данное деяние несет в себе не столько карательную меру, сколько исполняет предупредительную, превентивную функцию, выступая в качестве последнего предупреждения перед решением вопроса о лишении родительских прав. Как показывает правоприменительная практика, сам факт привлечения родителей к уголовной ответственности оказывает на них большее воздействие, нежели иные меры профилактики.

Профилактическая работа сотрудников органов внутренних дел с родителями, в первую очередь, направлена на сохранение семьи.

Проблемы семьи и семейных отношений привлекали и привлекают внимание ученых различных отраслей знаний: историков, педагогов, социологов, демографов, медиков, юристов и др.

Семейная система — одна из открытых, постоянно развивающихся социальных систем.

Являясь частицей макросреды, микросреда семьи представляет собой отражение реального общественного бытия и свой конечный совокупный продукт в виде личности поставляет обществу [6].

Семья — основанное на браке или кровном родстве объединение людей, связанных общностью быта и взаимной ответственностью, один из важнейших элементов социальной структуры. Семья выполняет многие социальные функции, играет особую роль как в общественном развитии в целом, так и в жизни каждого человека. Проблемы семьи изучают демография и экономическая наука, история и социальная антропология, юриспруденция и педагогика, естественные науки — медицина, генетика, геронтология и др.

Каждая из наук смотрит на этот институт со своей специфической точки зрения, выделяя в нем свой собственный предмет исследований и применяя при этом собственные научные методы. Тем самым каждая из наук вносит свой вклад в изучение семьи и семейных отношений, а также в постановку и решение семейных проблем. Обобщающий характер знаниям о семье придает социология, практически все разделы которой освещают семейную проблематику. «Семейные перемены» дают возможность лучше понять процессы социальной мобильности, демографических изменений и т.д. [7].

Интерес к семье обусловлен, прежде всего, важностью ее роли как посредника между личностью и обществом.

Семья составляет существенное звено в цепи социального бытия, ведь каждая нация и государство слагаются из отдельных семей: семья является первым базисом государства.

Семья — важнейший инструмент индивидуального становления личности: именно здесь ребенок впервые включается в общественную жизнь, усваивает ее ценности, нормы поведения, способы мышления, язык [8]. Иначе говоря, семья — это школа воспитания, передачи опыта жизни, житейской мудрости.

Семья — это носитель вечных семейных ценностей: любви, взаимопонимания, взаимоуважения и взаимовыручки. В семье закладываются идеалы и ценности подрастающего поколения, осуществляется духовное развитие человека [9]. Только полная семья, в которой оба родителя участвуют в воспитании детей, проявляют заботу о старших членах семьи, является наиболее востребованной в условиях кризиса самого института семьи.

Семья является уникальным социальным институтом, выполняющим роль посредника между личностью и социумом. В нем заключен мощный потенциал воздействия на процессы общественного развития, воспроизводства рабочей силы, становления гражданских отношений. В то же время семья не может полностью использовать свои возможности вне взаимодействия

вия с государством и без его активной поддержки [10].

Следует отметить, что в случаях злостного уклонения от исполнения родительских обязанностей сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел готовят необходимые материалы для решения вопроса о целесообразности лишения родительских прав.

Одной из проблем, связанных с выявлением фактов семейного неблагополучия, является непредставление учреждениями здравоохранения в органы внутренних дел информации о родителях, страдающих наркотической или алкогольной зависимостью.

Исходя из наших исследований, сотрудники медицинских учреждений ссылаются на положения Федерального закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [11]. Однако Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [12] предусматривает информирование

субъектами системы профилактики, каковыми являются и учреждения здравоохранения, органы опеки и попечительства – о выявлении несовершеннолетних, находящихся в обстановке, представляющей угрозу их жизни, здоровью или препятствующей их воспитанию, органа управления социальной защиты населения – о выявлении несовершеннолетних, нуждающихся в помощи государства в связи с безнадзорностью или беспризорностью, а также о выявлении семей, находящихся в социально опасном положении; органа внутренних дел – о выявлении родителей несовершеннолетних или иных их законных представителей и иных лиц, жестоко обращающихся с несовершеннолетними и (или) вовлекающих их в совершение преступления или антиобщественных действий или совершающих по отношению к ним другие противоправные деяния.

ЛИТЕРАТУРА

1. Побегайло А.Э. Семейное неблагополучие в системе детерминации преступного поведения несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 60.
2. См.: Миньковский Г.М. Личность несовершеннолетнего преступника и современные проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних в СССР (криминологическое, уголовно-правовое и процессуальное исследование): автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 1972; Кормщиков В.М. Личность несовершеннолетнего правонарушителя и ее формирование в условиях семейного неблагополучия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1976; Ермаков В.Д. Криминологическая характеристика условий семейного воспитания и социально-правовые аспекты совершенствования ранней профилактики правонарушений несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1977 и др.
3. См.: Ильяшенко А.Н. Социальная среда в генезисе преступного поведения (особенности криминализации несовершеннолетних под влиянием социальной микросреды). М., 2001. С. 21; Криминология: учебник / под ред. Г.А. Аванесова. 4-е изд., испр. и доп. М., 2006. С. 388.
4. О плане первоочередных мероприятий до 2014 г. по реализации важнейших положений Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 гг.: распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 октября 2012 г. № 1916-р
5. См.: Материалы Главного управления по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. М., 2012.
6. Социологическая энциклопедия. В 2-х томах. Т. 2. М., 2003. С. 394.
7. См.: Семья как объект философского и социологического исследования. Л., 1974.
8. Спиркин А.Г. Философия: учебник. 2-е изд. М., 2002. С. 531.
9. Разводы в Татарстане: состояние, причины и ресурсы укрепления семьи / Ф.А. Ильдарханова и др.; общ. ред. М.В. Вдовина. Казань, 2010. С. 4.
10. Там же.

11. О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»: Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 67-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2040.

12. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (с изм. и доп. от 13 января 2001 г., 7 июля 2003 г., 29 июня, 22 августа, 1, 29 декабря 2004 г.) // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

Л.В. Кокорева

(группа по Республике Татарстан филиала по ПФО ФГКУ «ВНИИ МВД России»)

О.Ф.Павлов,

кандидат юридических наук,
(группа по Республике Татарстан филиала по ПФО ФГКУ «ВНИИ МВД России»)

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

В статье рассмотрены основные черты современного экстремизма среди молодежи, приведена криминалистическая характеристика лиц, совершающих преступления экстремистской направленности.

Ключевые слова: преступность, экстремизм, молодежь, причины и факторы, криминалистическая характеристика

In article the main lines of modern extremism among youth are considered, the criminalistic characteristic of the persons committing crimes of an extremist orientation is provided.

Key words: crime, extremism, youth, reasons and factors, criminalistic characteristic

Актуальность проведения научных исследований, направленных на совершенствование противодействия проявлениям экстремизма, борьбы с данными проявлениями, определяется возрастанием социальной опасности криминализации широких слоев населения, прежде всего, подростков и молодежи, недостаточной эффективностью профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, наличием серьезных противоречий между объективными общественными потребностями и фактическим состоянием процессов воспроизводства человеческой личности, которые в современных условиях проявляются особенно остро.

Снижение уровня благосостояния большинства российских граждан в сочетании с ослаблением социального контроля за молодежью, заметное ослабление влияния общественных, государственных

и семейных институтов на формирование личности ведут к неуклонному росту преступности в молодежной среде.

В качестве основных причин возникновения экстремистских проявлений среди молодежи можно обозначить следующие особо значимые факторы:

1. Обострение социальной напряженности в молодежной среде (характеризуется комплексом социальных проблем, включающим в себя проблемы уровня и качества образования, «выживания» на рынке труда, социального неравенства, снижения авторитета правоохранительных органов и т.д.);

2. Криминализация ряда сфер общественной жизни (в молодежной среде это выражается в широком вовлечении молодых людей в криминальную среду и т.п.);

3. Изменение ценностных ориентаций (значительную опасность представляют

зарубежные религиозные организации и секты, насаждающие религиозный фанатизм и экстремизм, отрицание норм и конституционных обязанностей, а также чуждые российскому обществу ценности);

4. Проявление так называемого «исламского фактора» (пропаганда среди молодых мусульман России идей религиозного экстремизма, организация выезда молодых мусульман на обучение в страны исламского мира, где осуществляется вербовочная работа со стороны представителей международных экстремистских и террористических организаций);

5. Рост национализма и сепаратизма (активная деятельность молодежных националистических группировок и движений, которые используются отдельными общественно-политическими силами для реализации своих целей);

6. Наличие незаконного оборота средств совершения экстремистских акций (некоторые молодежные экстремистские организации в противоправных целях занимаются изготовлением и хранением взрывных устройств, обучают обращению с огнестрельным и холодным оружием и т.п.);

7. Использование в деструктивных целях психологического фактора (агрессия, свойственная молодежной психологии, активно используется опытными лидерами экстремистских организаций для осуществления акций экстремистской направленности);

8. Использование сети Интернет в противоправных целях (обеспечивает радикальным общественным организациям доступ к широкой аудитории и пропаганде своей деятельности, а также дает возможность размещения подробной информации о своих целях и задачах, времени и месте встреч, планируемых акциях).

В криминалистической характеристике преступлений экстремистской направленности необходимо выделить следующие ключевые обстоятельства:

- преступления экстремистской направленности, связанные с призывами к осуществлению экстремистской деятельности, совершаются зачастую с использованием

сети Интернет и средств массовой информации;

- в большинстве случаев преступления экстремистской направленности, связанные с угрозой жизни и причинением вреда здоровью, совершаются на улицах, в подъездах жилых домов, общественном транспорте и других местах общественного пользования в темное время суток;

- совершению преступления экстремистской направленности предшествует тщательная подготовка, где основное внимание преступников уделяется выбору места совершения преступления;

- преступления экстремистской направленности характеризуются тем, что лица, их совершающие, редко предпринимали попытку скрыть следы преступления [1].

Криминалистическая характеристика лиц, совершающих преступления экстремистской направленности, включает два основных типа личности. Первый – это лицо как мужского, так и женского пола, в возрасте от 25 до 37 лет, имеющее высшее или среднее специальное образование, работающее, обладающее ярко выраженными организаторскими способностями. Второй – лицо как мужского, так и женского пола, в возрасте до 20 лет, в том числе несовершеннолетние, имеющее неоконченное среднее или среднее специальное образование, не работающее, обладающее высокой степенью внушаемости.

Рассматривая личностные особенности, присущие большинству обычных экстремистов, С.Н. Фридинский выделяет следующие критерии:

1. Молодой возраст, который, в свою очередь, дифференцируется на а) 14-16 лет; б) 16-18 лет; в) 18-20 лет; г) 20-25 лет; д) 25-30 лет; е) 30-35 лет; ж) 35 лет и старше.

Подобная дробная дифференциация, по его мнению, объясняется серьезными возрастными разграничениями, присущими молодежи, для которой разница в 1 год и больше, особенно в 16 лет, является существенной. Команды, исходящие от 20-летнего экстремиста, будут исполняться 16-летними и игнорироваться 30-летним соратником. Кроме того, возрастная градация показательна с точки зрения соверше-

ния конкретных преступлений. Чем моложе экстремист, тем проще направить его для совершения более дерзкого насильственного преступления.

2. Показная бравада. Экстремист хочет быть на виду, быть узнаваемым, чтобы о его преступлении узнало как можно больше людей.

3. «Комплекс Герострата», поскольку экстремист стремится войти в историю любой ценой, желательно с «черного хода».

4. Отсутствие конечной цели, т.к. заявленная конечная цель в виде расовой нетерпимости, построения мононационального государства, устранения людей, исповедующих другую религию или провозглашающих иные политические ценности, недостижима.

Таким образом, личность экстремиста отличается своеобразием, т.к. экстремисты – это люди, борющиеся одновременно за чистоту расы, проповедующие религиозную нетерпимость, но стремящиеся, по их убеждению, к всеобщему счастью для всего человечества (точнее, той его части, которая достойна их внимания) через сакральное насильственное очищение [2].

Также следует отметить, что в качестве организаторов молодежных экстремистских организаций (группировок) все чаще выступают подростки. Так, 15 декабря 2008 г. Мосгорсуд вынес приговор банде Рыно – Скачевского, обвиняемой в совершении 20 убийств из националистических побуждений, организаторы которой на момент совершения преступлений были несовершеннолетними [3].

Кроме этого, организаторами молодежных экстремистских организаций (группировок) становятся молодые лица женского пола (молодые девушки). Так, в 2006 г. в г. Казани была предотвращена деятельность регионального подразделения экстремистской организации «Русское национальное единство» (РНЕ). Руководителем организации была Мельникова Е.А., обладающая хорошими организаторскими способностями прирожденного лидера, которая, по данным следствия, могла организовать ребят на любое мероприятие, была активисткой детско-юношеского клуба «Вега».

19 января 2009 г. в г. Москве была обезврежена молодежная экстремистская группировка из 4 человек, лидером которой также была девушка [4].

Значительную роль в тенденции расширения потенциальной аудитории экстремистского воздействия играет глобальная компьютерная сеть.

Как показало исследование, проведенное под руководством М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги, Интернет становится одним из самых важных источников информации в молодежной среде. Очевидно, что в молодежной среде есть два наиболее распространенных источника информации – телевидение (47,8%) и Интернет (47%), другие же источники практически не используются молодежью. Особенного внимания заслуживает тот факт, что Интернет приобретает все большую значимость у самых молодых, что свидетельствует о нарастании новых информационно-коммуникационных традиций у будущего поколения [5].

Интеграция экстремистских движений в пространство глобальной компьютерной сети позволяет преступникам использовать эти возможности для воздействия на интернет-аудиторию. Учитывая возрастной состав основной массы аудитории Интернета, становятся очевидными потенциальные масштабы такого антисоциального воздействия на молодежь.

На наш взгляд, проблема заключается в том, что сегодня вырастает поколение, которое уже не представляет свою жизнь без Интернета, постоянного поиска информации в нем, а самое главное, что охотнее происходит общение в социальных сетях. В этих условиях возникает новый лидер, способный собрать большие массы, нередко заставляющий совершать реальные поступки.

Ежедневное проведение сотрудниками органов внутренних дел мониторинга в сети Интернет, направленного на выявление фактов вовлечения молодежи в радикальные организации, распространение призывов членов экстремистских объединений и групп к совершению экстремистских акций и несанкционированных публичных

мероприятий, имеет свои положительные результаты.

Так, в 2010 году сотрудниками ЦПЭ МВД по РТ был установлен участник неформального молодежного объединения «скинхеды» – Г.А. Кондусов 10.10.1994 г.р., который в сети Интернет создал сайт <http://oban666.narod.ru> под названием «Как сделать дымовую шашку», на котором были описаны варианты создания дымовой шашки, рецепт изготовления, размещены 2 видеоролика, наглядно демонстрирующие действие самодельной дымовой шашки. На главной странице сайта в разделе «Скачать» были приведены ссылки для скачивания книг, признанных экстремистскими: «Поваренная книга анархиста», «Бомба из хозмага», «Гадаскина Р.Т. и др. Яды – вчера и сегодня», «Яды» и «Русская кухня. Азбука домашнего терроризма». На сайте имелось изображение кельтского креста, нацистская символика.

В результате проведенных оперативно-розыскных мероприятий были собраны соответствующие материалы, на основании которых, согласно ст.ст. 22 и 25.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и ст.6 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» прокуратурой РТ вынесено прокурорское предостережение матери Кондусова - С.П. Быченко.

Вместе с тем, по нашему мнению, не следует упускать из вида таких представителей молодежных субкультур, как готы, эмо, панки, металлисты и др. Несмотря на то, что эти субкультуры не имеют определенной идеологии и явно выраженных лидеров, они представляют оперативный интерес, так как склонны к истерическим состояниям, глубоким страданиям и суициду, а своим внешним видом привлекают к себе внимание и провоцируют совершение в отношении них хулиганских действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Сергеева А.В. Особенности досудебного производства по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
2. См.: Фридинский С.Н. Личность экстремиста // Юрическое образование и наука. 2011. №4.
3. См.: Тухватуллина А. Скинхедам вынесли убийственный приговор // Московский комсомолец. 2008. 16 дек.
4. См.: По Москве маршируют гитлерюгенд. В фашистские формирования новобранцы приходят прямо из школ // Московский комсомолец. 2009. 22 янв.
5. См.: Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010.

В.П. Малков,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации и Татарской АССР
(ЧОУ ВПО «Институт экономики, управления
и права» (г. Казань))

ШТРАФ КАК УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЦАРСКОЙ, СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

В статье исследуются вопросы правового регулирования штрафа как вида уголовного наказания по законодательству царской, советской и постсоветской России. Статья посвящена проблемам замены штрафа лишением свободы.

Ключевые слова: штраф, наказание, замена штрафа, лишение свободы, мера уголовного наказания, критерии замены штрафа

The article studies the issues of legal regulation of the penalty as a criminal punishment under the laws of the Imperial, Soviet and post-Soviet Russia. The article is devoted to such a degree of criminal punishment as a penalty, and also the problems of the replacement of the fine by imprisonment.

Key words: Fine, penalty, replacing the penalty of deprivation of liberty, penal measure, the criteria for replacing fine.

Штраф - наказание имущественного характера, применявшееся по уголовному законодательству царской России, использовавшееся и используемое в качестве средства противодействия преступности в советской и постсоветской России. По уголовному законодательству царской России это наказание именовалось денежной пеней либо пеней.

Согласно § 22 главы второй проекта Уголовного уложения 1813 г. наказания за уголовные преступления в России подразделялись на семь родов, из которых каждый разделялся на степени по мере важности преступления и по обстоятельствам, более или менее увеличивающим вину преступника. В § 23 проекта Уложения раскрывались роды наказаний.

Первый род наказания составлял лишение жизни; *второй род* - лишение всех прав гражданских или политическая смерть; *третий род* - лишение свободы и чести; *четвертый род* - позорные наказания; *пятый род*: а) беспозорное лишение свободы

и б) телесные наказания; *шестой род* - денежные пени и *седьмой род* - церковные покаяния (курсив мой- В.М.)

В § 24 этой главы проекта Уложения указывалось, что наказания по военной службе определяются в Военном уставе.

В §§ 66 -75 седьмого отделения главы о наказаниях шестого рода давалась характеристика понятия, видов, условий и порядка назначения и исполнения наказания в виде денежной пени. Устанавливалось, что «сей род наказаний состоит в том, что виновный за вред, причиненный государству, общественному порядку или частным лицам, обязывается к денежному законному вознаграждению одного или лишается прав и привилегий, приносивших ему пользу, но употребленных им ко вреду других, а денежные пени и вознаграждения за убытки налагаются самостоятельно или вместе с другими наказаниями». Денежные пени предусматривались двоякого рода и определялись:

1) за нарушения общественного порядка, если не имеет места высший род наказания; пени сии поступают в благоугодные заведения; или

2) для удовлетворения обиженного лица взамен вреда, причиненного оному от виновного. Пени первого рода непосредственно определяются в законах. Пени второго рода определяются соразмерно имению (*имущественному положению* - В.М.) виновного и состоянию обиженного по правилам, постановленным в Уставе судопроизводства.

В § 74 и 75 проекта Уложения предусматривалось: «ежели кто не в состоянии в определенный Судом срок заплатить наложенного на него денежного взыскания и ежели по исследовании имения (*имущественного положения* - В.М.) его не найдется для того достаточным: то присуждается таковой к временному лишению свободы, а простолудимы и к зарабатыванию на основании предыдущего осуждения. Сравнение денежных пеней с временным лишением свободы и цена зарабатывания каждого дня определяются в Уставе судопроизводства» [1, С.29].

Согласно т.15 Свода законов Российской империи (под ред. и с примечаниями И.Д. Мордухай-Болтовского) к числу наказаний исправительных, наряду с другими, относятся денежное взыскание (ст.30, 41 и 42) [2].

В ст. 24 Уголовного уложения России от 23 марта 1903 г. устанавливалось, что «денежная пеня определяется рублями и полтинами, за исключением случаев, в коих законом указан особый порядок ее исчисления».

Если в законе высший размер пени определен не менее ста рублей, то пеня назначается в размере не менее десяти рублей.

Уплата денежной пени может быть отсрочена или разсрочена судом на время не свыше одного года со дня вступления приговора в законную силу.

Денежная пеня, для коей законом не установлено особого назначения, обращается на устройство мест заключения [3, С. 4-5].

В ст. 59 этого законодательного документа предусматривались правила замены

денежной пени иным наказанием в случае ее неуплаты в установленный срок.

В декретах и иных нормативных правовых актах первых лет советской власти рассматриваемое наказание называлось вместо денежной пени «денежным штрафом» либо штрафом. Например, в одном из первых нормативных правовых актов советской власти - постановлении НКЮ от 18 декабря 1917 г. «О революционном трибунале печати» рассматриваемое наказание названо «денежным штрафом» [4, С.19]. Аналогично тому данное наказание названо в Инструкции НКЮ от 19 декабря 1917 г. «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» [4, С.20], а также в Декрете СНК от 28 января 1918 г. «О Революционном трибунале печати» [4, С.22].

Однако позднее в нормативных правовых актах первых лет советской власти рассматриваемое наказание уже называется «штрафом» без ссылки, что он является денежным. Так, например, это наказание названо в декрете СНК от 27 июля 1918 г. «О порядке перехода по частным сделкам торговых и промышленных предприятий и преобразования предприятий (правила)» [4, С.33], в декрете СНК от 28 ноября 1918 г. «Положение о чрезвычайных военных комиссарах железных дорог» [4, С.40] и других актах. В Руководящих началах по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 г. в системе видов наказаний (ст.25) указания на штраф как вид уголовного наказания не было [4, С.60]. Однако в приказе Реввоенсовета Республики от 4 мая 1920 г., которым было утверждено Положение «О революционных трибуналах», в его 1-ом примечании было сказано, что в числе наказаний, налагаемых по приговорам революционных военных трибуналов, могут быть: а) выговор, б) штраф, в) конфискация имущества, г) лишение политических прав, д) лишение свободы, е) сдача в штрафные части и ж) расстрел [4, С.74].

Вместе с тем в законодательстве того времени в одном и том же нормативном акте иногда использовалось понятие наказания в виде пени и в виде штрафа. Так, в

Инструкции по применению Постановления Совета Народных Комиссаров от 15 июля 1921 г. «Об ответственности за нарушения декретов о натуральных налогах и об обмене и о порядке возбуждения и направления дел об этих нарушениях» в ст. 6 пеня отнесена к наказаниям, налагаемым в административном порядке, а в ст. 14 этого же акта штраф отнесен также к наказаниям, налагаемым в административном порядке [4. С.105-106].

Штраф был одной из наиболее распространенных мер уголовного наказания в 1917-1919 гг.

В УК РСФСР 1922 г. штраф введен в систему видов уголовных наказаний (п. «е» ст. 32). В ч. 1 ст. 39 этого УК, в частности, устанавливалось, что штраф есть денежное взыскание, налагаемое судом на осужденного в пределах, установленных отдельными статьями Уголовного кодекса, в соответствии с имущественным положением осужденного.

В ч.2 ст. 39 этого УК в российском уголовном законодательстве впервые было предусмотрено, что замена штрафа лишением свободы и лишения свободы штрафом не допускается [4]. Позднее положение о запрете замены штрафа лишением свободы и лишения свободы штрафом перекочевывает из одного советского УК в другой вплоть до внесения изменений в редакцию частей 3-й и 5-й статьи 46 действующего УК РФ 1996 г.

В ст. 46 в первоначальной редакции УК РФ 1996 г. устанавливалось, что:

«1. Штраф есть денежное взыскание, назначаемое в пределах, предусмотренных настоящим Кодексом, в размере, соответствующем определенному количеству минимальных размеров оплаты труда, установленных законодательством Российской Федерации на момент назначения наказания, либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за определенный период.

2. Штраф устанавливается в размере от двадцати пяти до одной тысячи минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух недель до одного

года.

3. Размер штрафа определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления и с учетом имущественного положения осужденного.

4. Штраф в качестве дополнительного вида наказания может назначаться только в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса.

5. В случае злостного уклонения от уплаты штрафа он заменяется обязательными работами, исправительными работами или арестом соответственно размеру назначенного штрафа в пределах, предусмотренных настоящим Кодексом для этих видов наказаний» [5].

В первоначальной редакции ст. 46 УК РФ 1996 г. хотя и не было прямого запрета замены штрафа лишением свободы, однако из содержания ее вытекал такой запрет. К такому же выводу следует прийти по смыслу предписаний ст. 71 этого УК, регламентирующей порядок определения сроков наказаний при их сложении. Штраф, как и некоторые другие виды наказания, не подлежали сложению с лишением свободы, а исполнялись самостоятельно. В ч. 3 ст. 72 этого же УК предусматривались указания относительно зачета времени содержания под стражей до судебного разбирательства в сроки лишения свободы, содержания в дисциплинарной воинской части и ареста, а также исправительных работ, ограничения по военной службе и обязательных работ.

Применительно к штрафу, назначенному судом в качестве основного наказания, устанавливалось, что суд, учитывая срок содержания под стражей, смягчает назначенное наказание или полностью освобождает его от отбывания наказания.

Существенные изменения в российское уголовное законодательство о штрафе были внесены Федеральным законом № 162-ФЗ от 8 декабря 2003 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [13]. Части первая, вторая и третья ст. 46 УК РФ были изложены в следующей редакции:

«1. Штраф есть денежное взыскание, назначаемое в пределах, предусмотренных

настоящим Кодексом.

2. Штраф устанавливается в размере от двух тысяч пятисот до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух недель до пяти лет. Штраф в размере от пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период свыше трех лет может назначаться за тяжкие и особо тяжкие преступления в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса.

3. Размер штрафа определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления и имущественного положения осужденного и его семьи, а также с учетом возможности получения осужденным заработной платы или иного дохода. С учетом тех же обстоятельств суд может назначить штраф с рассрочкой выплаты определенными частями на срок до трех лет».

Часть 5-я ст. 46 УК была изложена в следующей редакции: «5. В случае злостного уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, он заменяется в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса».

Поскольку во многих санкциях статей Особенной части УК РФ наряду со штрафом предусматривались наказания, не связанные с лишением свободы, а также и лишение свободы и в целях предупреждения замены штрафа лишением свободы в указанных в ч.5 ст. 46 УК случаях, Федеральным законом № 161-ФЗ от 8 декабря 2003 г. «О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации"» были внесены изменения в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации 1997 г., в частности, в его статьи 31 и 32, которые были изложены в следующей редакции:

« Статья 31. **Порядок исполнения наказания в виде штрафа**

1. Осужденный к штрафу без рассрочки выплаты обязан уплатить штраф в течение

30 дней со дня вступления приговора суда в законную силу.

2. В случае если осужденный не имеет возможности единовременно уплатить штраф, суд по его ходатайству и заключению судебного пристава-исполнителя может рассрочить уплату штрафа на срок до трех лет.

3. Осужденный к штрафу с рассрочкой выплаты, а также осужденный, в отношении которого суд в соответствии с частью второй настоящей статьи принял решение о рассрочке уплаты штрафа, обязаны в течение 30 дней со дня вступления приговора или решения суда в законную силу уплатить первую часть штрафа. Оставшиеся части штрафа осужденный обязан уплачивать ежемесячно не позднее последнего дня каждого последующего месяца.

Статья 32. Злостное уклонение от уплаты штрафа

1. Злостно уклоняющимся от уплаты штрафа признается осужденный, не уплативший штраф либо часть штрафа в установленный частями первой и третьей статьи 31 настоящего Кодекса срок.

2. В отношении осужденного, злостно уклоняющегося от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, судебный пристав-исполнитель не ранее 10, но не позднее 30 дней со дня истечения предельного срока уплаты, указанного в частях первой и третьей ст. 31 настоящего Кодекса, направляет в суд представление о замене штрафа другим видом наказания в соответствии с частью пятой статьи 46 Уголовного кодекса Российской Федерации.

3. В отношении осужденного, злостно уклоняющегося от уплаты штрафа, назначенного в качестве дополнительного наказания, судебный пристав-исполнитель производит взыскание штрафа в принудительном порядке, предусмотренном гражданским законодательством Российской Федерации.

4. Злостно уклоняющийся от отбывания наказания осужденный, местонахождение которого неизвестно, объявляется в розыск и может быть задержан на срок до 48 часов. Данный срок может быть продлен судом до

30 суток».

Эти положения уголовного и уголовно-исполнительного закона не выдержали проверку временем и в последующие годы вновь были изменены.

Так, Федеральным законом №97-ФЗ от 4 мая 2011 г. ч. 2 ст. 46 УК РФ была вновь изменена и изложена в следующей редакции: «Штраф устанавливается в размере от пяти тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного на период от двух недель до пяти лет либо исчисляется в величине, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки. Штраф в размере от пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного на период свыше трех лет может назначаться только за тяжкие и особо тяжкие преступления, в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса, за исключением случаев исчисления размера штрафа исходя из величины, кратной сумме коммерческого подкупа или взятки. Штраф, исчисляемый исходя из величины, кратной сумме коммерческого подкупа или взятки, устанавливается в размере стократной суммы коммерческого подкупа, но не может быть менее двадцати пяти тысяч рублей и более пятисот миллионов рублей»[7].

Федеральным законом №420-ФЗ от 7 декабря 2011 года «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» правило ч.3 ст. 46 УК о полномочии суда назначить штраф с рассрочкой выплаты на срок до трех лет увеличено до пяти лет, а часть пятая этой статьи изложена в следующей редакции: «В случае злостного уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, он заменяется иным наказанием, за исключением лишения свободы. Указанное положение не распространяется на осужденных к наказанию в виде штрафа за преступления, предусмотренные статьями 204, 290, 291, 201¹ настоящего Кодекса» [8].

Напомним, что названными выше стать-

ями УК РФ предусматривается уголовная ответственность за коммерческий подкуп (ст. 204), за получение взятки (ст. 209), за дачу взятки (ст. 291) и за посредничество во взяточничестве (ст. 291¹).

Таким образом, в уголовном законодательстве России ныне принято половинчатое решение об отказе от «советского института запрета замены штрафа лишением свободы и лишения свободы штрафом», сохраняющегося только в российском уголовном законодательстве в качестве памятника «анахронизма» прошлого.

Иначе этот вопрос решается в зарубежном уголовном законодательстве. Так, в первоначальной редакции ч.4 ст.53 УК Украины 2001 г. устанавливалось, что в случае невозможности уплаты штрафа суд может заменить неуплаченную сумму штрафа наказанием в виде общественных работ из расчета: десять часов общественных работ за один установленный законодательством не облагаемый налогом минимум доходов граждан или исправительными работами из расчета один месяц исправительных работ за четыре установленных законодательством не облагаемых налогом минимумов доходов граждан, но на срок не более двух месяцев [9].

Однако законом от 15 ноября 2001 г. ч.5 ст. 53 УК Украины о правилах замены штрафа иным наказанием изложена в новой редакции. В частности, в ч.5 ст.53 УК Украины теперь предусматривается, что в случае неуплаты штрафа в размере не более трех тысяч не облагаемых налогом минимумов доходов граждан и отсутствия оснований для рассрочки его выплаты суд заменяет неуплаченную сумму штрафа наказанием в виде общественных работ из расчета один час общественных работ за один установленный законодательством не облагаемый налогом минимум доходов граждан или исправительными работами из расчета один месяц исправительных работ за двадцать установленных законодательством не облагаемых налогом минимумов доходов граждан, но на срок не более двух лет [10].

В случае неуплаты штрафа в размере свыше трех тысяч не облагаемых налогом минимумов доходов граждан, назначенного

в качестве основного наказания, и отсутствия оснований для рассрочки его выплаты суд заменяет неуплаченную сумму штрафа наказанием в виде лишения свободы из расчета один день лишения свободы за восемь не облагаемых налогом минимумов доходов граждан в таких пределах:

1) от одного до пяти лет лишения свободы - в случае назначения штрафа за совершение преступления средней тяжести;

2) от пяти до десяти лет лишения свободы - в случае назначения штрафа за совершение тяжкого преступления ;

3) от десяти до двенадцати лет лишения свободы - в случае назначения штрафа за совершение особо тяжкого преступления.

Если при расчете срока лишения свободы этот срок составляет более установленных настоящей частью статьи пределов, суд заменяет наказание в виде штрафа наказанием в виде лишения свободы на максимальный срок, предусмотренный для преступления соответствующей тяжести настоящей частью статьи.

По УК Украины при назначении штрафа в качестве основного или дополнительного наказания суд должен исходить из того, что не облагаемый налогом минимум доходов граждан, используемый для определения размера штрафа, в соответствии с п. 5 подраздела 1 раздела XX Налогового кодекса Украины составляет сумму в размере 17 гривен. По официальному курсу валют ЦБ России с 14.12.2012 г. 10 украинских гривен соответствует 37,7992 рубля [11].

Штраф в случае его неуплаты может заменяться лишением свободы по УК Республики Молдова 2002 г.[12]. В частности, в ч. (5) ст.64 этого УК устанавливается: « В случае злостного уклонения осужденного от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного или дополнительного наказания, судебная инстанция может заменить неуплаченную сумму штрафа арестом или лишением свободы в пределах сроков, предусмотренных статьей 68 или 70. Сумма штрафа заменяется арестом или лишением свободы из расчета 1 месяц ареста или лишения свободы за 50 условных единиц штрафа».

Согласно части (2) ст.64 УК Республики Молдова одна условная единица штрафа равняется 20 леям.

Представляет интерес правовое регулирование рассматриваемого вопроса по УК Китайской Народной Республики 1997 года [13]. В частности, в ст. 53 § 6 этого УК устанавливается: «Уплата штрафа по приговору должна быть внесена один раз в течение установленного срока либо в рассрочку. Если по истечении установленного срока штраф не внесен, он взыскивается в принудительном порядке. Если в силу непреодолимых обстоятельств действительно имеются трудности для внесения штрафа, можно, приняв во внимание эти обстоятельства, снизить наказание в виде штрафа либо освободить от него».

По моему мнению, положения ст. 53 УК КНР о возможности снижения размера штрафа либо об освобождении от него при указанных в законе обстоятельствах весьма разумное и гуманное правило и было бы полезно его обсудить и при поддержке юридической общественности и законодателя позаимствовать в российское уголовное законодательство.

В настоящее время указаний о запрете замены штрафа лишением свободы в случае злостного уклонения осужденного от его уплаты либо невозможности уплаты по причинам, не связанным с уклонением от уплаты штрафа, не сохранилось, кроме России, ни в одном УК государств-бывших союзных республик Союза ССР, а также и в странах Балтии.

Поэтому в условиях усиления внимания к противодействию коррупции в стране целесообразно, по моему мнению, полностью отказаться от каких-либо ограничений в замене штрафа лишением свободы. Неотлагательно нужно устранить недостатки в правовом регулировании допускаемой ныне законом замены штрафа лишением свободы применительно к преступлениям коррупционного характера (к осужденным за коммерческий подкуп, получение взятки, дачу взятки и посредничество во взяточничестве), установив, как это сделано в УК зарубежных стран, четкие критерии суммы штрафа при замене ее лишением свободы

на какой-то четко установленный законом его срок. Ныне порядок замены штрафа лишением свободы в указанных законом случаях не определяет четких критериев замены штрафа лишением свободы, реше-

ние этих вопросов передано на усмотрение судьи, единолично рассматривающего о том материалы дела, что таит в себе опасность решений коррупционного характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Проект Уголовного Уложения Российской Империи. Санкт-Петербург: Напечатано в Сенатской Типографии. 1813. Часть I (Основания уголовного права). 123 с.
2. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской Империи в пяти книгах. С.-Петербург: Печ. Графического института, Бр.Лукшевицъ, 1885. Книга пятая. Том XV // Доступ из справ.-прав. системы «Консультант плюс». [Дата обращения: 22.02.2012].
3. Уголовное Уложение// Прилож. к Собр. узак. и расп. прав. за 1903 г., № 58, отд.1, ст.416. Содержание ст. 24 Уложения изложено в редакции первоисточника.
4. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР - РСФСР 1917 - 1952 гг. / под ред. проф. И.Т. Голякова. М.: Госюриздат, 1953. 463 с.
5. Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст.2954.
6. Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. №50. Ст. 4848.
7. Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. №19. Ст.2714.
8. Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362.
9. Уголовный кодекс Украины / науч. ред. проф. В.Я. Тация и проф. В.В. Сташиса; перевод В.Ю. Гиличенко. СПб.: Юрид. центр Пресс. 2001. С.50-51.
10. Уголовный кодекс Украины (с изм. и доп. по сост. на 1 января 2012 г.). Харьков: Одиссей, 2012. 248 с. Подготовил к печати на русск. языке проф. В.И.Тютюгин.
11. Российская газета. 2012. 12 декабря. Федеральный выпуск. № 289 (5962).
12. Уголовный кодекс Республики Молдова / вступ. статья к.ю.н. А.И. Лукашова. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С.152-154.
13. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. проф. А.И. Коробеева, пер. с китайского Д.В. Вичикова. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С.35-36.

С.Г. Ольков,

доктор юридических наук, профессор
(ЧОУ ВПО «Институт экономики,
управления и права» (г. Казань),
Сургутский государственный университет)

ПРЕДЕЛЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ОДНОТИПНЫХ НАКАЗАНИЙ И ПООЩРЕНИЙ*

Статья посвящена теоретическому исследованию зависимости величины страха от числа однотипных наказаний и зависимости величины удовольствия от числа однотипных поощрений. По условным эмпирическим данным, выведены две симметричные кубические функции, раскрывающие суть исследуемых зависимостей. Реальное значение имеют первые поощрения или наказания данного вида. Последующие меры воздействия практически неэффективны и с какого-то момента даже вредны, поскольку дают обратный эффект – наказываемый поощряется, а поощряемый – наказывается. То есть позитивная и негативная ответственность меняются местами, чего следует избегать, поскольку преступника это будет стимулировать совершать преступления, а добродетельного человека, по меньшей мере, воздерживаться от благодеяний.

Ключевые слова: юридическая ответственность, поощрения, наказания, правонарушения, преступления, правоотношения, эффективность, рецидив, функция, квадрант, декартова система координат, страх, удовольствие.

The article is devoted to the theoretical analysis of the dependence value fear of the number of the same type of punishment and the dependence of pleasure of the number of similar incentives. For conditional empirical data divided into two symmetric cubic function, revealing the essence of the studied dependencies. The real importance are the first rewards or punishment of this type. Follow-up of the impact inefficient, and at some point, even harmful, because they give the opposite effect – who punished encouraged and fostered shall be punishable. That is a positive and a negative responsible change location, which should be avoided, since the offender it will be encourage to commit crimes, and the virtuous man to refrain from the truth.

Key words: legal responsibility, rewards, punishments, delinquency, crime, legal relations, efficiency, relapse, function, quadrant, Cartesian coordinate system, fear, pleasure.

* Зависимость величины страха от числа однотипных наказаний и зависимость величины удовольствия от числа однотипных поощрений.

*Тюрьма, против ожидания, устрашает и пугает лишь тех,
которые вовсе в этом не нуждаются [1, С.199]*

Чезаре Ломброзо (1835-1909)

Если кратко, но совершенно точно изложить суть юридической ответственности, то это поощрения и наказания, что однозначно вытекает из математической модели юридической ответственности, разра-

ботанной автором настоящей статьи в начале XXI столетия [2], где на оси абсцисс располагаются теоретически возможные деяния субъектов правовых отношений, а на оси ординат – теоретически возможные

оценки этих деяний компетентными субъектами правовых отношений. Поэтому более развернутое определение юридической ответственности гласит: юридическая ответственность – это государственное реагирование на деяния субъектов правовых отношений, выражающееся в поощрениях и наказаниях. Благодеяния поощряются, а злодеяния караются (наказываются). В первом квадранте декартовой системы координат находится геометрическое место положительной (позитивной) юридической ответственности, а в третьем – негативной (отрицательной) юридической ответственности. Очевидно, что и цели этих видов ответственности противоположны. В первом случае речь идет о минимизации числа отрицательных деяний, а во втором о максимизации числа положительных деяний. В этом смысле право можно рассматривать как способ оптимизации поведения людей с целевыми функциями – максимизация для положительных деяний и минимизация для отрицательных.

Уберите юридическую ответственность, и право исчезнет, ибо исчезнет его суть – поощрение и наказание, убеждение и принуждение, «кнут и пряник», на которых, собственно, и зиждется всё правовое сознание, правовое воспитание, правовая культура – вся правовая материя: дозволения и запреты, права и обязанности, правоотношения, преступления (шире – правонарушения) и подвиги (шире – благодеяния).

Из житейского опыта известно, что рецидивисты не слишком-то опасаются ворот в колонии и тюрьмы. Как говорится, «не впервой». Более того, имеет место немало случаев, когда рецидивист не желает покидать «насиженное» место. Чезаре Ломброзо еще в 19 столетии обращает внимание на «почтенный» или «спокойный» вид старых каторжников и приводит письмо, в котором рецидивист (ранее 5 раз судимый) пишет директору тюрьмы: «Милостивый государь! Вы меня знаете, кто я, чего я стою и насколько могу быть Вам полезным. Меня скоро выбросят на свободу: я не буду знать, что делать. Не успею я проесть свой заработок, в последний раз

кутнуть, как снова дам себя арестовать. Будьте любезны, прошу Вас, как только меня снова присудят к тюремному заключению на несколько лет, вытребуйте меня к себе, в Клерво; я вас извещу о времени и месте; а в ожидании этого сохраните за мной место. Ни Вам, ни мне не придется каяться в такой комбинации» [1, С.199].

То же самое касается и отдельных видов наград, которые постепенно «придаются». Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И.Брежнев, получая одну за другой звезды Героя СССР, радовался этому все меньше и меньше. Тем более что и получать то их было не за что. Подвигам «дорогой Леонид Ильич» не совершал.

Очевидно, что первое наказание имеет самый сильный эффект и именно поэтому его следует по мере возможности оттягивать, давая возможность потенциальному преступнику исправиться под действием страха (отложенное наказание). Неслучайно в действующем российском уголовном законодательстве имеется механизм отложенного наказания (условное осуждение и отсрочка исполнения приговора). Именно на первом рубеже страх *в среднем* выступает сильным лекарством против преступности. Далее с каждым разом его действие ослабевает, происходит переход от отрицательного удовлетворения к положительному, как в случае с упомянутым Ломброзо рецидивистом. Ведь, по существу, осуждая к лишению свободы такого рецидивиста, общество уже не наказывает, а поощряет его.

Понять зависимость величины страха от числа однотипных наказаний и зависимость величины удовольствия от числа однотипных поощрений значит, ответить на ключевой вопрос о пределах эффективности отдельных видов юридической ответственности. Математически здесь нужно установить связь между двумя переменными: 1) удовлетворением и 2) числом фактов применения положительной и отрицательной юридической ответственности. То есть определить параметры уравнения: $y=f(x)$, где y – удовлетворение в баллах; x – число фактов применения положительной и отрицатель-

ной юридической ответственности в штуках, f – правило (параметры уравнения), связывающее левую и правую части уравнения.

Почему зависимость устанавливается между двумя переменными? Потому, что удовлетворение может быть положительным (удовольствие) и отрицательным (неудовольствие), а отрицательное удовлетворение – это и есть, по сути, страх, поскольку страх – свойство (эффект, результат) отрицательного удовлетворения, чего-то нежелательного. Например, вручение герою ордена вызывает у него положительное удовлетворение (удовольствие), а осуждение убийцы к лишению свободы или смертной казни вызывает у него неудовольствие и страх.

В декартовой системе координат удовлетворение как зависимая переменная располагается на оси ординат, а число фактов применения юридической ответственности ложится на ось абсцисс. Соответственно, в первом квадранте имеем положительное удовлетворение, в четвертом – отрицательное. Второй и третий квадранты в данной модели не задействуются, поскольку число фактов применения юридической

ответственности является положительной величиной.

По условным эмпирическим данным построим модельные функции удовольствия и страха в зависимости от числа фактов применения юридической ответственности ($y=f(x)$), то есть в зависимости от числа однотипных поощрений при положительной юридической ответственности и числа однотипных наказаний при отрицательной юридической ответственности. Единственное допущение, которое здесь необходимо пояснить, – это сама величина юридической ответственности, то есть переменная x . Здесь предполагается, что используется только один вид поощрения и наказания. Например, лишение свободы как мера наказания используется в первый, второй, третий и более раз; или объявление благодарности как мера поощрения в первый, второй, третий и более раз. Очевидно, например, денежная премия или штраф как однотипные рассматриваться если и могут, то с большой натяжкой, поскольку деньги – всеобщий эквивалент, позволяющий делать выбор товаров и услуг.

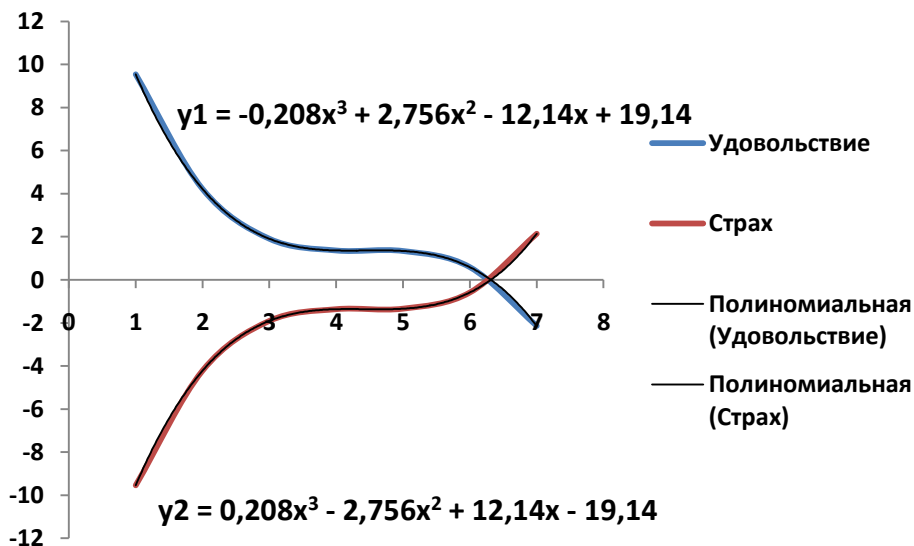

Рис.№1. Модельные функции удовольствия и страха в зависимости от числа фактов применения юридической ответственности (однотипные поощрения – при благодеяниях; однотипные наказания – при злодеяниях).

Из графика видно, что первое поощрение дает максимум удовольствия, а затем оно резко падает при втором аналогичном поощрении. Далее подобные поощрения могут доставлять некоторое небольшое удовольствие и вовсе надоедают, превращаясь в отрицательную величину, скажем, грамотами оклеивают обои. Нечто подобное, но в обратном направлении происходит с движением страха. Его величина максимальна в ожидании первого наказания. После отбытия данного наказания вторичное его применение вызывает не удовольствие, но гораздо меньшей величины по модулю. Далее величина не удовольствия стабилизируется и переходит в положительную величину. То есть страха больше нет, а есть удовольствие.

Игрек измеряем в баллах, а икс в штуках. Величина игрек непрерывна, ибо может сколь угодно дробиться; величина икс – либо дискретна (неделима), и тогда функция не будет гладкой, как представлено на графике, а будет ступенчатой, либо, если рассматривать наказание не как одномоментный, а как длящийся акт, в частности, отбытие лишения свободы, то то-

гда икс - непрерывная величина, и функция непрерывна, как в нашем примере.

Очевидно, что параметры функций y_1 и y_2 (коэффициенты при x и свободный член) в нашем примере взяты условно и будут различаться от индивидуума к индивидууму, а усредненные агрегированные функции уместно будет положить в основу принимаемых управленческих решений – совершенствование действующего законодательства.

Практический общий вывод, соответствующий двум вышеприведенным симметричным функциям, гласит: реальное значение имеют первые поощрения или наказания данного вида. Последующие меры воздействия практически неэффективны и с какого-то момента даже вредны, поскольку дают обратный эффект – наказываемый поощряется, а поощряемый – наказывается. То есть позитивная и негативная ответственность меняются местами, чего следует избегать, поскольку преступника это будет стимулировать совершать преступления, а добродетельного человека, по меньшей мере, воздерживаться от благодеяний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ломброзо Ч. Преступление. Новейшие успехи науки о преступнике. Анархисты / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2004. 320 с.
2. Ольков С.Г. Юридическая ответственность и многомерные оценочные пространства //Актуальные проблемы правоведения. 2004. №1(7). С.196-204.

С.Я. Казанцев,

доктор педагогических наук, профессор
заслуженный юрист России
(Казанский юридический институт
МВД России)

П.Н.Мазуренко,

кандидат юридических наук, доцент
(Казанский юридический институт
МВД России)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ АКТАМ, СОВЕРШЕННЫМ ПУТЕМ ВЗРЫВА

В статье рассмотрены особенности осмотра места происшествия по террористическим актам, совершенным путем взрыва. Эффективность осмотра места происшествия во многом зависит от уровня профессиональной подготовленности следователя и умелого использования специальных познаний (криминалистов, взрывотехников, медиков) и т.д.

Ключевые слова: террористический акт, взрыв, взрывное устройство, осмотр места происшествия.

The article considers the peculiarities of the examination of the place of the incident of terrorist acts, committed by the explosion. The effectiveness of the inspection of the scene in many respects depends on a level of professional readiness of the investigator and rational use of special knowledge (criminologists, взрывотехников, doctors, etc.).

Key words: terrorism, the explosion of an explosive device, an inspection of the place of the accident.

Терроризм относится к числу самых опасных и трудно прогнозируемых преступлений современности, которые приобретают все более разнообразные формы и угрожающие масштабы. Террористические акты часто совершаются путем применения взрывных устройств. В 2012 году в России было зарегистрировано 637 преступлений террористического характера (рост 2,4%) и 696 преступлений экстремистской направленности (рост 11,9%), при этом с использованием оружия было совершено 7,5 тыс. преступлений (рост 11,4%) [1]. И у нас, в Республике Татар-

стан, в последние годы с помощью взрывных устройств (ВУ) был совершен ряд резонансных преступлений. В то же время следственным аппаратом не накоплено достаточного опыта по раскрытию и расследованию данных преступлений. Особые сложности возникают на первоначальном этапе расследования. Следственная практика показывает, что в процессе производства осмотра места происшествия (ОМП) следователи совершают много процессуальных и тактических ошибок, которые приводят к утрате важных вещественных доказательств, что значительно осложняет

расследование. Очевидно, что только качественно проведенный осмотр позволит создать доказательственную базу для всего расследования. ОМП по данным категориям дел является актуальной проблемой, и тактика его производства по террористическим актам, совершенным с применением взрывных устройств, должна быть знакома и доступна каждому следователю. Общеизвестно, что действия следователя при осмотре места происшествия обычно делят на три этапа: подготовительный, рабочий (или исследовательский) и заключительный [2].

ОМП по террористическим актам имеет свои особенности, заключающиеся в том, что место происшествия может представлять большую площадь, определяемую разлетом осколков взрывного устройства и частей, предметов окружающей обстановки, разрушенных под воздействием воздушной ударной волны, которые в зависимости от массы и вида вещества заряда могут разлетаться на сотни метров. К особенностям осмотра относятся и то обстоятельство, что обстановка на месте происшествия может требовать незамедлительного проведения аварийно-восстановительных и спасательных мероприятий, например, при взрыве в многоквартирном жилом доме или на борту самолета или теплохода. Необходимо помнить об опасности повторных взрывов, к которым может привести наличие на месте осмотра невзорвавшихся взрывных устройств или других взрывоопасных предметов, например, газовых баллонов или емкостей с растворителями, нефтепродуктами и т. п. Многократно увеличивается степень опасности при осмотре места взрыва на складах боеприпасов, в газифицированных строениях, в гаражах.

Современная следственная практика выделяет три типичные ситуации на месте происшествия:

- сообщение о террористическом акте, когда ВУ не обнаружено;
- сообщение о террористическом акте при обнаружении ВУ;
- сообщение о совершенном террористическом акте (осмотр места взрыва).

Тактика действий членов следственно-оперативной группы (СОГ) зависит от сложившейся типичной ситуации. В нашей статье мы рассмотрим особенности тактики осмотра места взрыва.

На подготовительном этапе следователь должен опросить прибывших ранее сотрудников о принятых ими мерах, о действиях спасателей, медиков, изменениях в обстановке, убедиться, что приняты меры по охране места происшествия, меры безопасности и проводятся аварийно-спасательные работы. На данном этапе возникают определенные сложности, связанные с прибытием на место происшествия большого количества руководителей силовых структур, которые пытаются взять руководство на себя, и представителей прессы, пытающихся получить информацию, произвести фото- и видеосъемку. Кроме того, сложности возникают из-за наличия на месте происшествия большого количества пострадавших, их родственников и даже посторонних граждан. Они пытаются прорваться через оцепление, требуют проводить реанимацию погибших, позволить осмотреть свое жилище, забрать ценности... Люди находятся в состоянии шока, и им необходима помощь психологов. В то же время среди толпы могут находиться преступники, совершившие теракт, или их соучастники, поэтому необходимо поручить оперативным сотрудникам произвести видеосъемку присутствующих и понаблюдать за их поведением.

Прежде чем приступить к осмотру взорванного здания или сооружения, следователь обязан обеспечить безопасность ОМП. Для этого следователю нужно провести предварительный ознакомительный осмотр места взрыва совместно со специалистами (сапером, взрывотехником, сотрудником МЧС, представителями ЖКХ), удостовериться в безопасности от повторного взрыва невзорвавшихся ВУ, смесей, образовавшихся в результате утечки газа, горючих жидкостей, взрывоопасных смесей и т. д. При осмотре места взрыва необходимо предвидеть вероятность наличия другого ВУ, которое может быть заложено

с целью причинения вреда сотрудникам правоохранительных органов и спасателям, прибывшим на место взрыва.

В зависимости от итогов ознакомительного осмотра корректируются границы опасной зоны. Затем следователь должен определить границы осмотра. На данном этапе также рекомендуется установить зону для прохода на место происшествия и место, где будут осуществляться концентрация, исследования и упаковка вещественных доказательств. Кроме того, перед тем как непосредственно приступить к осмотру, следует опросить всех возможных свидетелей, пострадавших, отметить положение пострадавших в момент взрыва. На основе полученной информации необходимо постараться восстановить обстановку на месте взрыва [3].

По мнению И.Д. Моторного, есть несколько способов осмотра следов взрыва:

- секторный, когда открытый участок разбивается на отдельные участки;
- участковый (плановый), при котором территория разграничивается на соответствующие участки в зависимости от имеющихся на них строений или сооружений;
- узловой, когда осмотр начинается в отдельных местах на той территории, где предполагается первоочередное проведение аварийно-спасательных и восстановительных работ с изменением материальной обстановки [4].

Начинать осмотр следует с тех объектов, на которых могут быть обнаружены следы, имеющие на данном этапе расследования наибольшее значение, конечно, стараясь при этом избежать уничтожения или повреждения иных следов на периферии. Если существует опасность уничтожения следов, то в первую очередь осматриваются участки местности, на которых они могут быть уничтожены (из-за погодных условий или неосторожных действий участников осмотра). Наличие трупа (трупов или их частей) на месте взрыва не является определяющим фактором при выборе последовательности осмотра.

Если центр места взрыва очевиден и принято решение начать осмотр прямо с него, следует зафиксировать его, проводя

фотосъемку. При этом одной из часто встречающихся ошибок являются ошибки фотосъемки центра взрыва. Воронку центра взрыва нужно снимать минимум с двух сторон. При съемке воронки нужно обязательно зафиксировать ее глубину. Для этого по ее диаметру раскладывается полотно рулетки. В дно воронки втыкается шест, на который наносится отметка на пересечении с полотном рулетки, над ней в сантиметрах указывается глубина. Съемка воронки осуществляется с высоты собственного роста. Кроме глубины воронки, необходимо зафиксировать высоту и ширину развала гребня из воронки. После фотосъемки нужно замерить центр места взрыва. Воронку измеряют по диаметру, глубине, высоте гребня, а также фиксируют расстояние от центра воронки до нескольких ближайших неподвижных объектов окружающей местности, потерпевших и наиболее удаленных следов взрыва [5]. При наличии нескольких воронок описывается каждая из них и определяется расстояние между ними.

При взрывах (в основном используются для совершения преступлений ВУ с зарядами до 10 кг ВВ в тротиловом эквиваленте) целесообразно первоначально выделить четыре зоны локализации следов:

- первая зона - центр (эпицентр) взрыва или места закладки ВУ – площадь радиусом до 2 м;
- вторая зона - ближняя – до 5–10 м;
- третья зона - средняя – до 10–50 м;
- четвертая зона - дальняя – свыше 50 м.

В первой зоне (до 2 метров) обычно имеется воронка и сконцентрированы основные признаки бризантного и термического воздействия взрыва и, как правило, остаются мельчайшие фрагменты ВУ – металлические, пластмассовые, стеклянные осколки, обрывки бумаги, картона, ткани, кожи, отдельные фрагменты деталей часовых механизмов, электронных схем, батарей, части пружин, ударников, тумблеров, обрывки проводов, изоляционной ленты. На предметах обстановки и фрагментах ВУ имеются отложения копоти, содержащие твердые продукты взрыва и не прореагировавшие частицы ВВ. Ос-

новой способ обнаружения перечисленного - раскопка и просеивание грунта, сбор и сортировка осколков и растапливание снега. Далее берутся пробы грунта непосредственно из воронки и по её краю (масса каждого от 1 до 5 кг), вода из воронки, делаются смывы коפותи на марлевые салфетки, смоченные ацетоном, а затем дистиллированной водой, предметы или их части со следами бризантного или термического воздействия с прилегающей к воронке зоны. Надо помнить, что кроме каждого такого образца необходимо брать контрольные образцы, делать соскоб или смыв с не загрязненных следами ВВ объектов. Пробы изымаются со дна воронки (с различных глубин – 10, 20, 30 см), ее боковых поверхностей и гребня. Каждая проба отдельно упаковывается в стеклянную тару с притертой крышкой, металлическую фольгу (или, в крайнем случае, и ненадолго в несколько полиэтиленовых пакетов). Необходимо отметить, что полиэтилен как упаковочный материал уступает стеклу, поскольку способен пропускать пары ВВ. Поэтому его рекомендуется использовать для упаковки более крупных объектов, оборачивая им несколько раз, чтобы снизить способность полиэтилена к пропусканию паров ВВ. В пробе грунта должно быть не менее 1 кг. В этих же целях изымаются пробы воды (при ее наличии на месте происшествия). Проба воды берется в количестве 0,5 литра. При наличии на месте происшествия больших разрушений и предположении о взрыве тепловоздушной смеси необходимо изымать пробу воздуха для последующего химического анализа на наличие в ней остатков нефтепродуктов или других горючих веществ. Проба берется посредством выливания из какой-либо емкости (например, банки, бутылки) 0,5 литра воды и герметизации с помощью пробки. Необходимо помнить, что для качественного анализа изъятых проб требуется исследовать еще и объекты, не имеющие следовых количеств ВВ. Для этого контрольные образцы грунта, воды, растительности и т.д. должны изыматься с окружающей местности на расстоянии не менее 20 метров от центра

взрыва с разных точек. Образцы грунта рекомендуется изымать с четырех мест, удаленных от центра взрыва, где заведомо известно об отсутствии в грунте ВВ и его компонентов, например из-под камня. Если взрыв произошел на объекте, производившем или использовавшем ВВ, из каждой партии материалов или из каждой отдельной тары следует изъять пробы сырья и готовой продукции.

Во второй зоне (5-10 метров) рекомендуется взять образцы грунта, растительности, сделать соскобы, смывы с предметов (по возможности изъять их хотя бы частично).

В третьей зоне средней зоне на предметах обстановки сосредоточены признаки фугасного и сейсмического воздействия: обрушение стен, вышибание дверей и окон, сдвиг перекрытий, срыв элементов крыш, трещины в стенах зданий, срыв одежды с тел потерпевших. Здесь, как правило, находят средние по массе фрагменты ВУ - остатки мягкой оболочки ВУ, обрывки проводов, огнепроводного шнура, изоляционной ленты. На всех этих объектах также имеются частицы непрореагировавшего ВВ и продуктов взрыва. В этой зоне сначала рекомендуется провести тщательный визуальный поиск предметов с признаками взрывного воздействия, после чего взять контрольные пробы и образцы.

В четвертой зоне (свыше 50 метров) на предметах обстановки обнаруживаются признаки фугасного воздействия взрыва. Фугасное действие на этих расстояниях теряет свою интенсивность, распространение воздушной ударной волны сопровождается только выбиванием стекол, а из остатков ВУ можно обнаружить средние и крупные детали и осколки (осколки металлического корпуса, осколочные элементы и шрапнель - гайки, болты и пр.). В этой зоне поиск объектов, несущих следовые количества ВВ, зависит от конкретных обстоятельств происшествия [6].

Наряду с обнаружением, исследованием и фиксацией фрагментов ВУ необходимо уделять внимание поиску частиц ВВ. Обнаружение не прореагировавших частиц ВВ рекомендуется начинать с эпицентра взрыва. Они могут быть в виде характер-

ных включений на предметах окружающей обстановки, которые до взрыва находились рядом с ВУ, а также на осколках ВУ. ВВ можно обнаружить и на одежде пострадавших [7].

На заключительной стадии ОМП комплексно оцениваются и процессуально закрепляются все полученные фактические данные, которые помогут в дальнейшем выдвинуть версии о лицах, совершивших преступление, решить вопрос об организации оперативно-розыскных мероприятий. Производится изъятие и упаковка имеющих значение для дела объектов, образцов, проб. Составляется протокол осмотра, схема или план места происшествия.

Анализ следственной и экспертной практики позволил выявить ряд недостатков, допускаемых следователями при составлении протоколов осмотров мест происшествия по данной категории уголовных дел. Протоколы осмотров мест происшествий часто неполны, коротки, с недостаточным описанием, не содержат данных об остатках или следах ВУ, взрыва и его последствиях. Такие протоколы, как правило, нельзя использовать впоследствии для установления обстоятельств происшествия,

обеспечения процесса доказывания. Составление в полном объеме протокола осмотра - первый и главный итог работы на месте взрыва.

В заключение следует отметить, что специфичность ОМП по сообщениям о террористических актах, совершенных путем взрыва, позволяет объединить в их общую группу и подчеркивает актуальность разработки его тактики. Своеобразие тактики данного вида ОМП вносит определенные особенности в их расследование, что дает право на формирование определенного алгоритма действий членов СОГ. Важность задачи эффективного ОМП заставляет использовать опыт, накопленный специальными службами (ФСБ, вооруженных сил), который в настоящее время еще мало используется следственными подразделениями СК и МВД России. Кроме того, знания в области криминалистической взрывотехники необходимы не только узким профессионалам, но и широкому кругу работников правоохранительных органов, частных охранных структур и населению, в рамках курсов «Основы безопасности жизнедеятельности» и «Гражданская оборона».

ЛИТЕРАТУРА

1. <http://www.mvd.ru/>
2. Белкин Р.С., Белкин А.Р. Эксперимент в уголовном судопроизводстве: уч. пос.М.: Норма, 1997.-С.35
3. Таркинский А.И. Методика осмотра места происшествия по фактам применения взрывных устройств: учебное пособие / под ред. Т.Б. Рамазанова. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2002. С.11.
4. Моторный И.Д. Теоретико-прикладные основы применения средств и методов криминалистической взрывотехники в борьбе с терроризмом. М., 1999. С. 109.
5. Душейн С.В., Райгородский В.М., Фирсов О.А. Фотографирование на месте происшествия и при производстве других следственных действий. Саратов, 1999. С. 68-70.
6. Бакин Е.А., Алешина И.Ф. Осмотр места происшествия при преступлениях, совершенных путем взрыва, и некоторые аспекты криминалистических исследований изъятых вещественных доказательств: методическое пособие/ Генеральная прокуратура РФ; Управление методического обеспечения; Управление криминалистики. М., 2001. С.16.
7. Таркинский А.И. Методика осмотра места происшествия по фактам применения взрывных устройств: учебное пособие / под ред. Т.Б. Рамазанова. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2002. С.13.

И.Г. Гараев ,
кандидат юридических наук, доцент
(ЧОУ» Институт экономики, управления и права»
(г. Казань)

ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА КАК ВАЖНЕЙШЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

В статье представлен анализ места финансовой политики в системе государственной политики. Вывод, к которому приходит автор: финансовая политика является ключевым звеном экономической политики государства.

Ключевые слова: финансовая политика, финансовая деятельность, государственная политика, бюджет.

The article presents the analysis of the place of financial policy in the system of the state policy. The conclusion, to which the author: financial policy is a key element of the economic policy of the state.

Key words: financial policy, financial activities, public policy, budget.

Политика (*греч.* Πολιτική – «искусство управления» государством, сообществом, межгосударственными отношениями) – сфера деятельности, связанная с отношениями между социальными группами, сутью которой является определение форм, задач, содержания деятельности государства [1]. Государственная политика, в зависимости от сфер ее осуществления, формируется из государственной политики в области экономической системы, социальной политики, политики в области научно-технической деятельности и т.д.

Одним из наиболее важных направлений государственной экономической политики, «оказывающей непосредственное влияние на внутринациональный правовой режим финансовых отношений, является государственная финансовая политика»[2].

Как и любое направление политики государства, финансовая политика организуется с целью реализации функций государства, т.е. «носящих объективный, систем-

ный и взаимообусловленный характер основных направлений его деятельности по управлению обществом, отражающих его цели и социальное назначение» [3]. В первую очередь, финансовая политика призвана осуществлять функцию налогообложения и экономическую функцию государства. Как известно, в зависимости от сферы осуществления функции государства могут быть внешними и внутренними. Поэтому можно утверждать, что финансовая политика государства представляет собой систему, имеющую внутренние и внешние составляющие.

Основная цель финансовой политики сводится к построению на основе научно-обоснованной концепции эффективной модели управления финансами публично-правовых образований, публичной финансовой деятельностью. Задачей финансовой деятельности государства является обеспечение необходимыми финансовыми ресурсами, реализацию всех функций публично-правовых образований, а следовательно, и соответствующей сферы госу-

дарственной политики. Поэтому авторами выдвигаются тезисы о взаимосвязи доходов государства и его функций [4].

Таким образом, особенность финансовой политики государства заключается в том, что ее реализация является одним из необходимых условий претворения в жизнь различных направлений государственной политики.

В действительности, любая функция государства реализуется с помощью такого инструмента, как право, что внешне выражается в принятии органами государственной власти и местного самоуправления правовых актов. На основе данных правовых актов возникают бюджетные обязательства – расходные обязательства, подлежащие исполнению в соответствующем финансовом году, т.е. обусловленные законом, иным нормативным правовым актом, договором или соглашением обязанности публично-правового образования (Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования) или действующего от его имени казенного учреждения предоставить физическому или юридическому лицу, иному публично-правовому образованию, субъекту международного права средства из соответствующего бюджета (статья 6 БК РФ) [5].

Следует отметить, что финансовая деятельность государства направлена не только на формирование финансовых ресурсов, но также предполагает распределение сформированных средств через бюджетный механизм. Следовательно, задачей финансовой политики, в числе прочих, является организация распределения части произведенного национального продукта, аккумулированного в централизованных фондах государства. Поэтому в экономической литературе можно встретить следующее определение финансовой политики – это составная часть государственной экономической политики, курс, направленный на организацию и использование финансовых ресурсов с целью их мобилизации и *распределения* (выд. курсивом авт.) между различными отраслями, социальными группами, регионами и др. [6]

Финансовая политика – это та сфера, где вектор развития определяется не столько интересами общества, сколько интересами самого государства, прежде всего, фискальными. По верному представлению М.А. Моисеенко, «налоговая политика является частью финансовой политики любого государства и оказывает колоссальное воздействие на экономику» [7], причем данное воздействие носит не только фискальный характер, но также и регулирующий. Например, с помощью механизма налогообложения государство может стимулировать те сферы производства, в развитии которых оно само заинтересовано. Ярким примером тому является налоговое стимулирование инновационной деятельности [8].

Согласимся с точкой зрения И.В. Рукавишниковой, по мнению которой использование экономических методов воздействия на любую общественную систему способно оказывать серьезное, подчас решающее влияние в смысле определения направления ее развития [9]. С данной позиции, целями финансовой политики могут являться не только «обеспечение финансовой стабильности и безопасности, качественного уровня жизни российских граждан» [10], но и иные, в частности:

1. политические цели, т.е. достижение целей в области внешней и внутренней политики;
2. экономические цели, т.е. достижение целей в области экономики на макро- и микроуровнях;
3. социальные цели, т.е. распределение социальных благ между общественными классами.

Поэтому о финансах следует говорить не только как о должном, как о необходимой основе осуществления текущей деятельности государства, но и как о мощном инструменте государственного воздействия на социально-экономическую структуру общества. Более того, финансы и их структура распределения по различным сферам общества не только влияют на

пропорции развития, но и являются индикаторами развития.

С целью всестороннего анализа места финансовой политики в системе государственной политики, следует также остановиться на следующем.

Во-первых, финансовая политика выступает индикатором проводимой в масштабе всего государства политики, исходя из анализа которой можно выявить основные направления государственной политики в области регулирования предпринимательства, государственного сектора экономики, в целом экономической системы общества. Максимально полный учет интересов частного капитала при формировании финансовой политики государства необходим как самим предпринимателям, так и органам государственной власти и местного самоуправления. Интерес предпринимателей очевиден: основные ориентиры финансовой политики государства (валютный курс, ставка рефинансирования, уровень налогообложения и др.) непосредственно влияют на результаты их деятельности. Государство, в свою очередь, должно осознавать, что без участия деловых кругов в формировании финансовой политики существенно снижается легитимность финансового законодательства, а это может повлечь увеличение доли противоправного поведения в сфере публичных финансов за счет представителей частного бизнеса [11].

Во-вторых, финансовая политика выступает определяющим фактором развития внешней политики государства, поскольку взаимоотношения между государствами по поводу международного валютного регулирования, в первую очередь, состояния валютных курсов, по поводу межгосударственных заимствований определяют сферы влияния и интересов на международной арене. Не секрет, что финансовые ресурсы являются самой действенной мерой влияния на контрагентов в масштабах всего мира. То есть, в некотором аспекте, финансовая политика является «инструментом строительства» внешней государственной политики.

Таким образом, финансовая политика является ключевым звеном экономической политики государства. От качества законов о бюджетах, заложенных в них параметров зависят и уровень социальной защиты граждан, и инвестиционные возможности государства, и даже предпринимательская активность граждан. Более того, финансовая политика определяет степень влияния государства на международной арене.

Выступая инструментом осуществления государственной политики, финансовая политика сама нуждается в методах практической реализации концепции управления государственными финансами. Поскольку финансовая политика связана с финансовой деятельностью государства, направленной на воздействие на общественные отношения в сфере финансов, представляется верным предположить, что финансовая политика реализуется с помощью методов правового регулирования общественных отношений. Совершенно справедливо указывает Г.Р. Гафарова, что определяющим, а также связующим звеном всех элементов финансовой политики являются нормы права [12]. В данном случае необходимо отталкиваться от того, что государство оказывает воздействие на общественные отношения через право и в механизме правового регулирования применяются императивный либо диспозитивный методы регулирования.

Исследование метода финансового права, используемого для реализации финансовой политики, позволяет выявить следующие составляющие этот метод правовые способы: способ юридических обязываний (предписаний); способ юридических дозволений; способ правового запрещения; способ правовых согласований; способ правовых рекомендаций; способ правовых поощрений; договорно-правовой способ; способ правовой координации [13]. Вместе с тем необходимо отметить, что на современном этапе в РФ и за рубежом все чаще прибегают к мерам поощрения с целью стимулирования публичных финансов. Мировой опыт показывает, что финансовая политика государства,

основанная на сочетании взысканий и поощрений, может быть в значительной степени более эффективной, нежели финансовая политика, в основе которой лежат исключительно взыскания [14]. В современных условиях государство все больше должно учитывать интересы общества в рамках реализации стоящих перед ним задач. Безусловно, в регулировании отношений, возникающих в сфере публичной финансовой деятельности, должен доминировать императивный метод, что уже обусловлено публичностью данных отношений. Тем не менее, необходимо строить концепцию «взаимного соучастия», прежде всего, в сфере государственно-частного партнерства в сфере инвестиционной деятельности с использованием бюджетных средств.

Резюмируя, можно обозначить, что финансовая политика является ядром всех преобразований в сфере государственного управления, поскольку любое преобразование возможно при наличии финансовой основы. При всем этом, как отмечает И.В. Рукавишников, «складывается парадоксальная ситуация, когда на высшем политическом уровне (в ежегодных посланиях Президента РФ) определяются основные направления развития финансовой системы государства, в законах и подзаконных актах устанавливаются экономические параметры, принципы и способы правового регулирования финансовых мероприятий, формируется специальная финансовая компетенция органов государственной власти и управления – все это происходит

с единственной целью осуществления эффективной финансовой политики. Все перечисленные мероприятия презюмируются составляющими элементами финансовой политики, однако сама финансовая политика как экономико-правовая категория не имеет законодательного определения, хотя данный термин довольно часто упоминается в правовых актах» [15].

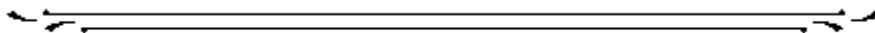
В действительности, несмотря на то, что финансовая политика относится к числу часто используемых терминов в финансово-правовой науке, она не нашла обоснование как доктринальная категория. В частности, Н.Л. Шарандина пишет, что «в науке финансового права понятие бюджетной политики используется авторами, однако следует констатировать, что она до сих пор не приобрела статуса категории» [16].

Следовательно, необходима целостная научно обоснованная концепция построения финансовой политики, которая должна иметь нормативно-правовую регламентацию и в своей реализации должна базироваться, в том числе, на методах поощрения и согласования. Центральным вопросом научного обоснования концепции финансовой политики должна стать выработка категории финансовой политики. При этом необходимо меть ввиду то, что «юридические категории имеют только такое значение, каким их наделяют реалии, которые данные категории призваны отразить» [17]. Финансовая политика – это объективное явление, связанное с повседневной деятельностью, направленной на реализацию функций государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой энциклопедический словарь. URL: http://www.vedu.ru/BigEncDic/enc_searchresult.asp?S=49098 (дата обращения 11.05.2012).
2. Крохина Ю.А. Влияние международного права на развитие финансового права Российской Федерации // Финансовое право. 2010. № 4. С. 9 – 11.
3. Мелехин А.В. Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. // СПС КонсультантПлюс. 2009.
4. Боженок С.Я. О финансовом обеспечении государственных функций // Финансовое право. 2010. № 12. С. 2 – 6.
5. См.: Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ; ред. от 03.12.2011 г. // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823; 2011. № 49 (ч. 5). Ст. 7056.

6. Большой энциклопедический экономико-юридический словарь / под ред. В.Г. Тимирясова. Казань: Таглитат, 2006. С. 760.
7. Моисеенко М.А. Основные направления налоговой политики России // Финансовое право. 2010. № 1. С. 27 – 29.
8. См.: Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2012 год и на плановый период 2013 и 2014 годов (одобрено Правительством РФ 07.07.2011) // Социальный мир. 2011. № 35.
9. Рукавишников И.В. Реформа системы высшего профессионального образования как отражение финансовой политики государства // Финансовое право. 2009. № 2. С. 6–8.
10. Мирошник С.В. Финансовая система и финансовая политика страны // Финансовое право. 2008. № 4. С. 7-8.
11. Актуальные проблемы теории и практики финансового права Российской Федерации / под ред. проф. д.ю.н. А.Н. Козырина// Система ГАРАНТ, 2009 // База СПС «ГАРАНТ».
12. Гафарова Г.Р. Правовые аспекты ценовой политики в системе финансовой политики государства // Налоги. 2012. № 1. С. 30 – 33.
13. Рукавишников И.В. Указ.раб. С. 2–5.
14. Актуальные проблемы теории и практики финансового права Российской Федерации ...
15. Рукавишников И.В. Указ.раб.
16. Шарандина Н.Л. Бюджетная политика как категория бюджетного права: к постановке вопроса // Финансовое право. 2011. № 11. С. 28 – 31.
17. Бержель Жан Луи. Общая теория права: пер. с франц. / под ред. В.И. Даниленко. М.: NOTA BENE, 2000. С. 357.

Г.Г. Мингазизова,

кандидат педагогических наук, доцент
(Казанский юридический институт
МВД России)

ИНТЕГРАЦИЯ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с теоретическим обоснованием преимуществ применения мультимедийных технологий в процессе обучения иностранному языку. Раскрыты дидактические задачи и методические принципы интеграции компьютерных технологий в учебный процесс.

Ключевые слова: мультимедийные технологии, коммуникативные умения, учебный процесс, коммуникативная компетенция.

The article deals with the theoretical justification of advantages and practical use of multimedia technologies in the course of foreign languages training. It reveals didactic tasks and methodological principles of computer technology integration into the learning process.

Keywords: multimedia technologies, communication skills, educational process, communicative competence.

Объективной потребностью современного общества является поиск оптимальных путей организации учебно-воспитательного процесса, рациональных вариантов содержания обучения и его структуры. В свете новой парадигмы образования центральными проблемами преподавания иностранного языка являются вопросы определения целей, содержания обучения, адекватного им [1].

Процесс приобретения студентами личного опыта общения с иноязычной лингвокультурой требует создания ситуаций практического использования языка как инструмента межкультурного познания и взаимодействия. В связи с этим назрела объективная необходимость интегрирования информационных технологий в учебный процесс, позволяющих вовлекать студентов в ситуации межкультурной коммуникации, так как на сегодняшний

день глобальная сеть Интернет предоставляет широкий выбор возможностей для вступления учащихся в аутентичное межкультурное взаимодействие с представителями изучаемого языка [2].

В этих условиях наблюдаются тенденции увеличения доли самостоятельной индивидуальной и групповой работы учащихся, отхода от традиционного урока с преобладанием объяснительно-иллюстративных методов обучения, увеличения объёма практических и творческих работ поискового и исследовательского характера.

Термином «multimedia» (в переводе с английского «многосредность») определяется информационная технология на основе программно-аппаратного комплекса, имеющего ядро в виде компьютера со средствами подключения к нему аудио- и видеотехники.

Преимущества мультимедийных технологий уже не вызывают сомнений у педагогов. Мультимедиа-среда отлична по информационной плотности: «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Мультимедиа-презентация служит не только для преподнесения знаний, но и для их контроля, закрепления, повторения, обобщения, систематизации, следовательно, успешно выполняет дидактические функции.

Мультимедиа-технологии призваны способствовать развитию индивидуальных образовательных траекторий: в большей степени адаптировать содержание учебного материала к индивидуальным особенностям обучаемых, уровню их знаний и умений.

Применение студентами современных технологий в процессе обучения профессиональному владению иностранным языком представляет собой такой уровень интеграции обучения языку как специальности, который позволяет совершенствовать не только коммуникативные умения, но и информационно-технические навыки.

Теоретико-методологическую основу рассматриваемого вопроса составляют научные достижения в следующих областях:

- в информатизации высшего профессионального образования и психолого-педагогического обоснования возможностей использования информационных технологий в высшей школе (Б.С. Гершунский, Е.И. Машбиц, И.В. Роберт, В.А. Садовничий, В.И. Солдаткин и др.);

- технологий обучения (В.П. Беспалько, М.Я. Виленский, Н.Ф. Маслова, П.И. Образцов, Н.Ф. Талызина, Г.К. Селевко и др.);

- теоретические положения по организации учебного процесса и применению компьютерных технологий в учебно-познавательном процессе по иностранному языку (М.А. Бовтенко, К.Б. Есипович, А.В. Зубов, Е.А. Маслыко, Е.С. Полат, Р.К. Потапова, Т.П. Сарана, М. Н. Евстигнеев, J. Higgins)

Интеграция мультимедийных технологий в учебный процесс предоставляет широкие возможности для:

- вступления учащихся в живую коммуникацию с носителем языка в реальном времени и с отсрочкой во времени;
- активного вовлечения учащихся в языковую среду и преодоления языкового барьера;
- для творческой активности учащихся;
- совершенствования коммуникативной и межкультурной компетентностей;
- мотивации учащихся к изучению иностранного языка и культуры.

Использование ресурсов сети Интернет в обучении иностранным языкам, интеграция интернет-средств в учебный процесс, позволяет более эффективно решать целый ряд дидактических задач:

- формировать и совершенствовать навыки чтения, непосредственно используя материалы сети разной степени сложности;
- совершенствовать навыки аудирования на основе аутентичных звуковых текстов сети Интернет, а также текстов, подготовленных учителем;
- совершенствовать умения письменной речи и навыки говорения;
- пополнять словарный запас, как активный, так и пассивный, лексикой современного английского языка;
- знакомить студентов с культуроведческими реалиями, включающими в себя речевой этикет, особенности речевого поведения различных народов в условиях общения, особенности культуры, традиций страны изучаемого языка;
- формировать устойчивую мотивацию иноязычной деятельности учащихся на уроке на основе систематического использования аутентичных материалов и соблюдения принципа связи с жизнью.

Перечисленные выше методические принципы хорошо реализуются в организации самостоятельной работы студентов по овладению иностранным языком, где использование операционных технологий позволяет не только разнообразить формы домашних заданий, но и активно внедрять в самостоятельную работу групповые формы деятельности обучаемых.

Нельзя не отметить, что использование мультимедийных технологий дает возможность «эффективно строить преподавание на этапах введения, закрепления и повторения материала» [3].

Основные существующие на данный момент технологии, которые можно активно использовать в процессе обучения иностранному языку, переводя их в разряд средств обучения и воспитания, можно разделить на две группы: 1) средства синхронной коммуникации (synchronous communication tools) и 2) средства асинхронной коммуникации (asynchronous communication tools).

Средства синхронной коммуникации – это интернет-средства, позволяющие общаться в режиме реального времени (чат, видеочат и аудиочат). Примерами таких средств, предоставляющих возможность синхронного общения посредством чата и голосовой связи, являются Skype и Yahoo Messenger.

Пользователи Yahoo messenger и Skype имеют возможность установить мгновенную голосовую связь с абонентом, находящимся в любой точке земного шара, при наличии у него данных программ (либо позвонить на обычный стационарный телефон), или общаться посредством письменного чата. Существует также возможность подключения и использования вебкамеры.

Можно создать свой список друзей и приглашать их в чат один на один или организовать конференцию, так называемый групповой чат. А можно, задав параметры искомого собеседника (возраст, пол, место жительства, родной язык, интересы и др.), найти друзей для общения в киберпространстве.

Данные чат-платформы, используемые в педагогических целях, открывают новые возможности в преподавании иностранного языка. Используя чат и голосовую связь, можно:

- проводить уроки-проекты с учащимися из других стран;
- обсуждать темы с гостем-представителем другой страны, являющимся компе-

тентным в той или иной области научного знания;

- предлагать кардинально новые, нестандартные задания. Например, для установления первого языкового контакта обучаемого и носителя языка, задав параметры искомого собеседника, предложить: «Используя программу, найдите собеседника в такой-то (определяется в зависимости от изучаемого языка и целей преподавателя) стране. Узнайте его имя, интересы, т.п. Расскажите о себе... и т.д.»;

- по окончании общения анализировать чатлог (Chatlog) с точки зрения грамматики, лексики, пунктуации, стилистики, речевых ошибок и т.п., что позволяет функцией архивации текста чата, и на этой основе выстраивать новые виды заданий.

Хотя данные средства Интернет-коммуникации появились сравнительно недавно, в мировой практике преподавания английского языка уже накоплен определенный опыт их использования в учебном процессе. Так, Дафна Гонзалес, профессор университета Саймона Боливара в Каракасе (Венесуэла), выделяет 5 видов педагогического чата:

- чат на свободную тему (free topic chat), основная задача – это практика говорения, аудирования и письма на изучаемом языке;
- чат, направленный на решение определенной учебной задачи (collaborative task-oriented chat);
- чат-семинар или чат-презентация (academic seminar or presentation chat);
- чат, направленный на отработку какого-то определенного материала или действия (practice chat); например, чат-интервью;
- оценочный чат (evaluation chat), направленный на контроль и оценку степени усвоения того или иного материала [4].

Согласно мнению Дафны Гонзалес, средства асинхронной коммуникации – это интернет-средства, позволяющие обмениваться информацией с задержкой во времени (форумы, электронная и аудиопочта, сайты, блоги).

Блог – эта страничка сайта, представленная в виде журнала-дневника или ка-

лендаря, в котором информация располагается в хронологической последовательности. Блог может обновляться ежедневно (еженедельно, ежемесячно). Правом размещения информации и редактирования блога обладает его создатель, посетители же блога могут оставить свои комментарии к статьям. В блоге можно также разместить фотографии, аудио, видео, ссылки на другие сайты, Интернет-статьи и т.п.

Выделяются 3 типа блогов, используемых в преподавании языковых дисциплин:

- The tutor blog: поддерживается преподавателем;
- The class blog: поддерживается совместными усилиями преподавателя и студентов;
- The learner blog: поддерживается студентом индивидуально [5].

Интеграция информационно-коммуникационных технологий в учебный процесс неизбежно приводит к пересмотру места и роли педагога в данном процессе, основной задачей которого становится не передача знаний и формирование навыков и умений, а стимулирование интереса, мотивации к усвоению языка, помощь в усвоении и творческом поиске. Отношения с учениками строятся теперь на принципах сотрудничества и совместного поиска и творчества.

Результат учебно-воспитательного процесса во многом зависит от того, насколько он обеспечен разнообразными средствами обучения. Трудно представить себе современного учителя, не использующего дополнительные методические пособия, кроме учебника. Довольно сложно оспорить тот факт, что наглядность в обучении занимает далеко не последнее место.

В современных условиях особое внимание уделяется применению такого средства наглядности, каким является компьютер. Применение компьютеров в учебном процессе увеличивает объем информации, сообщаемой ученику на уроке, активизи-

рует, по сравнению с обычными уроками, организацию познавательной деятельности учащихся.

К педагогическим условиям эффективности использования мультимедиа-комплектов в вузе мы относим следующие: целесообразность использования мультимедиа-комплектов; адаптацию или оптимальный подбор мультимедийных программ, их фрагментов или сочетаний в соответствии с целями занятия, уровнем подготовки студентов; соблюдение методических и санитарно-гигиенических правил применения мультимедиа.

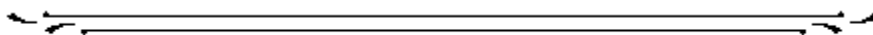
К основным психологическим особенностям применения мультимедиа мы относим следующие: положительную эмоциональную окрашенность занятий с применением мультимедиа; повышенную мотивацию; создание условий психологического комфорта для студентов с разными способностями и равных возможностей для обучаемых с физическими и психическими отклонениями; объективность оценки знаний.

Именно поэтому сегодня подчеркивается важность умения учителя иностранного языка в области использования информационных и коммуникационных технологий, включающих знания и умения обучения аспектам языка и видам речевой деятельности на основе современных ИКТ [6].

Система занятий с применением мультимедиа должна быть построена в гармоничном сочетании инновационной и традиционной форм обучения и направлена главным образом на развитие интеллектуальной, мотивационной, эмоциональной и других сфер индивидуальности студента. Практическая ценность таких занятий — подготовка будущих специалистов не только по изучаемому предмету, но и формирование психологической готовности к активной жизнедеятельности в информационном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Машкина Ю.В. Методика формирования иноязычных грамматических навыков у студентов-бакалавров лингвистического вуза посредством мультимедийной программы: автореф. дис..канд педагог. наук. Н.Новгород, 2012. С. 4.
2. Палагутина М. А. Инновационные технологии обучения иностранным языкам / М. А. Палагутина, И. С. Серповская // Проблемы и перспективы развития образования: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Пермь, апрель 2011 г.). Т. I. Пермь: Меркурий, 2011. С. 156-159.
3. Игнатова Н.Ю. Информационные технологии на уроках английского языка // Иностранные языки в школе. 2012 №2. С.25
4. Электронный ресурс Gonzalez, D. Teaching and learning through chat: a taxonomy of educational chat for EFL/ESL <http://www.iatefl.org.pl/cal/>
5. Электронный ресурс Stanley, G. Blogging for ELT. - British Council, Barcelona. URL: <http://www.teachingenglish.org.uk>
6. Евстигнеев М. Н. Методика формирования компетентности учителя иностранного языка в области использования информационных и коммуникационных технологий: автореф. дисс. канд пед.наук. М., 2012. С. 15.

О.Ю. Баринова,

кандидат педагогических наук

(Казанский юридический институт МВД России)

РАЗВИВАЮЩИЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В статье рассматривается определение развивающих технологий обучения и их роль в процессе обучения иностранному языку. Также анализируются современные методы обучения иностранному языку.

Ключевые слова: профессиональное образование; технологии обучения; методы обучения; логическое мышление.

The definition of the developing education technologies and their roles in the process of teaching are studied in the article. Besides modern methods of teaching are analyzed here.

Key words: professional education, education technologies, methods of teaching, logical thinking.

Новые условия профессиональной деятельности выдвигают требования переосмотра как общей методологии, так и конкретных методов и приемов обучения иностранным языкам. Знания и квалификация становятся приоритетными ценностями в жизни человека в условиях информационного общества. Для специалиста уже недостаточно владеть информацией на родном языке. Необходимо быть в курсе развития своей области в мировой практике. В последнее время все большее распространение получает ориентация на такой тип обучения, который стимулирует интеллектуальное и нравственное развитие личности студента, активизирует его потенциальные умственные способности, формирует логическое мышление. Такому типу обучения соответствуют личностно-деятельностный и коммуникативный подходы в обучении иностранному языку.

Однако традиционно в неязыковых вузах преподаванию иностранных языков отводилось второстепенное место. Например, О.Б. Тарнопольский [6] указывает, что в неязыковых вузах на два года обучения

иностранному языку отводится не более 216-240 часов. При этом традиционно в преподавании основное внимание уделяется чтению, причем на материалах сложных текстов по специальности. Особенностью преподавания иностранных языков в неязыковых вузах является большой разброс уровней знаний студентов по данному предмету. Основным критерием приема абитуриентов в неязыковой вуз является уровень знаний по естественнонаучным и общественным дисциплинам, а не критерий языковых способностей.

Цели обучения иностранному языку при подготовке специалистов вузов определяются тем, какую роль владение иностранным языком играет в осуществлении профессиональной деятельности. Цели обучения должны определяться таким образом, чтобы в результате образовательного процесса выпускник не только обладал специальными знаниями, но также был подготовлен к осуществлению профессиональной деятельности в более широком смысле.

Развитие коммуникативных способностей, формирование логической культуры

личности студента являются перспективными направлениями обучения в системе высшего профессионального образования. Для их решения необходимо, с одной стороны, освоить новые методы обучения по развитию логического мышления студентов, а также формированию лингвистической, социолингвистической и прагматической компетенций. С другой - разработать принципиально новые учебные материалы, с помощью которых можно научить студентов эффективно общаться и мыслить.

Выделяя развивающие технологии формирования логической культуры студентов в процессе обучения, необходимо отметить, что понятия «педагогическая технология», «технология обучения» появились в отечественной педагогике с начала 80-х годов. Вопросы технологии обучения занимались В.П. Беспалько, В.И. Боголюбов, В.И. Загвязинский, В.К. Оконь, О.П. Околелов, П.И. Пидкасистый, А.А. Радугин, Н.Ф. Талызина и др. Анализ литературы показывает, что существуют различные подходы трактовки термина «технология обучения» [3].

В основе педагогической технологии лежит идея полной управляемости учебным процессом, проектирования и воспроизводимости обучающего цикла. Другими словами, современная технология обучения представляет собой процесс, при котором происходит качественное изменение педагогического воздействия на обучаемого.

Существенной составной технологией обучения являются методы обучения (способы совместной деятельности педагога и обучаемого, направленные на достижение ими образовательных целей). Методы обучения не используются в чистом виде, они обычно сопровождаются приемами и средствами. Прием обучения - элемент, составная часть метода. Средства обучения - это все те средства, с помощью которых преподаватель учит, а обучаемые учатся (слово, книга, схема, модель, средства производства, технические средства и т. д.).

Здесь нельзя не отметить, что предмет «иностранный язык», несомненно, обладает огромным развивающим потенциалом для личностного и профессионального становления будущего специалиста. В этих

условиях преподаватели иностранного языка должны сделать всё возможное для того, чтобы не только дать студентам знания по своему предмету, но и по мере возможности способствовать их творческому развитию и самореализации.

Иностранный язык - предмет особого рода. Он резко отличается от большинства других предметов, изучаемых в высшей школе, по нескольким параметрам.

По мнению Г.В. Роговой, Ф.М. Рабинович, Т.Е. Сахаровой, содержание обучения иностранным языкам, «должно включать: 1) лингвистический компонент, объединяющий языковой и речевой материал; 2) психологический компонент, включающий формируемые навыки и умения, обеспечивающие студентам пользование изучаемым языком при общении; 3) методический компонент, связанный с овладением студентами приемами учения, познанием нового для них предмета, развитием у них самодеятельного труда» [5].

Поэтому в условиях модернизации высшего профессионального образования приоритетными являются технологии обучения, направленные на:

1) развитие личности, ее мышления и познавательных способностей;

2) обновление содержания обучения, предполагающее:

- интеграцию знаний, приобретаемых в ходе изучения смежных дисциплин и создающих предпосылку для проблемного обучения;

- овладение способами и приемами мыслительной деятельности;

- усиление научного характера учебного материала;

- ориентацию на развитие способности к инновационной деятельности;

- обновление учебных планов и программ с более полным раскрытием целей, задач, методов обучения.

3) оптимизацию процесса обучения, направленного на достижение не только качества знаний, умений и навыков, но и развитие опыта профессионально-творческой деятельности;

4) перемещение акцента с процесса преподавания на процесс учения [2].

В качестве технологий развития логического мышления студентов средствами иностранного языка были выделены: метод проектов, дискуссионный метод, метод ролевых игр, портфолио.

В основе обучения иностранным языкам должен лежать деятельностный подход, означающий, что процесс обучения должен быть максимально приближен к будущей профессиональной деятельности обучаемого.

Если говорить о методе проектов, то следует отметить, что мы придерживаемся определения и интерпретации данного метода, предложенного Е.С. Полат: “Метод проектов предполагает определенную совокупность учебно-познавательных приемов и действий обучаемых, которые позволяют решить ту или иную проблему в результате самостоятельных познавательных действий и предполагающих презентацию этих результатов в виде конкретного продукта деятельности. Если говорить о методе проектов как о педагогической технологии, то эта технология предполагает совокупность исследовательских, поисковых, проблемных методов, творческих по самой своей сути” [4].

Обращение к этому методу обусловлено тем, что он дает возможность сосредоточить внимание обучаемого не на самом языке, а на проблеме, переместить акцент с лингвистического аспекта на содержательный, исследовать и размышлять над решением проблем на иностранном языке, что, в конечном счете, способствует формированию мыслительных операций студентов.

Дискуссионный метод позволяет также формировать сознательное отношение к рассмотрению выдвигаемых проблем, активность в ее обсуждении, речевую культуру, направленность на выявление причин возникающих проблем и установку на их решение в дальнейшем. Здесь реализуется принцип формирования критического мышления у обучаемых. Язык, таким образом, является одновременно и целью, и средством обучения. Дискуссионный метод помогает обучающимся не только овладеть всеми четырьмя видами речевой деятельности, но посредством языковой ситуации на фоне проблемы в социокультурной сфере обнаруживать причины возник-

ших ситуаций и предпринимать попытки их решения. При этом интерес к самостоятельному решению проблемы является стимулом, движущей силой процесса познания, формирования логического мышления. Таким образом, применение метода дискуссии позволяет активизировать познавательную деятельность студентов, их самостоятельность, формирует культуру творческого, логического мышления.

Не менее интересной методикой активизации познавательной деятельности обучаемых является методика ролевой игры, которая также может при определенной ее организации отражать принцип проблемности и позволяет решать проблемные ситуации различной степени сложности. Она может использоваться как самостоятельно, так и в контексте метода проектов, особенно в качестве специфичной формы защиты проекта. Обучаемые применяют свой опыт, накопленные знания, результаты исследования в процессе работы над проектом в реализации социально значимых ролей, возрастающих по значимости с прохождением цикла занятий. Такое моделирование ситуаций профессионально-делового межкультурного общения помогает обучаемому вжиться в различные ситуации будущей деятельности, с которыми он может столкнуться в реальной жизни.

Таким образом, мы считаем целесообразным организацию учебного процесса на этапе овладения студентами гипотетико-дедуктивной логикой мышления на основе активного использования совокупности представленных методов обучения. Метод дискуссий и ролевых игр, разумеется, должен предшествовать методу проектов. Но когда студенты овладели умениями критического мышления, выбор того или иного метода диктуется особенностями содержания изучаемой темы, выдвигаемых проблем исследования и обсуждения. Главное в отборе этих методов – сосредоточить внимание обучаемых на логике обсуждения предмета, а не на языковой форме. В связи с этим было бы целесообразным при формировании у обучаемых логического мышления как важнейшей общекультурной компетенции специалиста

выстраивать его учебные циклы в соответствии с возрастающими требованиями к уровню подготовки поэтапно, для начала формируя базовые умения рассуждения, аргументации с помощью метода дискуссии, затем продолжая на их базе развивать активную мыслительную деятельность.

В «Общеввропейской компетенции» рассматривается вопрос о возможности введения особого документа, отражающего опыт студента в изучении и использовании иностранных языков и указывающего на достигнутый уровень обученности. Такой документ получил название «Европейский языковой «Портфолио» ("European Language Portfolio").

Характеризуя портфолио в целом, можно отметить, что в них оценка проводится экспертным путем по стандартизированным критериям и включает определение уровня владения базовыми и ключевыми знаниями, умениями, уровня мотивации обучения и отношения к учёбе. В портфолио могут входить также оценочные характеристики, данные студенту его сокурсниками и преподавателем. Всесторонний и объективный мониторинг качества обучения, обеспечиваемый с помощью портфолио, открывает новые возможности для процесса аттестации и связанного с ним определения уровня достижения требований государственных стандартов в образовании.

Портфолио обеспечивает: непрерывный процесс отслеживания и оценивания качества учебных достижений, осуществляя тем самым их мониторинг; многомерные представления о различных учебных достижениях и учебной деятельности, связанные с широким спектром задач учебного процесса; оценки мыслительной деятель-

ности студента, его междисциплинарных умений, умений постановки проблем, решения нестандартных задач.

Вектором современного подхода к обучению с помощью портфолио можно считать его практическую направленность, ориентацию не столько на усвоение знания, сколько на способность его применять на практике; новые формы оценивания «настраиваются» не на репродуцированную студентами информацию, а на созданный ими самостоятельный продукт, в идеале имеющий прикладную ценность. Привычные примеры такого продукта — различные учебные проекты: исследовательские, художественные, социальные и т. п. Современные образовательные инновации делают акцент собственно на учении (learning, а не teaching), делая студента субъектом и центром образовательного процесса, предоставляя ему максимум свободы и ответственности в организации собственной учебной деятельности, например, в поиске источников информации, выборе экспертов и руководителей в учебных исследованиях, разработке индивидуальных учебных программ и т.д. Поэтому в оценивании всё больший вес придаётся самооцениванию, без которого невозможны самостоятельная организация и ответственность.

Итак, комплексное использование вышеперечисленных технологий в процессе обучения иностранному языку способствует формированию логической культуры студентов [1]. Указанные методы и технологии, их совокупность отражают уровень освоения обучаемыми знаний о законах и методах формальной и диалектической логики, коммуникативной компетентности и межкультурного общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барина О.Ю. Формирование логической культуры студентов средствами иностранного языка: автореферат дис. ...канд.пед.н. Казань: ТГГПУ, 2009. 22 с.
2. Новик И. Моделирование сложных систем. М.: Мысль, 1965. С.132.
3. Пидкасистый П.И., Фридман Л.М. Психолого-дидактический справочник преподавателей высшей школы. М., 1999. С. 97.
4. Полат Е.С. Портфель ученика // Иностранные языки в школе. 2002.- №1. С. 22.
5. Рогов Е.И. Настольная книга практического психолога. М., 1995. С. 237.
6. Тарнопольский О.Б. Основы оптимизации обучения иностранному языку в неязыковом вузе: автореф. дис....докт. пед. наук. М., 1992. С. 56.

Л.А. Москалева,
кандидат филологических наук
(Казанский юридический институт МВД России)

АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ В ВУЗАХ МВД

В статье представлено обоснование необходимости введения курса юридической лингвистики в программу преподавания высших учебных заведений МВД России и краткий обзор основных аспектов и направлений курса, проходящего апробацию в КЮИ МВД России.

Ключевые слова: юридическая лингвистика, юрислингвистика, профессиональная речь юриста.

The article presents the rationale behind the necessity of implementing the course of juridical linguistics in the program of instruction in higher educational institutions of the Ministry of the Interior of Russia and a brief overview of the main aspects and directions of course, passed approbation in the Kazan Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Key words: legal linguistics, юрислингвистика, professional speech of the lawyer.

На современном этапе одной из главных становится задача обновления профессионального образования сотрудников ОВД путем усиления его практической направленности при сохранении фундаментальности.

Решению этой задачи способствует реформа высшего образования, предписывающая внедрение компетентного подхода, который, не отрицая значения знаний, делает акцент на умении их приобретать, перерабатывать и использовать, актуализирует прагматический аспект обучения. Компетентный подход предполагает формирование ключевых компетенций, одной из которых является коммуникативная компетенция, которая должна совершенствоваться у студентов всех специальностей и при изучении всех дисциплин.

В последнее время все сильнее осознается необходимость формирования коммуникативной компетенции будущего специалиста ОВД путем реализации профес-

сионально ориентированного обучения. Сущность профессионально ориентированного образования, как правило, сводится к тому, что оно направляет педагогический процесс на конечный результат обучения студента в вузе – будущую профессию, которая в итоге станет сферой приложения всех получаемых знаний, умений и навыков, проверкой их действенности. Ярким примером владения коммуникативной компетенцией могут служить действия нынешнего главы МВД России генерал-лейтенанта В.Колокольцева во время массовых беспорядков на Манежной площади 11 декабря 2010 г., его умение и готовность общаться с людьми лицом к лицу. То, что легендарная Манежка не закончилась большой кровью, во многом – личная заслуга нового министра.

Отсутствие целенаправленной реализации профессионально ориентированного обучения речевой деятельности на занятиях по русскому языку и в связи с этим

крайне слабое взаимодействие курса со специальными дисциплинами приводят к тому, что студенты зачастую не видят практической необходимости в изучении русского языка. Вместе с тем, как показывают результаты исследований, уровень коммуникативных знаний и умений обучаемых не высок, что впоследствии может негативно сказаться на профессиональной адаптации выпускников вуза, на успешном осуществлении ими профессиональной деятельности.

При этом Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 030901 - Правовое обеспечение национальной безопасности (квалификация (степень) "специалист") (утв. приказом Минобрнауки РФ от 17 января 2011 г. N 39) предъявляет особые требования к коммуникативной компетенции при подготовке специалистов в области правового обеспечения национальной безопасности. Область профессиональной деятельности специалистов подразумевает решение следующих профессиональных задач, напрямую связанных с вербальной коммуникацией и коммуникативной компетенцией в целом: разработка нормативных правовых актов; составление юридических документов; консультирование по вопросам права; осуществление правовой экспертизы нормативных правовых актов; выявление и предупреждение угроз безопасности личности, общества и государства; профилактика, предупреждение, пресечение, выявление, раскрытие и расследование преступлений и иных правонарушений; оказание помощи физическим и юридическим лицам в защите их прав и законных интересов; поиск, получение, анализ и оценка информации, имеющей значение для реализации правовых норм в сфере национальной безопасности; осуществление правового воспитания.

Преступность в России представляет собой в настоящее время одну из наиболее болезненных общественно значимых проблем, обусловленных происходящими социально-экономическими процессами. При

этом она приобретает новые формы существования, базирующиеся на словесном выражении, такие как:

- клевета (ст. 128.1. УК РФ);
- клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава (ст. 298.1 УК РФ);
- неуважение к суду (ст. 297 УК РФ);
- оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ);
- публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ);
- возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ).

Правонарушения:

- защита чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152 ГК РФ);
- оскорбление (ст. 5.61. КоАП РФ) – могут совершаться и с косвенным умыслом, когда субъект равнодушен к последствиям своего поступка.

Это в свою очередь возлагает на сотрудников ОВД дополнительные задачи по анализу речевого поведения граждан, выявлению и предотвращению деяний, обозначенных вербально. Современной судебной системе, чтобы обеспечить судопроизводство, необходим спектр лингвистических экспертиз, призванных служить доказательной базой в судебном процессе.

Работа с текстом разного уровня требует от юриста базовых знаний правил из лингвистики, психолингвистики и социолингвистики, замыкающихся на правовую оценку высказывания, знаний о процедурах работы с устным и письменным текстом: уметь определять факты, имеющие юридическое значение, устанавливаемые при проведении судебной лингвистической экспертизы; владеть основными методами судебной лингвистической экспертизы и технологиями производства; уметь применять основные методы экспертных исследований на сплошном текстовом материале.

В борьбе с преступностью необходимо опираться на самые широкие слои населения, для чего необходимо формировать и

повышать авторитет и доверие к сотрудникам ОВД, что имеет непосредственное отношение к имиджу сотрудника, его умению эффективно взаимодействовать с различными категориями граждан.

Реализация профессионально ориентированного подхода в отношении русского языка в вузах системы МВД предполагает решение целого ряда вопросов. Требуется определение принципов и методов преподавания, способствующих формированию коммуникативных знаний и умений, актуальных для будущей профессии курсантов и слушателей, выявление возможностей связи курса с другими вузовскими дисциплинами для более продуктивной профессионально-речевой подготовки. К примеру, в основательном пособии Н.Н. Ивакиной «Профессиональная речь юриста» основное содержание составляют традиционные для общей риторики разделы: официально-деловой стиль, научный стиль, публицистический стиль юридической речи, функционирование языковых единиц: точность словоупотребления (значение слова, многозначность, стилистически окрашенная лексика, синонимы, антонимы и т.п.), точность употребления устойчивых словосочетаний, морфологических единиц (существительных, прилагательных, глагола) точность употребления синтаксических единиц и т. д. Иными словами, специфика юридической речи не ставится здесь во главу рассмотрения языка и тем самым юрислингвистический предмет не выделяется как самостоятельный. Нет сомнения в том, что сугубо филологический подход к языку и речи юристики правомерен и важен, Сотрудник ОВД обязан владеть грамотной речью, уметь четко и ясно излагать свои мысли, произвести описание места и событие происшествия. Тем не менее, несомненно, что глубокое влияние лингвистики на юридическую сферу возможно лишь при таком моделировании юридического языка и речи, которое исходит именно из их специфики как отправной точки теоретических описаний или практических рекомендаций.

Сказанное подтверждает необходимость создания профессионально ориентирован-

ной методики развития видов речевой деятельности курсантов и слушателей на основе междисциплинарной интеграции.

Таким образом, необходимым условием борьбы с преступностью становится внедрение в деятельность сотрудников ОВД современных научных разработок в области лингвистики в рамках развития современных методов борьбы с преступностью при подготовке специалистов. И это, в первую очередь, относится к высшим учебным заведениям МВД РФ, обладающим значительным научно-практическим потенциалом.

Междисциплинарный характер преподавания профессионально значимых аспектов русского языка сотрудникам ОВД формируется в рамках юридической лингвистики (юрислингвистики), научного направления, разработанного Н. Д. Голевым, отражает тенденции нового времени, нового периода в развитии российского образования. Социальная востребованность специалистов с лингво-юридическим образованием стала одним из главных факторов открытия как на филологических, так и на юридических факультетах многих вузов России программ профессиональной переподготовки и магистерских программ, таких как «Правовая лингвистика», «Лингвистическая экспертиза». Комплекс языковых явлений, изучаемых в рамках этих курсов, находится на стыке лингвистики, риторики, юриспруденции, психологии, теории аргументации, психоанализа и ряда других наук.

Юридическая лингвистика (судебная лингвистика, правовая лингвистика, юрислингвистика) — направление прикладной лингвистики, объектом которой являются взаимоотношения языка и закона.

Основные аспекты юрислингвистики — создание и функционирование специального юридического языка (естественный язык в данном случае выступает как элемент законотворческой деятельности и толкования закона), юридическое регулирование конфликтов, связанных с использованием языка (оскорбление, манипуляции, призывы к насилию, плагиат и т.п.), регулирование социально-языковых внут-

ригосударственных и межгосударственных отношений в федеративном государстве (проблемы государственного языка, языка межнационального общения и т.п.). Юрислингвистика представляет теоретические и методические основания для судебной и следственной лингвистической экспертизы спорных произведений речевой деятельности, экспертизы законопроектов и т.п. Тесная связь теории юрислингвистики с практической профессиональной деятельностью определяет организацию, технологии и методики обучения будущих сотрудников ОВД.

Социальный заказ на специалистов в области юридической лингвистики, обладающих профессиональными знаниями в лингвистике и юриспруденции одновременно, в современном обществе достаточно велик.

На основе растущей потребности в специалистах, обладающих профессионально значимыми коммуникативными навыками, в КЮИ в 2012/2013 учебном году апробируется в форме факультативных занятий курс «Юридическая лингвистика».

Целью курса является формирование коммуникативных компетенций сотрудника ОВД в рамках юридической лингвистики как одного из направлений деятельности юриста.

В качестве задач определены следующие:

1. сформировать представление о юридической лингвистике и областях ее применения;
2. определить место юридической лингвистики в подготовке сотрудника ОВД;
3. описать основные параметры и стратегии речевого взаимодействия;
4. обучить основным методам и техникам речевой коммуникации.

К рассмотрению обучающимся предлагается набор тем, наиболее полно отвечающих основным направлениям деятельности сотрудника ОВД.

Основные проблемы юрислингвистики.

Нормы профессионального речевого поведения юристов.

Лингвистическая конфликтология и проблема инвективности.

Техника юридической аргументации.

Лингвистика, риторика и прагматика судебной речи.

Речь как объект экспертного исследования.

Занятия ориентированы как на теоретическое осознание указанных проблем, так и на практическое их освоение. В качестве материала для практических заданий привлекаются:

1. текстовые материалы (образцы художественных произведений, судебных речей, рекламных и агитационных текстов, лингвистических экспертиз);

2. видеоматериалы (сюжеты из художественных фильмов, записей политических выступлений и дебатов и др., содержащих образцы речевого поведения в конфликтных ситуациях, образцы удачной аргументации, образцы речевого воздействия);

3. видеоматериалы, в которых представлены рекомендации и наблюдения психологов, тренеров по межличностной коммуникации и ораторскому искусству.

Построенный таким образом курс формирует знания базовых принципов стратегии, тактики и этики коммуникации; специфику коммуникативного поведения в профессионально-значимых ситуациях; особенности установления психологического контакта с различными категориями собеседников с помощью вербальных и невербальных средств; свойств языка, влияющих на его конфликтное функционирование; свойств языка, приводящих его в сферу права.

Курс ведет к формированию умений и навыков вступать в коммуникацию, поддерживать и завершать диалоги различного типа с учетом поставленных задач и требований этики; пользоваться общепринятыми и уставными формулами речевого этикета; анализировать механизмы возникновения и разрешения социальных конфликтов на речевом уровне; вырабатывать и применять речевые стратегии пове-

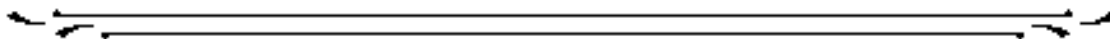
дения в ходе конфликта; определять факты, имеющие юридическое значение, устанавливаемые при проведении судебной лингвистической экспертизы; применять основные методы экспертных исследований на сплошном текстовом материале; достигать согласия в речевой коммуникации; общаться с гражданами в соответствии с нормами служебного и общего этикета; использовать речевые тактики общения при взаимодействии с представителями различных социальных групп, национальностей, конфессий.

Таким образом, структура лингвистической подготовки обучающихся предполагает внедрение курса, тесно взаимодействующего с другими гуманитарными, социальными и профессиональными дисциплинами (лингвоконфликтологией, социолингвистикой, лингвоэкологией, «лингвистикой лжи» и лингвистикой истины, теорией речевых актов, теорией лингвистиче-

ской интерпретации, общей конфликтологией, коммуникативистикой, герменевтикой, судебной психологией, экспертологией и др.), для последовательного формирования личности высокой профессиональной речевой культуры, компетентной и толерантной, обладающей качествами, востребованными современным обществом.

Апробация курса «Юридическая лингвистика» показала, что тесная связь теории юрислингвистики с практической профессиональной деятельностью определяет организацию, технологии и методики обучения будущих сотрудников ОВД.

Апробация показала, что введение в программу высших учебных заведений МВД России курса «Юридическая лингвистика» позволит повысить теоретические и практические знания обучающихся, их профессиональную и коммуникативную компетентность.

Д.А. Ермоленко,
кандидат юридических наук, доцент
(Классический приватный университет
(г. Запорожье, Украина),
Институт права имени Владимира Сташиса)

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕГРАТИВНОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ

В статье аргументируется необходимость создания современной интегративной концепции правового сознания молодежи. Делается попытка выделить основные положения такой концепции на основании анализа существующих подходов к правосознанию молодежи.

Ключевые слова: правовое сознание, общественное правосознание, правосознание молодежи, социализация.

In the article the article argues for the necessity of creation of a modern integrative concept of legal consciousness of the youth. Attempts to identify the main provisions of this concept on the basis of the analysis of existing approaches to knowledge of the law of the youth.

Key words: legal consciousness, legal conscience, legal awareness of youth socialization.

Правосознание как духовно-ценностный феномен, является отображением правовой зрелости субъектов права. Отражение в сознании людей правозначимых сторон действительности и психическая регуляция своего поведения, являющиеся важными сторонами правосознания, всегда зависят от внутреннего духовного опыта. Поэтому, как справедливо указывает Н.Л. Гранат, не каждый человек, находящийся на каком-либо уровне умственного и духовного развития, может правильно судить о понятии и сущности права [1, С. 382]. Аналогичную точку зрения высказывает и В.В. Сорокин, настаивающий на том, что зрелость правосознания во многом зависит от зрелости самих субъектов правовой деятельности [2, С. 321]. В этом отношении особый интерес вызывает исследование правового сознания молодежи. Данная категория принадлежит к особым субъектам группового правосознания и характеризуется внутренней неоднородностью состава, особенностями социализации, особенностями социального положе-

ния, сложным возрастным критерием, определяющим принадлежность к группе.

Ознакомление со всем спектром подходов к определению правосознания молодежи позволяет выделить те компоненты, которые должно включать в себя *интегративное правовое определение*. Иными словами, назрела необходимость создания новой современной *интегративной концепции правосознания молодежи*, которая отвечала бы реалиям XXI века. Основными положениями этой концепции, на наш взгляд, должны стать следующие:

1. *Правосознание молодежи – составная часть общественного правосознания*. Правосознание молодежи как разновидность группового правосознания является совокупностью характерных признаков общественного правосознания, свойственных молодежи как специфической социально-демографической группе. Правосознание молодежи – это структурный компонент субъективной структуры общественного правосознания и в этом смысле полностью однородное с ней явление. Правосознание молодежи, отмечает Г.Р. Ишкильдина, мо-

жет рассматриваться как отдельный случай (форма существования) общественного правосознания, специфика которого связана с субъектом-носителем [3, С. 53]. То есть ключом для познания правосознания молодежи является диалектика целого и части. Не поняв общества, в котором живет молодежь, не исследовав особенности общественного правосознания, невозможно понять особенности правосознания молодежи и его специфические проблемы. И наоборот – не поняв правосознания молодежи отдельного общества, невозможно постигнуть все его общие противоречия и проблемы. Проблемы правосознания молодежи являются проблемами общества в целом, общественными проблемами. И наоборот – общественные проблемы, во многом, начинаются с молодежи и уже поэтому являются молодежными. Именно поэтому можно согласиться с Э.К. Джамаловой в том, что исследования правосознания молодежи вне общества в целом являются абстрактными и неполными [4, С. 96].

2. *Правосознание молодежи отражает особенности индивидуального правосознания молодого человека*, поскольку по критерию качественной содержательности правосознание всегда индивидуально. То есть правосознание молодежи неотъемлемо не только от общественного, но и от индивидуального правосознания молодых людей. Так, И.А. Омельчук утверждает, что правосознание молодежи является «интегративным стойким личностным (курсив наш – Д.Е.)образованием, включающим знание прав и свобод человека, готовность пользоваться правами и защищать их правовыми средствами в случае нарушения» [5, С. 35]. В то же время, индивидуальное правосознание – это результат социализации молодого человека и усвоения им группового и общественного правосознания, опосредованного с учетом собственного опыта. Именно коллективные формы сознания и личный опыт человека создают основу восприятия правовой действительности каждой личностью. Следовательно, можно согласиться с Э.В. Кузнецовым в том, что индивидуаль-

ное правосознание отображает общественные условия жизни конкретной личности, правовые отношения, в которых она принимает участие и носителем которых она выступает. Индивидуальное правосознание как сознание, которое не изолировано от общества, всегда так или иначе охватывается общественным сознанием и в этом смысле не может быть «абсолютно индивидуальным» [6, С. 35].

В свою очередь, на индивидуальное правосознание молодого человека наиболее существенное влияние оказывают его личные моральные качества и обстоятельства его жизнедеятельности. Мир правовых явлений, отражаемый индивидуальным правосознанием, достаточно специфичен, он охватывает самовосприятие, место, занимаемое личностью в структуре социальных и межличностных связей, степень удовлетворенности ее интересов, качество ее жизни, жизненный опыт, возможности реализации своего творческого потенциала. Ценностные характеристики правовых явлений определяются личностью таковыми не автоматически, а при необходимости участия в оценочном процессе всех этих факторов. На активной роли личности в процессе усвоения правовых знаний настаивает И.Ю. Гревцов. Судьбу внешнего влияния, его действенность в конце концов определяет сам человек. Но делать это он может по-разному. В одном случае человек их просто не замечает; в другом, строя линию своего поведения, «вписывает» в нее внешние стимулы, но совсем не механически; наконец, он может бездумно подчиняться такому влиянию, «растворяя» в нем свою собственную личность [7, С. 71].

3. *Правосознание молодежи – это разнообразность группового правосознания*. Особенности группового правосознания, по мнению А.А. Потякина, объясняются рядом факторов. Первый из них заключается в том, что в любой общности складываются собственные нормативные ценности, которые прежде всего влияют на оценки членами группы сложившейся юридической системы. Второй фактор – это расхождение интересов социально-демографических групп, связанные с неадекватно-

стью их положения в социальной структуре и, таким образом, с разным отношением к собственности, системе распределения, к власти в целом, к общественному устройству и нормам, которые его определяют, закрепляют, регулируют [8, С. 347]. Характерными для молодежи как особенного субъекта-носителя правосознания, по мнению З.Н. Каландаришвили, являются: круг урегулированных нормами права и требующих такого регулирования общественных отношений, в сферу которых входит молодой человек; объем характерных для молодежи общесоциальных, правовых знаний и опыта; психофизические и социально-психологические особенности молодых людей [9, С. 50].

На наш взгляд, можно согласиться с тем, что у молодежи есть свои, определенные возрастом и процессом социализации проблемы, которые являются специфичными для правосознания особенного субъекта-носителя – молодежи и, таким образом, несвойственными для субъектов правосознания иных групп. Классификацию проблем молодежи можно проводить по различным основаниям: по территориальному признаку можно выделить молодежные проблемы, свойственные отдельным регионам, и проблемы, присущие отдельной стране; по времени можно выделить так называемые «вечные» проблемы и проблемы, рожденные отдельной эпохой [10]; по значению – национальные и глобальные проблемы молодежи.

Среди глобальных проблем, влияющих на правосознание молодежи, можно выделить следующие:

Круг общественных отношений, в которых участвует молодежь. Причем это могут быть как общественные отношения, урегулированные нормами права (т.е. правовые отношения), так и общественные отношения, требующие такого урегулирования. Можно выделить следующие важные события, происходящие в жизни каждого человека именно в молодежном возрасте: окончание общеобразовательной школы, а соответственно, и связанный с этим выбор учебного заведения и получение необходимой специальности, начало

трудовой деятельности, женитьба, рождение детей, прохождение воинской службы и т.д. Из всех возрастных групп населения указанные проблемы более всего волнуют именно молодежь.

Проблемы самоидентификации молодежи, с которыми тесно связаны проблемы интеграции молодежи в социальные связи. Молодость – это тот период, когда человек решает не только проблему своих жизненных планов, но и проблему морального и духовного самоопределения. Молодежь объективно находится в положении объекта социализации, которая осуществляется путем обучения и воспитания. Этот процесс проводят так называемые «взрослые», которые господствуют в обществе и могут навязывать свою волю другим возрастным группам (детям, молодежи, старикам). Это приводит к тому, что в обществе большинство молодых людей не имеют личной самостоятельности в принятии решений, касающихся их жизни. Поэтому, как утверждает И.М. Ильинский, специфика правосознания молодежи состоит в том, что в ней существуют такие понятия, которые обычно не свойственны «взрослому» человеку: «второстепенность», «подсобность», «неполноценность» [11, С. 401].

Из этого следует еще одна проблема «на все времена» – *«проблема отцов и детей»*. По мнению специалистов, система взглядов и представлений у человека сохраняется примерно 30 лет, то есть время наиболее активного периода жизни каждого поколения. Отличия между разными поколениями могут носить умеренный, спокойный характер, а могут быть достаточно конфликтными. Именно поэтому столкновение поколений, носящее характер противостояния разных систем ценностей, называют «конфликт поколений». Актуальность этой проблемы связана как с новейшей историей практически всех постсоветских государств, так и с нашим общим советским прошлым. Воспитание «родителей» (родителей нынешней молодежи) происходило в СССР, а воспитание и социализация «детей» (современной молодежи) пришлось на времена независимости постсоветских стран. Таким образом,

противоречия между правосознанием «отцов» и правосознанием «детей» проявляются в ценностных ориентациях – в исходных мотивациях мировоззрения в целом. Мировоззренческие ориентации советского человека основывались на приоритете коллективных идеологически ангажированных ценностей. «Экономического человека» как такового не существовало, был «идеологический человек». Современная молодежь уже ориентирована на ценности «экономического человека», на принципы рыночной экономики, в условиях которой молодежь социализируется. То есть формируется противоречие между социализацией молодого человека в обществе и его воспитанием родителями, которые сознательно воспринимают новую реальность, но стереотипно находятся в советском прошлом. Результатом этого, по мнению А.А. Айвазяна и К.М. Ольховникова, является постоянная «ценностно-ориентационная двойственность» в правосознании молодежи [12, С. 55].

Социально-экономические проблемы молодежи (сложное материальное положение, отсутствие стартовых возможностей, собственного жилья, маленькая зарплата и т.д.). В любом обществе большая часть молодежи не принимает участия в процессе производства, а потому и не принимает участия в процессе распределения продуктов этого производства, то есть находится в положении своего рода «иждивенцев». Именно поэтому, как справедливо считает Э.К. Джамалова, острота социально-экономических проблем молодежи всегда намного выше, чем у «взрослой» части населения [4, С. 97].

4. *Правосознание молодежи носит конкретно-исторический характер*, то есть количество определений понятия «правосознание молодежи», как отмечает Э.К. Джамалова, может соответствовать количеству конкретных обществ. Каждое из них основывается на общем определении правосознания молодежи, но одновременно служит базой для его конкретизации [4, С. 97]. Большинство исследователей соглашались с тем, что правосознание молодежи – продукт истории и определенной

культуры, а также одновременно их движущая сила, фактор изменений, социальная ценность [4, С. 99]. Таким образом, правосознание молодежи в конкретный исторический момент определяется ее социальным и экономическим положением. Влияние факторов, определяющих специфику правосознания молодежи, может рассматриваться только на фоне общесоциальных факторов, детерминирующих его становление. Среди них можно выделить: уровень развития экономики и культуры, демографическую ситуацию, состояние образования, деятельность правоохранительных органов и прочее.

5. Особенность правосознания молодежи прямо связана с особенностью самой молодежи, которая в любом обществе выступает *одновременно субъектом и объектом социализации*. Роль молодежи как субъекта и объекта в историческом процессе развития достаточно специфична. С точки зрения механизма социализации молодежи, сначала молодой человек, вступающий в жизнь, является объектом влияния социальных условий, семьи, друзей, институтов образования, а потом, в процессе взросления и перехода от детства к юношеству, учится и начинает сам создавать мир, то есть становится субъектом всех социально-экономических, политических и общественных (в том числе правовых) преобразований.

Основная проблема состоит в том, что сейчас в большинстве стран мира правосознание молодежи воспринимается как правосознание объекта, тогда как, по нашему мнению, государство и общество должны воспринимать правосознание молодежи, прежде всего, как *правосознание субъекта*.

6. *Формирование правосознания молодежи является результатом правовой социализации молодежи*. Термин «правовая социализация» начал использоваться в 60-х годах XX века. Одним из наиболее известных исследователей этого феномена стал французский социолог Ж. Карбонье, который обратил внимание на социальность правовых явлений и особенно подчеркивал разницу между правовыми нормами и обычаями, другими нормативными

системами [13, С. 105]. А.И. Иванчак справедливо считает, что термин «правовая социализация» происходит от родового понятия «социализация», является его неотъемлемой составляющей и представляет собой процесс, в ходе которого индивид приобретает определенные правовые знания и приобщается к правовой культуре общества. При этом, замечает автор, под «приобщением к правовой культуре общества» понимается адаптационный процесс «включения» человека в социальную структуру, восприятие им правовых норм и ценностей, накопленных в обществе [14, С. 111-112].

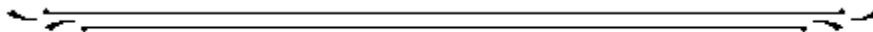
7. *Правосознание молодежи носит несформированный характер.* Молодежи, как особой социально-демографической группе, свойственны резкие физиологические и психические изменения при переходе от одной возрастной группы к другой, системные качественные преобразования в сфере сознания, деятельности и социальных отношений. Именно поэтому в правосознании молодежи можно выделить проявления синкретизма и эклектики, характеризующие смещение правовых чувств, эмоций, знаний и проявляющиеся в отсутствии целостного развитого правосознания. В юридической литературе закрепился термин «правовой инфантилизм» (от лат. *Infantilis* – «детский, отсталость разви-

тия»), который означает недостаточную сформированность правовых взглядов, знаний, установок, представлений [15, С. 83]. Учитывая недостаточный жизненный опыт молодых людей и недостаточность осознания ими правовых ценностей, затрудняющие правовые ориентации в реалиях правовой действительности, на наш взгляд, именно молодежь выступает основной социальной группой, в которой проявляется правовой инфантилизм. Тому причиной сразу несколько факторов: 1) молодые люди находятся на таком уровне развития, когда формирование их личностных качеств еще не закончилось, усвоение ими правовых норм, идей и формирование соответствующих убеждений продолжается; 2) на состояние правосознания молодого человека существенно влияют как правосознание родителей, так и правосознание ровесников, которое также не всегда сформировано; 3) многие молодые люди не могут точно оценить социальное значение права и закона, а потому используют в своем поведении преимущественно нравственные категории «хорошо» и «плохо», что также существенно влияет на правосознание; 4) молодые люди не всегда могут правильно использовать на практике свои правовые знания, что может привести к совершению ими противоправных поступков [16, С. 47].

ЛИТЕРАТУРА

1. Общая теории государства и права. Академический курс в 2-х томах/ под ред. проф. Н.М. Марченко. Том 2. Теория права. М.: Зерцало, 1998. 656 с.
2. Сорокин В.В. Концепция эволюционного преобразования правовых систем в переходный период. Барнаул, 2002. 542 с.
3. Ишкильдина Г.Р. Правосознание молодежи: проблемы становления и эволюции в современных условиях: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Казань, 2002. 164 с.
4. Джамалова Э.К. Историко-правовой анализ основ формирования правосознания молодежи: дис. ... канд.юрид.наук: 12.00.01. Махачкала, 2005. 199 с.
5. Омельчук І.А. Правосвідомість молоді у сфері прав і свобод людини // Вісник Львівського університету. 2004. Вип. 39. С. 25-41.
6. Кузнецов Э.В. О роли теоретико-правовых знаний в формировании профессионального правосознания // Вопросы политической работы в органах внутренних дел в современных условиях. Л., 1985. С. 139-147.
7. Гревцов Ю.И. Очерки теории и социологии права. СПб.: Знание, 1996. 263 с.

8. Потякин А.А. Правовой нигилизм как вариант современного российского правосознания // Общество и политика: современные исследования, поиск концепций. СПб.: СПбГУ, 2000. С. 342-360.
9. Каландаришвили З.Н. Деформация правового сознания молодежи и юридические способы ее преодоления: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. СПб., 2004. 202 с.
10. Морозова Г.В. Социально-экономический потенциал молодежи в условиях многоукладной экономики: автореф. дис. ... доктора эконом. наук: 08.00.05. СПб.: 1995. 35 с.
11. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика // [Философия. История. Теория] – М. : Голос, 2001. 694 с.
12. Айвазян А.А., Ольховников К.М. Политическая социализация современной российской молодежи и западные представления о гражданственности и экстремизме // Актуальные проблемы социологии молодежи / под общей ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2010. С. 50-58.
13. Карбонье Ж. *Юридическая социология*; пер. и вступ. ст. В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1986. 350 с.
14. Иванчак А.И. Правовая социализация личности. (К вопросу об исследовании понятия // Герценовские чтения 1998. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 1998 . С. 111-112.
15. Баранов П.П. Профессиональное правосознание сотрудников ОВД. Теоретические проблемы. М., 1991. 139 с.
16. Петров В.Р. Деформация правосознания граждан России (Проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2000. 222 с.

И.А. Кибак,
кандидат психологических наук, доцент
(Академия МВД Республики Беларусь)

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПСИХОТЕХНОЛОГИЙ В ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассматривается применение современных информационных психотехнологий в законоотворческой деятельности. Раскрывается парламентская психолого-правовая информация, предназначенная для субъектов права законодательной деятельности (депутатов) при подготовке и принятии законопроекта. Показано, что компьютер, телекоммуникационные и сетевые средства существенно изменяют способы освоения и усвоения психолого-законоотворческой информации, открывают новые возможности для интеграции различных действий в законоотворчестве. Описывается назначение и организация справочной психолого-информационной службы при решении задач законоотворчества. Обозначены психолого-правовые перспективы использования современных информационных и компьютерных психотехнологий в парламентской (законоотворческой) деятельности и пути повышения ее эффективности.

Ключевые слова: информационные психотехнологии, психолого-правовая информация, законоотворческая деятельность, депутат.

The application of modern information psychotechnologies in lawmaking is analyzed. Parliamentary psychological and legal information intended for the subjects of legislative activity (deputys) during the preparation and adoption of the draft law is disclosed. It is shown that computer, tele- and network communications significantly change the way of the development and adoption of psychological and legislative information, opening new opportunities for the integration of various activities in law. The purpose and organization of psychological and information service in solving problems of lawmaking are described. Psychological and legal perspectives of usage of modern information and computer psychotechnologies in parliamentary (legislative) activity and ways to improve its efficiency are marked.

Keywords: information psychotechnologies, psycho-legal information, law-making, application, deputy.

В современных условиях информационного общества все субъекты права (депутаты), обеспечивающие законоотворческий процесс, нуждаются в получении объективной, достоверной, ясной и полной информации о качестве законопроектов. Помимо этого, они должны ясно видеть, какие существуют в законопроектах психологические ошибки, коллизии, пробелы и противоречия, какие законопроекты явно лоббируют интересы бизнеса, криминала,

какие не соответствуют требованиям, предъявляемым к юридической технике в сфере законоотворчества. Такая информация необходима субъектам права (депутатам), участникам законоотворческого процесса для того, чтобы, основываясь на научно обоснованных прогнозах, внести соответствующие изменения и дополнения в законы, привести их в соответствие с действующим законодательством и междуна-

родными стандартами в области прав и свобод человека и гражданина.

Информационные технологии в современном мире – явление психосоциальное, пронизывающее все сферы жизнедеятельности общества. Информационные технологии являются одними из наиболее высокоэффективных, непосредственно обуславливающих интеллектуализацию общества (информационные технологии в науке, законотворчестве и образовании, информационное моделирование и прогнозирование, креативные информационные технологии в восприятии и визуализации и т. п.). Ведущей особенностью современных информационных технологий, во многом определившей возможность перехода от индустриального к информационному обществу, является их интерактивный характер. Интеграция акмеолого-педагогических, законотворческих и информационных технологий осуществляется посредством развития педагогической информатики (мультимедийные презентации, электронные программно-методические комплексы, например «Проект НПА», автоматизированная система подготовки законопроектов), новых креативных технологий (интенсивное парламентское обучение депутатов, развитие специальных способностей) и технологий самообразования (дистанционное образование взрослых, Web-обучение и т. п.). Дело не только в том, что сегодня мир не представляется без все большей интенсификации информационных потоков: значимое влияние информационных компонентов на социум в целом и на процессы социализации в частности стало возможным лишь с момента их качественного изменения, именно с появлением для пользователей (субъектов права (депутатов), участников законотворческого процесса) информации возможности активно участвовать в информационных потоках. В силу этого информация как ценность общества нового типа определена не только и не столько своей массовостью или общедоступностью, экономическим или политическим потенциалом, сколько возможностью персонализации, определяя для ее обладателя новые

границы самоидентификации (посредством Интернета) [2, С. 260].

Применение информационных и компьютерных технологий в законотворчестве стало естественным условием его дальнейшего развития. Кроме того, компьютер, телекоммуникационные и сетевые средства существенно изменяют способы освоения и усвоения законотворческой информации, открывают новые возможности для интеграции различных действий, тем самым способствуя достижению социально значимых и актуальных в современный период развития общества целей законотворчества. В этой связи эволюция процессов взаимопроникновения информатики в законотворчество и законотворчества в информатику привела к появлению нового научно-практического направления – информатизации психологии законотворчества. Информатизация психологии законотворчества представляет собой сочетание законотворчества и информатизации, охватывая проблемы применения и внедрения психолого-информационных технологий в законотворчестве, а также развитие законотворчества в области применения этих технологий. Информационные технологии законотворчества определяют как совокупность электронных средств и способов их функционирования, используемых для реализации законотворческой деятельности.

Современная психотехнология законотворчества, в том числе законодательная техника, немыслима без применения информационных технологий, так как объектом и продуктом деятельности субъектов права (депутатов), участников законотворческого процесса является психолого-правовая информация (законопроекты). Применение информационных технологий в нормотворческой деятельности МВД России отражено в научной работе Н.Н. Карташова [4, С. 15–16]. Психолого-правовая информация включает любые зафиксированные общепринятыми средствами целостные в смысловом отношении записи (официальные документы, авторские произведения, сообщения СМИ и др.), прямо или косвенно способствующие

правопониманию или влияющие на законоотворчество и правоприменение. К основным типам правовой информации относятся: национальные НПА; акты международных организаций, соглашения субъектов международного права в переводах, международные обычаи; нормативно-технические материалы (стандарты, классификаторы, технические условия, своды правил, регламент, устав); обобщенные формы практики правоприменения; образцы деловых бумаг; юридические словари определений, толковые и энциклопедические; комментарии законодательства, проблемные, популярные, аналитические и научные работы и учебные материалы по правовым вопросам; документооборот, обеспечивающий процесс нормотворчества (включая проекты законов и иных НПА) и иные материалы.

Парламентской психологической информацией депутату надо владеть и предпринимчиво использовать ее и в законоотворчестве, и в деятельности каждого субъекта права (депутата), участника законоотворческого процесса. Владея достоверной информацией о законопроекте, можно упреждать, например, рост недовольства людей, психического беспокойства, эмоционального возбуждения и др. К психологической информации относятся: материалы рецензирования законопроектов научно-исследовательскими и психологическими учреждениями; отзывы, экспертизы и заключения со стороны психологов; аналитические данные психолого-социологических исследований об эффективности действия законов; обзор предложений ученых-психологов, иных лиц по совершенствованию, изменению нормативного психолого-правового регулирования в сфере предмета проектируемого закона; передового зарубежного психолого-законотворческого опыта; анализ общепризнанных норм и психологических принципов международного права, действующих в сфере предмета проектируемого закона; прогноз возможных психологических последствий применения проектируемых норм [3, С. 195]. Сбор психолого-законотворческой информации и ее досто-

верность зависят от профессионально-психологической подготовленности субъектов права (депутатов), участников законоотворческого процесса, использования помощи парламентских психологов, применения психолого-социологических методов (включенного психологического наблюдения, массового опроса, психологического анализа и др.)

Анализ работы Национального центра правовой информации Республики Беларусь показывает, что он не в полной мере выполняет функции по сбору, обработке и учету правовой информации. Например, у ряда республиканских органов (министерства финансов, труда и др.) есть серьезные замечания относительно Эталонного банка данных правовой информации: очень медленная актуализация (часто база содержит указания на то, что документ принят, он есть в Национальном центре правовой информации, но нет в базе; в таких случаях пользователям приходится делать специальный информационный запрос в Национальный центр правовой информации); отсутствие сведений об НПА советского периода; отсутствие систематизированной информации в Эталоне, что затрудняет проведение Центром мероприятий по подготовке Свода законов; очень незначительная классификация; разрыв кодексов на части; наличие пробелов в Эталоне (в значительной степени из-за несовершенной системы взаимодействия Национального центра правовой информации с другими органами).

По мнению С.В. Кузнецова, качество законоотворческого процесса, как и любой системы управления, определяется одним или несколькими «критическими» звеньями, имеющими самые низкие показатели [3, С. 196]. Следовательно, усилия, затраченные на улучшение всех прочих звеньев, обречены на провал – качество работы системы в целом не изменится. Вполне логичным выглядит нахождение и поэтапное улучшение только «критических» и «околокритических» звеньев системы при тщательном слежении за поведением системы в целом.

В сравнительно-правовом плане представляет интерес оценка характеристик правовой информации в глобальном масштабе (на многих языках). Можно привести только несколько цифр. Объем действующего законодательства европейских государств, входящих в Евросоюз, превышает 150 тыс. правовых актов. Распределенная система из 100 тыс. баз данных LEXIS-NEXIS содержит более трех млрд документов, значительная часть которых имеет отношение к национальному праву англоговорящих стран мира. Очевидно, что работать с такими массивами текстов без применения информационных технологий просто невозможно [3, С. 196].

В процессе формирования и установления государством правовых норм (в законотворческом процессе) первостепенное значение имеет полная, актуальная и достоверная информация об общественных отношениях, подлежащих правовому урегулированию законотворческой деятельности. Наличие соответствующей психологической, научной, социально-экономической, правовой и иной информации позволяет оптимизировать разрабатываемые правовые нормы по отношению к целям правового регулирования общественных отношений. В современных условиях достижение наибольшей полноты, актуальности и достоверности информации, необходимой для разработки как законопроектов, так проектов НПА, возможно только при использовании информационных ресурсов, основанных на применении новейших психолого-информационных технологий, которые позволяют не только аккумулировать значительные объемы информации, но и осуществлять ее обработку в соответствии с конкретными целями и задачами, как всего законотворческого процесса, так и каждого из его этапов.

Основную роль в информационном обеспечении законотворческого процесса в Республике Беларусь имеет нормативная правовая информация (доступная с применением вышеописанных технологий банков данных правовой информации и интернет-технологий), поскольку процесс подготовки и принятия новых законопро-

ектов, изменения уже существующих не может осуществляться без учета всего массива отечественного законодательства, а также законодательства зарубежных государств и норм международного права. При этом следует отметить, что наличие полной и достоверной информации о законодательстве в электронном виде, а также возможностей ее автоматизированной обработки (в первую очередь поиска) в наибольшей степени позволяет оценить правовую сферу регулируемых общественных отношений, что весьма существенно в законотворческом процессе.

Как известно, при решении задач законотворчества вообще и кодификации законодательства в частности большое значение имеет отлаженная организация справочной психолого-информационной службы, позволяющая быстро и точно ориентироваться в многообразных и часто обширных отраслях законодательства, отбирать и сравнивать правовые нормы по тем или иным признакам, отрабатывать оптимальный вариант нового правового установления и т. д. Весьма эффективным было бы использование для этих целей компьютерных систем, которые в состоянии, во-первых, накапливать и систематизировать по определенным параметрам неограниченный объем законодательной (законотворческой) информации и, во-вторых, выдавать эту информацию по любому признаку или совокупности признаков.

Хранимая и накапливаемая в компьютере информация способна охватить все действующее (и недействующее, если необходимо) белорусское законодательство, в том числе российское и других государств, международное право. Эта информация может быть организована с любой степенью разветвленности и сложности системы признаков (например, информация по странам, предмету или методу регулируемых общественных отношений, формам выражения права, хронологической последовательности издания законодательных актов).

Назначение справочно-информационной службы состоит, как известно, в том, чтобы на конкретный вопрос давался точный и исчерпывающий ответ. Эта сама по себе

простая, хотя и требующая определенных навыков, работа оказывается довольно трудоемкой в тех случаях, когда поиск ответа осуществляется в значительном объеме информационного материала. Именно с этим постоянно приходится сталкиваться депутатам при работе с законодательным материалом.

Компьютеризация справочно-информационной службы основывается на том, что имеется один или несколько признаков того, что нужно узнать. Любой полный ответ повторяет признаки, заданные в вопросе, и добавляет к ним признаки, не содержащиеся в нем, но тем не менее составляющие определенное органическое целое. Таким образом, полный ответ есть не что иное, как совокупность некоторого числа признаков, постоянно между собой связанных.

Из этого следует, что одним из основных направлений развития правовой информатизации законотворческой деятельности государственных органов в Республике Беларусь является разработка и внедрение современных автоматизированных систем, позволяющих не только сосредоточить и организовать информационные ресурсы, необходимые для подготовки законопроектов, но и повысить эффективность и качество разработки последних [5]. Основной задачей почти всех существующих в настоящее время автоматизированных систем, используемых в законотворческой деятельности, является автоматизация процессов поиска требуемой психолого-правовой информации, создания в электронном виде документов, необходимых для принятия (издания) законопроектов (НПА), а также автоматизация процесса собственно создания проектов этих законов, НПА.

Такие системы чаще всего основаны на автоматизации процесса формирования текста проекта НПА при помощи заранее разработанных типовых форм – соответствующих юридических конструкций (шаблонов), например, уже известного читателю текстового процессора Microsoft Word. Актуальной задачей является сочетание этих технологий с технологиями банков данных правовой информации с

целью автоматизации процесса как непосредственно законотворчества, так и последующего накопления и распространения правовой информации.

Стратегически важными в этом направлении можно считать возможности применения интернет-технологий как средства эффективного взаимодействия органов государственной власти, субъектов хозяйствования и граждан при обсуждении законопроектов. Первым шагом к этому в нашей стране можно считать компьютерный банк данных проектов законов, размещенный на Национальном правовом интернет-портале Республики Беларусь в Интернете (www.pravo.by), а также имеющиеся на портале системы обратной связи и обсуждения юридических проблем.

Рубрика «Проекты законов» представляет собой единственную возможность легко и просто ознакомиться с текстами проектов законов Республики Беларусь, предоставляя возможность отыскать документы по видам (закон или кодекс), дате регистрации проекта по слову (словосочетанию) в названии и тексте законопроекта.

Кроме того, в ходе осуществления мониторинга законопроектов добывается различная информация: о подготовке и обсуждении законопроектов; их экспертной оценке; вступлении актов в юридическую силу; их применении государственными органами власти. Информация, полученная в результате мониторинга, должна храниться в базах данных и быть доступна каждому специалисту, который участвует в процессе разработки и принятия законопроектов, так как для правильного принятия управленческого решения необходима информация о состоянии объекта управления.

В результате будет получен список законопроектов, для каждого из которых имеется возможность просмотреть его текст, а также получить дополнительные сведения, в частности о стадии рассмотрения. Как и в некоторых других рубриках, с помощью дополнительного меню (правая часть страницы) можно перейти по ссылке на интернет-ресурсы нормотворческих органов.

В ряде стран имеется и опыт трансляции в Интернете открытых заседаний парламента (например, Франция, www.senat.fr).

Здесь же можно отметить и другие компьютерные технологии [6, с. 101–121], которые позволяют автоматизировать обслуживающие процессы деятельности Парламента – от записи выступлений с автоматическим преобразованием в электронный вид выступлений депутатов до систем голосования.

В силу ряда объективных технологических особенностей (анонимность, отсутствие маркеров телесности) виртуальная коммуникация задает для пользователей максимальные возможности в самоопределении и непосредственном самоконструировании. По сути, новые информационные технологии поставили субъекта права (депутата) в позицию эксперимента над самим собой. Представляется, что проблема социализации личности депутата в условиях новой информационной среды предполагает как минимум две основные логические линии анализа: изучение виртуальной среды как нового ресурса развития личности депутата, т. е. влияние новых информационных технологий на законотворческий процесс и законодательство в целом; изучение трансформаций основных законотворческих процессов при условии их протекания в виртуальной среде, т. е. изменение параметров развития личности депутата, взятых исключительно в своей виртуальной представленности.

Стремительное развитие компьютерных средств открывает новые и многообразные перспективы применения компьютерных систем для нужд законотворчества. Сегодня субъекту права (депутату), в том числе всем участникам законотворческого процесса, можно просматривать на экране компьютера введенный в него текст законопроекта, альтернативных законопроектов, проводить их текстовое сравнение, редактировать и обеспечивать единство применяемых в них терминов, снимать противоречия, нечеткость понятий и определений, «вызывать» формулировки ранее принятых законов, сверять их с новым законопроектом, запрашивать всевозможные

справочные материалы, организовывать проведение конкретно-правовых исследований и выявлять общественное мнение по конкретным вопросам правового регулирования соответствующих общественных отношений, распечатывать подготовленный законопроект и многое другое.

Учет, обработка и хранение в памяти компьютера всех ранее разработанных законопроектов, международных договоров и соглашений, разнообразных сведений создают банк данных по законодательству, которым можно будет воспользоваться при подготовке новых законопроектов. В более отдаленной перспективе при наличии подготовленных специалистов можно будет решать с помощью компьютерных систем и многие другие, куда более сложные задачи законотворчества и кодификации законодательства: обнаружение ошибок, повторений, противоречий в действующем законодательстве, его более строгую систематизацию, достижение системной целостности и единства всего законодательства, поиск наиболее рационального и оптимального пути реализации законодательных установлений, определение эффективности действия каждой правовой нормы, каждой статьи закона и законодательной системы в целом.

Научная рефлексия социально-психологических проблем компьютерно-опосредованной коммуникации в законотворчестве еще только начинается. Зарубежные и отечественные исследователи отмечают недостаточную разработанность в Парламенте законотворческих проблем, связанных с влиянием новых информационных технологий на процессы законотворчества и развитие личности депутата.

В современных условиях информационного общества, усиления роли информационной функции государства важность информационной функции мониторинга законопроектов несомненна. Информация, полученная в результате мониторинга, должна храниться в базах данных и быть доступна каждому депутату, специалисту, который участвует в процессе разработки и принятия законопроектов, так как для правильного принятия управленческого

решения необходима информация о состоянии объекта управления. Во многих органах исполнительной власти такие структуры отсутствуют, что затрудняет процесс получения требуемых сведений.

В этой связи следует обратиться к зарубежному опыту. Так, во Франции действует Центр по доступу к административной документации, содержащей не только научно-юридические публикации, но и тексты отчетов, итоговых и проблемных докладов центральных органов. На уровне муниципалитетов действуют дома юстиции и права, сочетающие оказание информационно-консультативных услуг с решением конкретных юридических дел [1, с. 39]. Было бы целесообразно формировать собственные аналитические и мониторинговые службы в Парламенте, которые представляли бы итоги своей работы в виде публичных докладов.

Итак, в ходе рассмотрения применения информационных психотехнологий в законодательстве и путей повышения его эффективности мы пришли к некоторым выводам:

1) применение информационных психотехнологий законодательства позволяет формулировать информационные психолого-правовые ресурсы, которые представляют собой организационную совокупность документированной психолого-правовой информации, включающую базы и банки данных, базы знаний, другие массивы законодательской информации в информационных системах, сформированных в соответствии с принятыми тематическими парламентскими направлениями, для этого надо создать у депутатов разверну-

тое представление о возможностях, состоянии и перспективах использования современных информационных психотехнологий в парламентской (законодательской) деятельности;

2) использование современных информационных технологий в законодательстве представляет собой неотъемлемую составную часть профессиональной парламентской и информационной культуры личности депутата (информационные психотехнологии законодательства можно рассматривать как связующий элемент в разнотипной системе современного научного знания, обеспечивающий подлинный синтез и интеграцию наук);

3) необходимо выделить как самостоятельную функцию информационную функцию мониторинга законов (информационное обеспечение является очень важным для право- и законодательства, начиная с законодательской деятельности и заканчивая подготовкой и принятием корпоративных правовых установлений; психологический мониторинг законов – это важнейший элемент системы психолого-правовой информации, системы правового и психолого-социологического обеспечения законодательской деятельности субъектов права, который свидетельствует о целесообразности и необходимости незамедлительного внедрения информационных и компьютерных систем в процессе законодательства и правореализации в целях совершенствования законодательной системы, укрепления законности и правопорядка в белорусском обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арзамасов Ю.Г., Наконечный Я.Е. Мониторинг в правотворчестве: теория и методология. М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2009. 160 с.
2. Социальная психология личности : учеб. пособие для вузов / Е.П. Белинская [и др.]. М. : Аспект-Пресс, 2001. 360 с.
3. Законодательная техника : научно-практическое пособие / авт. коллектив Л.Ф. Апт и др. М. : Городец, 2000. 272 с.
4. Карташов, Н.Н. Технологии нормотворчества (На примере МВД России) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2004. 26 с.
5. Кашинский Ю.И., Сокол С.В., Славин Б.С. Информационные технологии для юристов : учеб. пособие. Минск : БИП-С Плюс, 2005. 268 с.
6. Нашиц А. Правотворчество: теория и законодательная техника. М. : Прогресс, 1974. 256 с.

Е.П. Рябчинская,
кандидат юридических наук, доцент
(Классический приватный университет
(г. Запорожье, Украина),
Институт права имени Владимира Сташиса)

СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ УКРАИНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Статья посвящена анализу становления системы наказаний в уголовном праве Украины в периоды его самобытного развития в составе Литовского княжества, а также создания и функционирования Запорожской Сечи и Гетманичины.

Ключевые слов: наказание, виды наказаний, имущественные наказания, смертная казнь, телесные наказания, обычное право

The article is devoted the analysis of becoming of the system of punishments in the criminal law of Ukraine in periods of his original development in composition Lithuanian principality, and also creation and functioning of Zaporozhia Sech and Getmanschina.

Keywords: punishment, types of punishment, property punishment, death penalty, corporal punishment, ordinary right

Исторический метод предполагает изучение становления и развития норм и институтов уголовного права путем изучения законодательства, действующего в соответствующий период. Именно исторический метод способен выяснить вопросы преемственности в уголовном праве, поскольку уголовное право является таким явлением, которое развивается, сохраняя черты прошлого, вбирая в себя настоящее, и проецирует будущее. Принцип историзма требует рассматривать каждый предмет исследования с точки зрения того, как он возник, какие главные вехи своего развития это явление проходило, и с точки зрения развития выяснить, чем он (предмет, явление) является теперь.

Можно в целом согласиться с тем, что в юридической литературе истории развития законодательства Украины, уголовным наказаниям в разные периоды уделялось особое внимание не только в работах по истории уголовного права, а и в работах, посвященных анализу отдельных видов нака-

заний. Допускаем, что последних было даже больше.

Оценивая преимущества и недостатки существующих на сегодня периодизаций развития уголовного права в Украине, ученые считают вполне приемлемым для целей правового, а не исторического исследования выделять периоды его развития в зависимости от основных исторических памятников уголовного права, а именно основных уголовных законов, действующих на территории современной Украины в разные периоды. Такой подход, по их мнению, позволит отобразить основные положения уголовного законодательства, содержащиеся в указанных документах, а с другой стороны, избежать ненужной в юридическом исследовании детализации исторических процессов и событий [1]. Анализ работ, посвященных проблемам уголовного наказания, в которых в той или иной мере затрагивался вопрос периодизации становления и развития уголовного права Украины, позволил выделить собственно те правовые памятники

уголовного права, которые легли в основу указанных исследований. Таковыми являются: 1) Русско-Византийские договоры 860, 907, 911, 944 и 971 годов, Русская Правда как правовые памятники периода существования Киевской Руси; 2) такие источники польского и литовского уголовного законодательства, как Судебник Великого князя Казимира 1468 года и Статуты Великого княжества Литовского (Литовские Статуты 1526, 1566 и 1588 гг.); 3) нормы обычного права периода Запорожской Сечи, которые действовали в период ее существования в рамках Литовско-Русского государства, автономно от польско-литовского законодательства; 4) обычное право, польско-литовское законодательство, магдебургское право, Саксонское зеркало и другие - в период развития Украины в составе России на правах автономии; 5) Судебник 1497 года; 6) Судебник 1550 года; 7) Соборное Уложение 1649 года; 8) Воинский статут Петра I; 9) Императорские указы от 7 и 19 июля 1779 года; 10) Права, по которым судится малороссийский народ, 1743 года периода Гетьманщины; 11) Собрание малороссийских прав 1807 года; 12) Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года; 13) Статут о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 года; 14) Венгерское уголовное уложение о преступлениях и проступках 1879 года – как источник уголовного права той части современной Украины, которая пребывала под властью не России, а Австро-Венгрии; 15) Уголовное уложение 1903 года; 16) Уголовный кодекс УССР 1922 года; 17) Уголовный кодекс УССР 1927 года; 18) Уголовный кодекс УССР (Украины) 1960 года [2, 3].

Длительное время история развития уголовного права Украины неразрывно связывалась с историей развития уголовного права России. И такое положение вещей было вполне понятно и оправдано. Поскольку, даже предлагая периодизацию развития уголовного права Украины (в частности и ее уголовно-правовой политики), правоведы формировали ее по такому критерию, как развитие государственности.

Украинский ученый Н.И. Хавронюк своим исследованием истории развития уголовного права государств континентальной Европы демонстрирует, что Украина всегда, еще со времен существования ее в формате Киевской Руси как первого Украинского государства, была европейским государством, а потому основные тенденции развития украинского права, в т.ч. уголовного, по мнению ученого, совпадают с тенденциями развития права континентальной Европы. Анализ развития уголовного права Украины он осуществлял по таким периодам развития государства и права, как: 1) период до Киевской Руси (праславянское общество 5-9 века), который сложился во времена “военной демократии” 5-7 ст. (взяв за основу исследования Правду и Закон Русский, фактически это было обычное право); 2) Киевская Русь (9-13 столетия), правовыми источниками служили обычное право, договоры Руси с греками X ст., Русская Правда в ранней редакции (IX ст.), короткой и пространной редакциях [5], Статуты св. Владимира (Оленинская ред. XII ст., Синодальная редакция XIII ст.), Ярослава [6] и других князей; 3) в составе Литовского княжества, на территории которого действовали Литовские Статуты 1529, 1566 и 1588 годов (с XV ст.); 4) создание и функционирование Запорожской Сечи [7] (правовыми источниками стало обычное право и отдельные писанные законы [8]; 5) Гетманщина; 6) влияние уголовного законодательства России, которое, в свою очередь, формировалось в границах романо-германской правовой семьи с учетом уголовного законодательства “таких ярких ее представителей, как Франция, Италия, Германия, Австрия, Швеция” [9].

Н.И. Хавронюк указывает, что вместе эти правовые памятники создали в целом своеобразное старорусское право, которое, к сожалению, в силу определенных исторических условий не стало фактором развития и источником общеукраинского права, поскольку короткая редакция Русской Правды была открыта и опубликована только в 1738 г., Пространная редакция – в 1788 г., а серьезные исследования всех их

известных списков были осуществлены лишь в XIX-XX веках, потому уже не могли повлиять на украинское право [10]. Наверное, именно поэтому профессор Н.И. Коржанский, оценивая развитие украинского уголовного права, отмечал, что “история уголовного законодательства Украины очень бедна, ее практически нет” [11]. Объяснение этому выводу может быть только одно: правоведы однозначно связывают становление и развитие уголовного права Украины с развитием ее государственности.

Обращение к приведенной выше периодизации развития уголовного права Украины показывает, что, имея общие корни становления уголовного права с Россией (начиная отсчет со времен Русской Правды), довольно длительное время уголовное право Украины развивалось ответвленно от права российского, что было обусловлено историческими аспектами развития государственности в Украине. Таким образом, до момента, когда правовая система Украины, в том числе и уголовное право, снова стало развиваться под влиянием права российского, оно прошло самостоятельное развитие в периоды существования Украины в составе Литовского княжества, на территории которого действовали Литовские Статуты 1529, 1566 и 1588 годов (с XV ст.), во времена создания и функционирования Запорожской Сечи и Гетманщины. Именно правовые памятники этих периодов развития украинского уголовного права мы и рассмотрим.

Анализ таких правовых памятников, как Литовские Статуты в редакциях 1529, 1566 и 1588 годов, дают представление о развитии системы наказаний в период ликвидации государственности Украины и нахождения ее под властью Речи Посполитой (вторая половина XVI – первая половина XVII века), да и более позднего периода, поскольку последний из Литовских Статутов действовал на украинских землях вплоть до 1840 года. Литовский Статут является правовым памятником переходной эпохи в развитии уголовного права и поэтому содержит незначительное количество устоявшихся понятий. Украинские уче-

ные, оценивая позиции и значение действия Статутов Великого княжества литовского на формирование уголовно-правовой политики украинского государства, хотя бы сначала в составе княжества, а позже – Речи Посполитой, указывают, что законодательство этого периода уделяло значительное внимание вопросам преступления и наказания, предусматривалась разработанная система наказаний, которая, в отличие от закрепленной в нормативных актах Киевской Руси-Украины, знала большее количество жестоких и мученических страданий.

По решению Переяславской рады от 18 января 1654 г. значительная часть Украины – Левобережье и Киев вошли в состав России на правах широкой автономии. Поскольку на территорию Украины не распространялось действие российского права, там оставались действительными так называемые “предыдущие” (старые) права, а именно обычное право, польско-литовское законодательство и магдебургское право. В подтверждение этого 27 марта 1654 г. Жалованной грамотой московского царя Алексея Михайловича было установлено, чтоб Малороссия управлялась и судилась по своим стародавним правилам и законам. И хотя широкомасштабного внедрения российского законодательства на украинских землях не было, однако определенная интервенция осуществлялась через распространение актов общероссийского значения. Так, украинский ученый О. Гуржий утверждает, что для судопроизводства Гетманщины имели значение Петровские указы по вопросам уголовного права от 12 и 19 ноября 1721 г. [12]

В литературе справедливо отмечается, что изучение украинского права второй половины XVII в. заслуживает особого внимания, поскольку именно на этот период выпадает процесс становления национальной государственно-правовой системы Украины [13]. В научной среде неоднозначно решается вопрос о степени разработанности этого периода, поскольку одни ученые склонны считать ее достаточно полной [14], другие, напротив, считают, что это не так. Ссылаются при этом на не-

достаточную проработку и оценку исследователями, в частности, гетманских универсалов (универсалы гетмана Богдана Хмельницкого), как важного правового источника, который позволяет проанализировать процесс формирования уголовного права Украинского государства в середине XVII века. Самобытность универсалов видят в том, что в них нет ни одной ссылки на Литовские Статуты – основной источник уголовного права польско-литовского периода [15], так как они опираются на такие правовые источники Украинского государства, как: Зборовские статьи 1649 г. и привилегии польских королей, с 1654 года – Переяславско-Московские статьи и царские грамоты, Артикулы (статьи) Войска Запорожского 1648 г., казацкие военные обычаи и постановления старшинских рад [16].

Исследователи указывают следующие характерные особенности наказаний, которые упоминаются в этих документах: около четверти универсалов предусматривали смертную казнь – “на горле карати”, “жестоко казнити”, “шибеницею карати”; смертная казнь применялась, как правило, к крестьянам, простым казаками и казацкой старшине; такой вид наказания, как штраф, встречается очень редко, исключительно в случаях причинения потерпевшему материального ущерба; есть упоминания о тюремном аресте, который преимущественно использовался не как наказание, а как досудебный арест; встречается и конфискация имущества преступника – “и свое потеряешь и головою своею приплатишь” [17]. Таким образом, видно, что универсалы не указывали четко конкретный вид и меру наказания.

Особое место среди источников уголовного права занимают украинские казацкие обычаи. Запорожское казачество не признавало Литовские Статуты, а руководствовалось «здоровым глуздом» [18]. Неприятие запорожцами писаных законов, практически отсутствие таковых, объясняется их нежеланием отходить от идей свободной жизни. В свое время Д. Яворницкий говорил, что резкое противоречие между Запорожьем и Малоросси-

ей, с одной стороны, и Великороссией – с другой, в наибольшей мере стало проявляться во второй половине XVII века. В течение всего этого времени в Московском государстве происходит сильное развитие идей государственности; в Запорожье и Малороссии в это же время в наибольшей мере проявляется стремление к сохранению исконных прав и вольностей, а через них и к сохранению индивидуальности народа. [19]

Соблюдение обычаев и требований общественной жизни казачества гарантировалось неотвратимостью ответственности в виде сурового наказания [20], что было обусловлено особенностями существования общественной жизни казаков. Суровость системы наказаний, действующей на Сечи, объясняется, во-первых, тем, что среди вновь прибывших на Запорожскую Сечь были люди сомнительной моральности; во-вторых, тем, что войско жило без женщин и не находилось под их смягчающим влиянием на обычаи; в - третьих, казаки вели постоянную войну и потому для поддержания порядка в войске требовались особенно суровые меры реагирования [21]. Именно из-за неприятия писаных законов, редкого документирования исторических фактов и событий обычное право запорожцев остается недостаточно исследованным. Те же исследователи, которые искали феномен казацкого права, рассматривали в комплексе с другими и нормы, регулирующие порядок и условия выбора вида и размера наказаний, отмечают, что в зависимости от характера преступлений назначались разнообразные наказания. Популярным (распространенным), к примеру, было избивание (либо забивание) киями возле позорного столба [22] лиц, которые совершили конокрадство, ограбление купцов, нарушителей воинской дисциплины. Имущество погибшего на таком столбе передавалось в общее пользование. Смертная казнь в Запорожской Сечи происходила в виде отрубания головы, расстрела или повешения. Смертная казнь через повешение на виселице или подвешивание на железном крюке были заимствованы у немцев или поляков, а также бы-

ли и в санкциях Литовского Статута 1588 года [23]. Иногда применялась смертная казнь через насаживание на кол или закапывание живым в землю.

Вместе с физическим наказанием применялось и психологическое давление на преступника, благодаря чему достигалась цель специальной превенции. Применялись наказания, направленные на ограничение казацких вольностей, например, запрет занимать выборные казацкие должности. Исследователи акцентируют внимание на особенностях исполнения наказаний на Сечи: например, чтобы не “замарать” руки достойным лицам, проведение казни возлагалось на другого приговоренного к смерти. В отдельных случаях суд отлагал исполнение приговора до того времени, пока в тюрьму не попадал новый приговоренный к смерти.

Считалось, что пробуждение достоинства преступника является надежной преградой совершения им новых преступлений. Определенная жестокость уголовно-правовых норм обычного права на Сечи в целом не отпугивала людей, наоборот, их быт и обычаи распространялись на другие регионы страны [24]. Исследования истории казаков позволяют говорить, что телесные наказания применялись в основном за имущественные, экономические проступки, а смертная казнь – за совершение преступлений против личности [25]. Следует отметить, что не все историки единодушны во мнении о сугубо обычном характере казацкого права, в особенности о сформированной системе наказаний, которая была достаточно развитой и достаточно строгой. В связи с чем предполагают, что в основе становления и развития правовой жизни украинского казачества лежало как обычное, так и писаное (законодательно оформленное) право [26].

Характерными признаками уголовного права казаков считаются: широкое применение смертной казни и телесных наказаний; корпоративность (сословность); публичный характер; консерватизм; публичность применения наказаний. При этом калечащие наказания практически не применялись, поскольку калека не мог слу-

жить в войске [27]. На практике имели место случаи замены наказаний. Так, законченную по приговору суда женщину по ходатайству ее родственников и с высочайшего повеления миловали, заменяя это наказание. Таких случаев хотя и было немало, однако, указывают исследователи, они противоречили писаным нормам, предписывающим необходимость закапывания в землю женщин за убийство своих мужей.

Исследователи отмечают, что разные правовые нормы, действующие в тот период в Украине, часто противоречили друг другу. Нормы местного обычного права могли противоречить нормам Литовского Статута 1588 года, а те, в свою очередь, – магдебургскому праву, возникшему еще в XIII ст. и действовавшему в украинских так называемых привилегированных городах [28]. Это, в свою очередь, давало судебным органам Украины возможность по схожим делам выносить разные решения в зависимости от того, на какой источник они ссылались, и приводило к разного рода злоупотреблениям в судах. По мнению В. Кульчицкого, именно эти факторы, а также желание распространить на украинских землях действие общероссийского законодательства и стали причинами издания царского указа от 28 августа 1728 года о созыве кодификационной комиссии для составления проекта единого свода законов, который бы действовал на Украине [29]. Данный документ должен был бы регулировать важнейшие государственные и общественные отношения, позволил бы реорганизовать судоустройство и сбалансировать общественно-политическую жизнь Украины в качестве автономной единицы России. Документ, подготовленный в результате пятнадцатилетнего труда, именуемый “Права, по которым судится малороссийский народ”, оказался несколько запоздалым, поскольку Сенат уже подготовил планы “захвата” Гетманской Украины законами Российской империи [30].

Несмотря на то, что кодекс так и не вступил в действие, он высоко оценивается и современниками. Ученые полагают, что “по форме и внутренней структуре он от-

личается от всех других источников, которыми пользовалась комиссия [31], а также от Соборного уложения 1648 г. и других памятников права России, действовавших на тот период.

Уголовное право в соответствии с этим документом имело частноправовой характер, поскольку преследование лиц, совершивших преступление, в том числе и тяжкое, было, в основном, частным делом. Выбор наказания зависел от воли потерпевшего, а при его отсутствии – от воли его родственников. Были предусмотрены такие виды наказаний, как: смертная казнь, имевшая квалифицированные (четвертование, утопление, колесование, сожжение, закапывание живым в землю) и простые (повешение, отрубание головы) виды, калечащие и мучительные наказания, тюремное заточение, лишение чести (шельмование), изгнание, отстранение от должности, имущественные наказания (конфискация и выкуп), церковные наказания, среди которых самым распространенным было помещение в так называемую купу (железный обруч, которым охватывалась шея осужденного или его правая рука, которые приковывались к внешней стене церкви или колокольни) и заточение в монастырь, принудительная женитьба (при изнасиловании девушек), выговор [32]. С целью устрашения наказания, как правило, исполнялись публично [33].

На тот период времени сложилась парадоксальная ситуация, поскольку, несмотря на то, что сам документ так и не вступил в действие, его нормы реально действовали в жизни, ими на практике руководствовались суды, до первой половины XIX века, когда была установлена единая правовая система Российской империи и было покончено с правовой автономией Гетманщины [34]. Объясняется это тем, что нормы, положенные в основу «Прав, по которым судится малороссийский народ», фактически действовали в Украине. Основная их масса была симбиозом норм, содержащихся в таких действовавших правовых памятниках того периода общественной и правовой жизни Гетманской Украины, как: Литовский Статут 1588 года, Магдебург-

ское право, Саксонское Зерцало и обычное право. В частности, одним из таких источников стало Хелменское право, состоящее из 5 книг, одна из которых была посвящена уголовному праву [35].

1 мая 1846 г. на территории Украины начинает действовать один из основных источников уголовного права общероссийского масштаба: Уложения о наказаниях уголовных и исправительных.

Таким образом, система наказаний формировалась на протяжении истории развития уголовного права, всегда и повсеместно отображала господствующие (доминирующие) сначала в роду, общине, сообществе, позднее в государстве, взгляды и воззрения на правовую природу и характер отношений между преступником и обществом, сущность и цель наказания, пределы карательной деятельности государства и др. Исследование ее становления и формирования не ограничивается рассмотрением только лишь правовых памятников, соответствующего законодательства, действовавшего в тот или иной период развития государства. Система наказаний, сформированная в рамках какого-либо правового документа, тем не менее, является отражением и воплощением правовых обычаев, идей, воззрений, которые, в свою очередь, определяют и государственную уголовно-правовую политику. Более того, уже давно признано, что применение карательных мер принадлежит к числу древнейших социальных практик, которые издавна и повсеместно использовались на всех исторических этапах развития цивилизации, а интенсивность самих наказаний зависит от уровня цивилизованности общества.[36] Поэтому мы разделяем мнение профессора П.Л. Фриса, что рассматривать историю уголовно-правовой политики Украины, которая на протяжении столетий была лишена государственной независимости, лишь через призму истории уголовного права невозможно. Это, по его мнению, следует осуществлять и в контексте развития уголовно-правовых идей украинских мыслителей, путем анализа проектов нормативных документов, которые были разработаны, хотя и не внедрены в практи-

ку, трудов украинских ученых-правоведов [37].

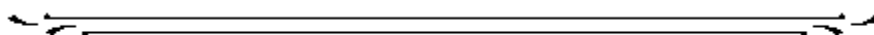
Таким образом, анализ правовых памятников и правовых обычаев, действующих на территории Украины-Гетманщины, позволяет говорить о том, что система наказаний не отличалась особой жестокостью. Следует согласиться с учеными, которые считают, что во время господства феодально-абсолютистского строя и первых буржуазных революций публичная квалифицированная смертная казнь в странах Европы была обычным явлением и осуществлялась преимущественно с целью устрашения. Подобная ситуация не была характерной для уголовно-правовых норм, действующих на территории Украины.

Уголовное право Украины, развиваясь в общеевропейском контексте и правовой традиции, вместе с тем имело национальные особенности. В процессе создания уголовно-правовых норм гетман и генеральное правительство ориентировались на украинские казацкие обычаи и традиции и стремились минимизировать влияние литовско-польского права, в том числе и в вопросах применения жестоких и мучительных наказаний, если они не вызваны крайней необходимостью. Отдельные виды жестоких наказаний, применяемых на Запорожской и других Сечах, были обусловлены особенностями существования общественной жизни казаков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попрас В.О. Штраф як вид покарання за кримінальним правом України: монографія. Харьков: Право, 2009. С.11.
2. Ковтун Н.Я. Види додаткових покарань для неповнолітніх : монографія. К.: Ін Юре, 2011. С. 11-24.
3. Денисова Т.А. Філей Ю.В. Кримінально-правові санкції та їх застосування за злочини проти власності: монографія. Киев: Центр учбової літератури, 2008. С. 17.
4. Хавронюк М.І. Історія кримінального права європейських країн : монографія. Киев : Істина, 2006. С. 59.
5. Источниками которой считают обычное право, законодательные постановления русских князей, судебные приговоры князей по конкретным делам в форме прецедентов, а также выводы духовенства и частные компецияції (посібники). См. Ключевский В. Русская история: Полный курс лекцій. Т.1. М., 2002. С.199-201.
6. Автор, ссылаясь на труды историков, говорит, что эти два статута - кодексы церковного судебного права – действовали на территории Украины вплоть до XVIII ст. , а Русская Правда – до середины XV ст. См. : Захарченко П.П. Історія держави та права України: Підручник. Киев, 2004. С.31,93.
7. Начало польского гнета во времена действия Люблинской унии, по которой в 1569 году украинские земли, находящиеся в составе Литовского княжества, отошли к Польше. См.: Ключевский В. Русская история: Полный курс лекцій. Т.1. М., 2002. С.274-277, 377.
8. Пакти і Конституції законів та вольностей Війська Запорізького. Див. : хрестоматія з історії держави і права України. Т.1. С.196-201.
9. Хавронюк М.І. Указ.раб. С. 72.
10. Там же. С. 70.
11. Коржанський М.Й. Кримінальне право і законодавство України. Частина Загальна: Курс лекцій. Киев: Атіка, 2001. С.52.
12. Гуржій О.І. Право в українській козацькій державі (друга половина XVII–XVIII ст.). Киев : Ін-т історії України АН України, 1994. 48 с.
13. Козаченко А. Злочини і покарання в Україні Гетьманщині за універсалами Богдана Хмельницького (1648-1657 роки) // Вісник Академії правових наук України. №4 (35). С.121.
14. Хавронюк М.І. Указ.раб. С. 72.
15. Козаченко А. Указ.раб. С.121.

16. Універсали Богдана Хмельницького . 1648-1657 /упорядники І. Крип'якевич, І. Бутич, ред. кол. В.Смолій та ін. Київ, 1998. №30. С.98; №31. С.99; №36. С.106.; №39. С.110; №41. С.111, №73. С.141-142; Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т.1. №119. С.322-329;
17. Козаченко А. Указ.раб. С. 124-125.
18. Здравым смыслом
19. Яворницький Д.И. История запорожских казаков. Киев: Наукова думка, 1991. Т.3. С.234.
20. Кудін С. Правові традиції Запорозької Січі // Закон і бізнес. 1999. 26 червня . № 26.
21. Яворницький Д.І. Історія запорізьких козаків. У 3-х томах. Т.1/пер. з рос. І.І. Сварника; упоряд. О.М. Апанович. Львів: Світ, 1990.С.50.
22. Грозовський І. Звичаєве право Запорозької Січі // Рад. право. 1991. № 10. С. 58–60; Он же. Козацьке право // Право України. 1997. № 6. С. 78–80; Он же. Феномен козацького права // Вісник АПрНУ України. 1997. № 3(10). С. 121–130.
23. Грозовський І.М. Феномен козацького права // Вісник АПрНУ. 1997. №3(10). С.121-130.
24. Гуржій О.І. Указ.раб.
25. Яворницький Д.І. Історія запорізьких козаків (у трьох томах). З російської переклав Іван Сварник.– Львів: Світ, 1990; Київ: Наукова думка, 1991; Козацькі Січі (нарис з історії українського козацтва XVI-XIX ст.). Київ:Запоріжжя, 1998.
26. Ластовський В. Історико-краєзнавчі дослідження пам'яток пізнього Середньовіччя// URL: <http://www.kozakbiblio.web-box.ru/naukovo-doslidnij-centr-chasi-kozack/vipusk-14/>
27. Денисова Т.А. Філей Ю.В. Указ.раб. С. 18.
28. Исследование истории становления и развития магдебургского права на территории Украины свидетельствует о том, что оно распространялось не только на города, но и на села, где могли действовать сельские суды, имевшие разную компетенцию. См.: Кобилецкий М. Суд і судочинство у селах німецького (магдебурзького) права Галичини (у XIV-XVIII ст.) // Підприємництво, господарство і право. 2003. №7. С.133-137.
29. Кульчицький В. Кодекс Українського права 1743 р. // Право України. 1994. №9. С. 28-29.
- 30.Лакизюк В.П. Полкові суди козацької доби та Гетьманської України (XVI-XVIII) // Вісник Верховного Суду України. 2006. №3 (67). С. 39.
31. Кроме обычного права, это были такие правовые источники, как Литовский Статут 1588 года и Саксонское зеркало. См.: Єремєєв І.С. Герби Гетьмана України. Київ, 1998. С.49.
32. Падох Я. Нарис історії українського права. Мюнхен, 1951. С. 88-108.
33. Кульчицький В. Указ.раб. С.29.
34. Там само.
35. Яковлів А. Український кодекс 1743 року “Права, за якими судиться малоросійський народ”. Мюнхен, 1949. С.41-42, 68.
36. Бачинин В.А. Философия права и преступление. Харьков: Фолио, 1999. С. 527.
37. Фріс П.Л. Кримінально-правова політика Української держави: теоретичні, історичні та правові проблеми. К.: Атіка, 2005. С. 64.

А.В. Ерохина

(Казанский юридический институт МВД России)

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПРОИЗВОДСТВА И ОБОРОТА ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ

На основании статистических данных ГИАЦ МВД России автор приходит к выводу, что преступление, связанное с производством и оборотом фальсифицированных лекарственных средств, посягает на два объекта - отношения в сфере обеспечения здоровья населения и отношения в сфере экономики. Однако анализ признаков общественной опасности производства и оборота фальсифицированных лекарственных средств, опрос сотрудников правоохранительных органов доказывают, что основным объектом преступных посягательств в сфере производства и оборота фармподделок является здоровье населения.

Ключевые слова: фальсифицированное лекарственное средство, производство и оборот фальсифицированных лекарственных средств, объект преступления, источник повышенной опасности, здоровье населения.

On the basis of statistical data The main information-analytical center the Ministry of Internal Affairs of Russia the author comes to a conclusion that the crime connected with manufacture and a turn of forged medical products, encroaches on two objects - relations in sphere of maintenance of health of the population and the relation in sphere to economy. However, the analysis of signs of public danger of manufacture and a turn of the forged medical products, poll of law enforcement officers proves that the basic object of criminal encroachments in manufacture and turn sphere фармподделок is population health.

Keywords: the forged medicine, production and a turn of the forged medicines, object of a crime, a source of the increased danger, population health.

Определение объекта преступного посягательства является исходным для криминализации деяний, дифференциации ответственности и наказания, поэтому объект посягательства, прежде всего, отражает общественную опасность деяния, вследствие которой оно признается преступлением. Проблема правильного определения объекта преступления имеет важное теоретическое и практическое значение для установления других элементов состава преступления, правильной квалификации преступления, ограничения его от других смежных составов преступлений, а также в

конечном итоге для выработки научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию уголовно-правовых норм.

Большинство ученых понимают под объектом преступления общественные отношения [1], так как наиболее важные общественные отношения не могут оставаться вне правового регулирования. Уголовный закон охраняет права субъектов правоотношений путем конкретизации юридической обязанности и установления репрессивного стимулирования к ее выполнению. В связи с этим неверно представлять объект преступления только как об-

щественный или индивидуальный интерес, поскольку только взгляд на претерпевающие ущерб общественные отношения в целом дает представление о всеобщности разрушительного воздействия каждого конкретного преступления. Поэтому мы будем придерживаться мнения Ю.С. Варанкиной, А.Я. Казакова, В.Д. Ларичева, которые под объектом преступления понимают «охраняемые уголовным законом социально значимые блага, интересы, которым в результате совершения преступления причиняется вред либо создается реальная угроза причинения такого вреда» [2].

В уголовном законодательстве не выделено самостоятельных составов преступлений в сфере производства и оборота лекарственных средств, что, на первый взгляд, создает определенные трудности в характеристике их объекта, так как в настоящее время Уголовный кодекс 1996г. предусматривает около 30 уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за фальсификацию лекарственных препаратов, среди которых одни правоведы выделяют ст.159 «Мошенничество», ст.171 УК РФ «Незаконное предпринимательство», ст.180 УК РФ «Незаконное использование товарного знака», ст.238 «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности» [3].

Широкий диапазон квалификации деяний в сфере производства и оборота фальсифицированных лекарственных средств наглядно демонстрирует широту защищаемых нормами социальных ценностей, что, в свою очередь, свидетельствует как о емкости понятия «преступность в сфере производства и оборота фальсифицированных лекарственных средств», так и об исключительном разнообразии самих отношений, которые могут быть дифференцированы по содержанию, характеру и сферам. Однако необходимо отметить, что внимание законодателя в рамках квалификации преступных действий в большей степени ориентировано на применение норм, охраняющих экономические интересы общества. Например, всего за 2009-

2011гг. по России по ст. 159 УК РФ возбуждено 74 уголовных дела, где предметом преступлений являются фальсифицированные лекарственные средства, по экономическим статьям всего возбуждено 91 уголовное дело (по ст. 171 УК РФ - 46, по ст. 180 УК РФ – 26, по ст. 171.1 УК РФ - 19), тогда как по ст. 238 УК РФ – 83.

Можно сделать вывод о том, что одной из главных особенностей преступного деяния в сфере производства и оборота фальсифицированных лекарственных средств является его многообъектность. В частности, при его совершении преступник посягает на общественные отношения, связанные:

1) с законной экономической деятельностью в сфере производства и оборота лекарственных средств; 2) со здоровьем населения.

Однако, по нашему мнению, производство и оборот фальсифицированных лекарственных средств, в первую очередь, посягает на жизнь и здоровье людей, так как употребление лекарств зависит от состояния здоровья населения, которое выступает главным условием социально-экономического развития общества и доминирующим фактором национальной безопасности.

Поскольку в настоящее время очевидной становится зависимость здоровья не только от самого человека, от его осознанного отношения к формированию, укреплению и сохранению своего здоровья, здоровья членов своей семьи и особенно детей, но и от проводимых лечебно-профилактических мероприятий и, прежде всего, от качественного и своевременного лекарственного обеспечения, раскроем пагубные последствия производства и оборота фальсифицированных лекарств для здоровья человека.

Эффективность лекарств дифференцируется в зависимости от особенностей человеческого организма. Так, к девяностым годам XX в. были найдены наследственные различия активности практически всех ферментов, опосредующих как первую, так и вторую фазы биотрансформации лекарств в организме. В специально проведенных исследованиях за рубежом было

показано, что тяжелые осложнения лекарственной терапии развиваются у миллионов людей, побочные реакции отмечаются в 5-10% клинических наблюдений [4]. Осложнения лекарственной терапии вышли на 4-6-е места среди причин смертности после сердечно-сосудистых, онкологических, бронхолегочных заболеваний и травм (для сравнения: смертность от осложнений лекарственной терапии в 10 раз выше, чем от хирургических вмешательств) [5]. Например, всем известен препарат анальгин, но практически никто не знает, что потребление данного лекарства приводит к агранулоцитозу - подавлению функций костного мозга, что влечет за собой снижение выработки кровяных телец, в частности, лейкоцитов.

А.В. Тихомиров пишет: «медицинская продукция являет собой источник повышенной опасности, поскольку связана с возможностью причинения вреда здоровью» [6]. М.Н. Малеина в число источников повышенной опасности в сфере врачебной деятельности предлагает включить рентгеновские установки, лазерные аппараты и лекарственные средства [7]. Если допустить, что средствами осуществления повышенной опасной деятельности являются источники повышенной опасности, т.е. объекты, обладающие вредоносными свойствами, а лекарственные средства как раз обладают и вредоносностью, и невозможностью полного контроля со стороны человека, то, следовательно, лекарственные средства отнесем к источникам повышенной опасности, поэтому и деятельность по использованию медпрепаратов, в силу особенностей связей «медицинский работник - лекарственное средство - пациент», можно считать представляющей повышенную опасность.

Заставляет задуматься следующий факт: коэффициент смертности в России за 2007-2011 гг. увеличился в показателях с 15 до 45. За этот же период объем продаж лекарственных препаратов примерно составил от 3 до 5 млрд долларов США. Данные цифры позволяют экспертам условно провести параллельные линии между коэффициентом смертности населения и объемом

продаж лекарственных препаратов [8]. Конечно, официальной статистики смертности от употребления фальсифицированных лекарственных препаратов у нас нет, так как сложно доказать причинно-следственную связь. Однако неслучайно в Концепции демографической политики РФ на период до 2025 года подчеркивается, что «уровень смертности населения обусловлен, в том числе, высоким уровнем заболеваемости населения» [9]. Соответственно, можно сделать вывод о неэффективности проводимых методов лечения, которые в большей части носят медикаментозный характер.

Если определенная часть зарегистрированных лекарственных средств, прошедших клинические исследования и зарегистрированных в установленном порядке, являются источником повышенной опасности, то получается, что лекарственные препараты, содержание которых не соответствует тому, которое указано на этикетке, то есть являющиеся фальсифицированными, а одним из результатов клинического исследования такого препарата может стать выявление побочных эффектов, несомненно, относятся к категории источников повышенной опасности для организма человека. Данный вывод подтверждается следующими примерами.

В Волгограде в 2009г. более тысячи пациентов были госпитализированы с серьезными осложнениями, связанными с применением фальшивого инсулина. В Смоленске в 2010г. был обнаружен неизвестный препарат для диабетиков, который при проверке оказался обычным раствором глюкозы. Небольшая доза такого препарата могла убить больного диабетом.

Если перейти к вопросу о дисфункциональном воздействии производства и оборота фальсифицированных лекарственных средств на национальное хозяйство и систему экономического управления, отметим, что с позиции институциональной теории характер и последствия дисфункционального, деструктивного воздействия изучаемого явления проявляется преимущественно в форме отрицательных экстерналий - внешних эффектов, которые при

достижении массового, масштабного характера неизбежно приводят к усилению макроэкономического неравновесия и энтропии, проявлению дисфункций в системе управления национальным хозяйством, вытеснению государства (как монополиста-производителя) с рынка чистых общественных благ и секвестированию его аллокационной функции, распространению внеэкономических форм конкурентной борьбы. Опасность производства и оборота фальсифицированных лекарственных средств состоит в том, что она представляет угрозу существования основаниям цивилизованных рыночных отношений как таковым, построенным на принципах свободы конкуренции и эквивалентного обмена. Крайне важно подчеркнуть, что, достигая тотальных размеров, эта преступность в конечном итоге препятствует социальному и научно-техническому прогрессу в обществе, сдерживая экономическое развитие и уводя ресурсы и капиталы от вложения в социально значимые сферы национального хозяйства.

Производство и оборот фальсифицированных лекарственных средств при институциональном перерастании в криминальную экономику приводит к подрыву конструктивных оснований легальных рыночных отношений, к изменению направленности вектора их воспроизводства в сторону усиления социальной несправедливости и имущественного расслоения граждан, а также нейтрализует действие ключевых рыночных императивов-принципов эквивалентности обмана, законов стоимости, равновесия спроса и предложения. В итоге множится спектр отрицательных последствий изучаемого явления.

Однако мнение о том, что основным объектом преступного посягательства в сфере производства и оборота фальсифицированных лекарственных средств является здоровье человека, прослеживается и у представителей общественности. Председатель комитета Государственной Думы по охране здоровья Т. Яковлева отмечает, что фальсификация лекарственных средств является преступлением против безопасности человечества, сравнимым с приме-

нением оружия массового уничтожения и терроризмом: даже относительно небольшой объем фальсифицированных лекарственных средств, находящихся в обращении, может привести к катастрофическим последствиям [10]. Заместитель председателя Комитета Государственной Думы по охране здоровья А.М.Чухраев подчеркнул, что проблеме фальсификации лекарственных средств в первую очередь необходимо рассматривать как угрозу здоровью граждан и только потом с точки зрения экономического ущерба [11]. Экс-министр здравоохранения Т.Голикова заявляла, что «фальсифицированные лекарства вредны и опасны для здоровья, в лучшем случае потребитель отделается легким испугом, в худшем - летальный исход. Кроме того, подделки разрушают доверие общественности к системе здравоохранения, к фармацевтической промышленности и уполномоченным органам» [12]. «Фальсификация фармпрепаратов считается четвертым злом здравоохранения после малярии, СПИДА, курения, а смертность от побочных реакций лекарств входит в первую пятерку причин наравне с сердечно-сосудистыми, онкологическими, бронхолегочными заболеваниями и травматизмом. Фальсификация лекарств - это реальная угроза здоровью населения и значительный ущерб государству», - констатировал в интервью депутат Государственной Думы А.Беляков [13].

А.П.Горелик указывает, что «фальсифицированное лекарственное средство всегда представляет собой опасность для жизни и здоровья человека не только потому, что истек срок годности или что в нем содержатся опасные вещества, но и потому, что оно либо не оказывает помощи больному, либо приводит к обострению заболевания в связи с отсутствием в нем фармакологически активных веществ. Особую опасность фальсифицированные лекарства представляют для людей, страдающих хроническими заболеваниями и всегда имеющих при себе лекарства, способные снять приступ до прибытия квалифицированной медицинской помощи, принятие подобных лекарств представляет ре-

альную угрозу их жизни» [14]. Б.Д.Завидов подчеркивает, что «фальсификация наносит ущерб авторитету производителя, здоровью граждан, а также финансовый ущерб государству» [15].

Определение состояния здоровья является своеобразным фокусом, в котором преломляется действие социальной жизни общества, одного из важнейших свидетельств прогрессивности и достоинств государственного строя, политики государства [16]. Состояние здоровья сказывается на всех сферах жизнедеятельности общества, поскольку качественные характеристики здоровья определяют уровень социальной и экономической развитости общества. Так как здоровье населения – важнейшая ценность, являющаяся одним из необходимых оснований эффективного действия государственных, экономических и общественных структур, влияя на все стороны жизни общества, здесь наиболее отчетливо проявляется взаимодействие та-

ких систем, как человек – общество – государство [17]. Чем в обществе больше людей, тем сильнее государство. В целом, состояние здоровья населения достаточно точно отражает тенденции экономического развития и благосостояния страны [18]. Совершение преступлений, посягающих на здоровье, создает угрозу продолжительности активной жизни, ее воспроизводству в обществе, нарушает оптимальные условия труда и отдыха, препятствует формированию и развитию личности.

На основании вышеизложенного сделаем вывод о том, что основным объектом производства и оборота фальсифицированных лекарственных средств в первую очередь является здоровье человека, поэтому целесообразно статью, регламентирующую ответственность за производство и оборот лекарственных фальсификатов, разместить в главе 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности».

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 34; Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980; Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. М.: Юрист, 2004; Семенцова И.А. Уголовное право: Общая часть. Сер. «Сдаем экзамен». Ростов-на-Дону: «Феникс», 2003; и др.
2. См.: Ю.С. Варанкина, А.Я.Казаков, В.Д. Ларичев. Уголовно-правовая характеристика нецелевого расходования бюджетных средств. М.: Дело и сервис, 2011. С. 13.
3. См., например: Цапкевич Л.Е. Контрафактная и фальсифицированная продукция: проблемы и пути их решения // Право и экономика. 2009. № 6. С. 18; Ларичев В.Д. Преступность в сфере экономики (теоретические вопросы экономической преступности): монография. М.: ВНИИ МВД России, 2003. С. 35; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. В.И. Радченко. М.: Проспект, 2009. С. 281.
4. См., напр.: Johnson J.A., Boatman J.L. Drug-related morbidity. A cost-of-illness model // J. Arch. Intern. Med., 1995, Oct. 9; Imbs J.L., Pouyane P., Haramburu F. et al. Jatrogenic medication: estimation of its prevalence in French public hospitals. Regional Centers of Pharmacovigilance// Therapie. 1999. 54 (1).
5. См.: Лепахин В.К., Астахова А.В., Овчинникова Е.А., Овчинникова Л.К. Врачебные ошибки как причина осложнений лекарственной терапии // Качественная клиническая практика. 2002. N 1. С. 4.
6. См.: Тихомиров В.А. Медицинское право. Практическое пособие. М., 2008. С. 126.
7. См.: Малеина М.Н. Человек и медицина в современном праве. М., 2005. С. 146.
8. См.: Оборот фальсификата на рынке лекарств достигает 12% [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <http://www.yandex.ru>.

9. См.: Об утверждении концепции демографической политики РФ на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 09 октября 2007 г. № 1351 // Собрание законодательства РФ. 2007. № 42. Ст. 5009.

10. См.: Лекарственные средства и потенциальная опасность. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: hotline.pharmcontrol.ru/hotline/201

11. Там же.

12. См.: Пичугина Е. Борьбы с фальсификатом на фармацевтическом рынке [Электронный ресурс] Режим доступа WebMedInfo.ru – *Медицинский информационно-образовательный портал*.

13. См.: Драгунов П. И. Нет фальсификату на российском фармацевтическом рынке // Российская газета. 2010. № 4. С. 3.

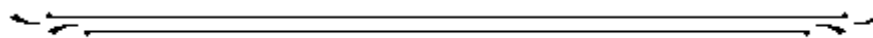
14. См.: Лекарственные средства и потенциальная опасность. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: hotline.pharmcontrol.ru/hotline/201

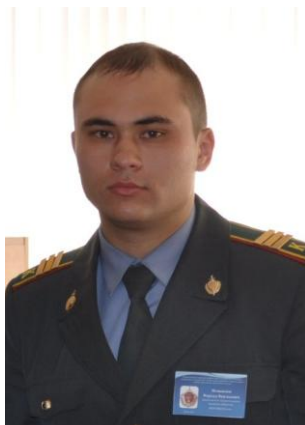
15. См.: Завидов Б.Д. Ущерб от производства и оборота фальсифицированной лекарственной продукции [Электронный ресурс]. База данных СПС «Гарант»

16. См.: Мирошниченко Н.А. Квалификация преступлений против здоровья населения: текст лекций. Одесса: Изд. ОГУ. 1984. С. 8.

17. См.: Шалагин А.Е. Преступления против здоровья населения: дис... канд. юрид. наук. Казань. 2004. С. 19.

18. См.: Добчинов С.Б. Здоровье населения как фактор и следствие качества жизни: региональный аспект: на материалах Республики Бурятия: дис.... канд. соц. наук. М. 2000. С. 44.

Ф.Ф. Исмаилов,
слушатель 5 курса
(Казанский юридический институт
МВД России)

А.А. Хайдаров,
кандидат юридических наук
(Казанский юридический институт
МВД России)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИНСТИТУТА ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

В статье исследуются современное состояние и значение института досудебного соглашения о сотрудничестве. Кроме того, авторами анализируются процессуальные проблемы механизма реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве, а также предлагаются конкретные пути решения выявленных проблем.

The article examines the current status and importance of the institution of pre-trial agreement on cooperation. In addition, the author examines the procedural problems of the mechanism of realization of the institution of pre-trial agreement about cooperation, and also proposes concrete ways of solution of the revealed problems.

Одной из наиболее важных тенденций современной уголовно-процессуальной политики выступает оптимизация уголовного судопроизводства посредством введения особых процедур, основанных на компромиссном разрешении уголовно-правовых споров. Как показывает современная зарубежная судебная практика, так называемые «сделки с правосудием», стимулируя положительное посткриминальное поведение индивида, вполне оправдывают себя, способствуя качеству и скорости расследования уголовных дел.

Ликвидация старых институтов российского уголовно-процессуального права и создание новых было обусловлено возникновением спроса на новые, отвечающие современным реалиям, институциональные формы. Важным является тот факт,

что в качестве новелл в уголовно-процессуальное право все больше вводятся не отдельные правовые нормы, а правовые институты, представляющие собой группу норм, регулирующих комплекс однородных общественных отношений [1].

Одним из наиболее резонансных и широко обсуждаемых феноменов российской уголовно-процессуальной материи следует признать институт досудебного соглашения о сотрудничестве.

Значение данного института не столько в упрощении разбирательства по делу, сколько в переходе к новому, основанному на компромиссе способу противодействия организованным формам преступной деятельности, к избирательности уголовной репрессии, расширению правовой базы для сотрудничества обвинительной стороны с обвиняемыми.

Значимым в созданной правовой процедуре представляется также то, что она призвана быть правовым инструментом раскрытия преступлений, изобличения преступников, ликвидации последствий преступной деятельности, предотвращения новых преступлений в обмен на смягчение уголовной ответственности тем обвиняемым, которые помогают государству в этом. Принципиально важно, что государство вступает в соглашение с обвиняемым, т.е. берет на себя обязательства, а не в императивном публично-правовом режиме проводит в жизнь принцип неотвратимости уголовной ответственности.

Отечественный институт «сделки с правосудием» вызвал неподдельный научный интерес и инициировал активный научный поиск, направленный на изучение и всесторонний анализ данного беспрецедентного феномена российской уголовно-правовой материи. Введенный федеральным законом №141-ФЗ от 29 июня 2009 года институт досудебного соглашения о сотрудничестве получил неоднозначные правовые оценки ученых и правоприменителей.

Анализируемому институту в действующем УПК РФ посвящена отдельная глава - 40.1, а также ряд норм, содержащихся в уголовном законодательстве, что наглядно свидетельствует о его комплексном характере. Согласно п. 61 ст. 5 УПК РФ, «досудебное соглашение о сотрудничестве - соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения».

По мнению большинства авторов, сама идея о сотрудничестве между обвинением и защитой есть реализация принципа целесообразности, здравый и адекватный подход к социально-экономическим реалиям, отразившийся, наконец, и в уголовно-процессуальных институтах [2].

В целом наметившуюся тенденцию к оптимизации и некоторому упрощению судопроизводства следует признать положительной, органически дополняющей

диспозитивные начала в российском уголовном процессе. Активное содействие обвиняемого (подозреваемого) расследованию, которое может выражаться не только в признании собственной вины, но и в изобличении других лиц, дает расследованию мощный «импульс», формирует необходимую доказательственную базу, т.к. позволяет обнаружить новые источники доказательственной информации, проверить ранее полученные сведения. Такой порядок уголовного судопроизводства выгодно отличается от предусмотренного главой 40 УПК, где обвиняемый лишь соглашается с обвинением, уже подкрепленным доказательствами, полученными следствием, причем делает это на этапе окончания расследования, при ознакомлении с материалами уголовного дела (ч. 5 ст. 217 УПК РФ). Влияя на ход судебного разбирательства, согласие с обвинением никак не сказывается на расследовании преступления. С учетом сказанного, не только обвиняемый (подозреваемый), но и следователь становится заинтересованным в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Вместе с тем реализация этой экономически выгодной и практически целесообразной идеи не может не вызывать определенных нареканий как с точки зрения законодательной техники и сбалансированности норм рассматриваемого института, так и практической целесообразности правовой регламентации тех или иных правоотношений. Относительная новизна, малоизученность и беспрецедентный характер досудебного соглашения о сотрудничестве не могли не отразиться на качестве и эффективности процессуально-правового регулирования данного института. В настоящее время пока существует немало проблем в правовом регулировании данного института и трудностей практического характера. Это позволяет сделать вывод о том, что институт соглашения о сотрудничестве в том виде, в котором он закреплен в УПК РФ, ни по форме, ни по содержанию не способен достичь тех целей, которые закладывал законодатель.

По нашему мнению, из всего многообразия пробелов и коллизий анализируемой законодательной новеллы целесообразней выделить наиболее существенные недостатки, которые сводятся к следующему.

В первую очередь отметим, что, согласно ст. 317.1 и 317.2 УПК РФ, обжаловать процессуальное решение следователя и прокурора об отказе в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве возможно только в ведомственном порядке. Так, процессуальное решение следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве возможно обжаловать руководителю следственного органа, а процессуальное решение прокурора – вышестоящему прокурору. На наш взгляд, необходимо предоставить возможность обжаловать указанные процессуальные действия следователя и прокурора также в судебном порядке. В ст. 19 УПК РФ провозглашен принцип права на обжалование процессуальных действий и решений суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя.

Считаем, что в главе 40.1 УПК, предусматривающей особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, существует пробел в части, касающейся возможности либо невозможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетними.

В случае если заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетними допустимо, то ст. 317.1 – 317.3 УПК РФ следует дополнить нормами, регламентирующими права и обязанности законного представителя несовершеннолетнего. Согласно разъяснениям Пленума Верховного суда от 29 июля 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»[3], положения главы 40.1 УПК РФ не применяются в отношении подозреваемых или обвиняемых, не достигших к моменту со-

вершения преступления возраста восемнадцати лет.

По нашему мнению, подобная формулировка не отражает сущности и назначения анализируемого института, всецело направленного на противодействие организованным формам преступной деятельности и проявлениям коррупции в российском обществе.

Кроме того, по нашему мнению, в данном вопросе необходимо руководствоваться также статистическими данными и положениями криминологической доктрины. Среди прочих криминологических характеристик иногда выделяется групповой характер преступной деятельности несовершеннолетних. Доля групповых преступлений в преступности несовершеннолетних (в зависимости от вида преступлений, возрастных категорий, территориального распределения) в 2-5 раз выше, чем аналогичный показатель преступности взрослых, и составляет примерно 55 %. Ежегодно более половины всех несовершеннолетних совершают преступления в составе групп. Доля преступлений, совершаемых несовершеннолетними в группах, неодинакова для различных видов преступлений. Наиболее часто в группах совершаются такие преступления, как разбойные нападения, грабежи и кражи [4].

Таким образом, учитывая во многом групповой характер преступной деятельности несовершеннолетних, целесообразней распространить положения института досудебного соглашения о сотрудничестве на несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых, обозначив соответствующие процессуальные особенности, связанные с участием законных представителей и педагога и определением процессуального статуса последних.

Существенным недостатком рассматриваемого института, по нашему мнению, является отсутствие законодательного предписания о процессуальных сроках, в течение которых прокурор обязан составить досудебное соглашение о сотрудничестве и подписать его с подозреваемым (обвиняемым) защитником после удовлетворения соответствующего ходатайства.

Отсутствие указанных процессуальных сроков не позволит следователю выбрать и выработать тактику расследования по делу в течение неопределенного периода времени. Более того, следователь, являясь участником подписания соглашения о досудебном сотрудничестве, сам его по какой-то причине не визирует.

Важно отметить и тот факт, что, согласно ч. 1 ст. 317.4 УПК РФ, предварительное расследование преступления, инкриминируемого лицу, заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве, осуществляется только в форме предварительного следствия. Не ясно, может ли проводиться предварительное расследование в форме дознания с лицом, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве?

Не совсем ясна цель, преследуемая законодателем при возложении на прокурора обязанности при утверждении обвинительного заключения и, соответственно, на суд (судью) - в ходе судебного разбирательства исследовать исполнение обвиняемым взятых на себя обязательств (ч.1 ст. 317.5 и ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ). Означает ли это, что прокурор или суд, придя к выводу, что качество и количество представленных обвиняемым сведений, не достаточно для смягчения ответственности и наказания, соответствующее соглашение «аннулируют», а дело будет рассмотрено в общем порядке? В принципе прокурор в своем представлении уже указывает на соблюдение обвиняемым всех возложенных на него обязательств.

Пожалуй, одним из наиболее серьезных вопросов анализируемого института выступают права и законные интересы потерпевшего. В литературе обращается внимание на проблемный характер статуса потерпевшего при заключении с подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве. Ряд авторов выступает за обязательное получение согласия потерпевшего при заключении подобного соглашения. Такая позиция не лишена оснований, поскольку потерпевший имеет законный интерес при восстановлении причиненного ему преступлением

вреда и восстановлении социальной справедливости.

Однако, по нашему мнению, законодательное закрепление необходимости получения согласия потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве не целесообразно. Кроме того, никаких нарушений прав и интересов потерпевшего не происходит. Высказываемое некоторыми юристами мнение о том, что уголовно-процессуальным законом должно быть обеспечено право потерпевшего на участие в заключении досудебного соглашения, представляется необоснованным, поскольку последствия заключения такого соглашения не влияют на возможность реализации прав потерпевших на любых этапах уголовного судопроизводства.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, целесообразность заключения досудебного соглашения о сотрудничестве обусловливается острой необходимостью эффективного противодействия организованным формам совершения преступлений[6]. Необходимо отметить, что интересы потерпевшего не связаны с потребностью противодействия организованной преступности, не предусматривают установление всех эпизодов преступления, избличения соучастников. Для достижения вышеназванных целей законодатель идет на такой шаг путем введения в отечественное уголовное судопроизводство института досудебного соглашения о сотрудничестве. Окончательное (но, к сожалению, не законодательное) разрешение подобной ситуации нашло отражение в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ от 29 июля 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». Пленум разъяснил, что возражения потерпевшего сами по себе не выступают основанием для отказа в заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве.

Серьезным пробелом действующего уголовно-процессуального закона является

отсутствие в статьях 46 и 47 УПК соответствующего пункта, предусматривающего возможность заключения со стороны обвиняемого досудебного соглашения о сотрудничестве. В связи с этим возникает вопрос: когда и каким образом подозреваемый (обвиняемый) узнает о своем праве заключить соглашение о сотрудничестве со всеми вытекающими из него юридическими последствиями? На наш взгляд, следует внести соответствующие изменения в ст. 46 и 47 УПК, направленные на более качественное и эффективное применение рассматриваемого института.

Важно также отметить, что статья 37 УПК РФ, закрепляющая основные полномочия прокурора, не содержит указания на его возможность заключать досудебное соглашение о сотрудничестве с подозреваемым или обвиняемым. Представляется необходимым дополнить соответствующим пунктом право прокурора заключать с подозреваемым или обвиняемым досудебное соглашение о сотрудничестве. Такое право прокурора на данный момент содержится в ч. 5 ст. 21 УПК, предусматривающей обязанность осуществления уголовного преследования.

На наш взгляд, закрепление подобного права в статье, регламентирующей обязанность уголовного преследования, при наличии специально посвященной полномочиям прокурора статье 37 УПК, является необоснованным, нарушающим целостность, логику и системный характер уголовно-процессуального законодательства. Что также требует соответствующих законодательных изменений.

Серьезным недостатком института досудебного соглашения о сотрудничестве считаем отсутствие в главе 40.1 УПК оснований для отказа в удовлетворении ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Подобный вывод непосредственно вытекает из содержания статей 317.1 и 317.2 УПК. В практической деятельности правоохранительных органов это создает условия для субъективизма следователя и прокурора относительно возможности заключения досудебного соглашения подозре-

ваемым или обвиняемым. А это означает, что установленное законом право подозреваемого или обвиняемого о рассмотрении их уголовного дела в особом порядке может быть нарушено.

Представляется, что законодатель не вполне корректно в ч. 2 ст. 317.3 УПК определил содержание самого досудебного соглашения о сотрудничестве. Так, согласно п. 4 ч. 2 ст. 317 УПК РФ, данное соглашение должно содержать: описание преступления с указанием времени, места его совершения, а также других обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с пунктами 1-4 части первой статьи 73 УПК РФ, что предполагает установление к моменту заключения соглашения не только события преступления (времени, места, способа и других обстоятельств совершения преступления), характера и размера вреда, причиненного преступлением, но и виновности лица в совершении преступления, формы его вины и мотивов, а также обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого.

Согласно ч. 2 ст. 317.1 УПК досудебное соглашение о сотрудничестве может быть заключено с момента начала уголовного преследования до объявления об окончании предварительного следствия. Таким образом, если в отношении обвиняемого данное требование можно признать обоснованным, то в отношении подозреваемого, с которым в силу положений ст. 317.1 УПК также может быть заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, такие требования ч. 2 ст. 317.3 УПК представляются излишними. К моменту формирования подозрения у следователя нет уверенности в виновности подозреваемого в совершении преступления и знаний о мотивах его совершения, т. к. в этом случае следователь, в силу указаний ч. 1 и 2 ст. 171 УПК РФ, должен немедленно формулировать обвинение. Подозрение же традиционно понимается как вывод органов предварительного расследования о причастности лица к совершению преступления, основанный на неполных знаниях о расследуемом преступлении и лице, его совершившем. Поэтому при заключении досудебного соглашения о

сотрудничестве с подозреваемым требования п. 4 ч. 2 ст. 317.3 УПК просто неисполнимы, что неизбежно повлечет трудности в правоприменительной практике [7].

При решении вопроса о содержании досудебного соглашения, заключаемого с подозреваемым, думается, необходимо руководствоваться положениями ч. 2 ст. 223.1 УПК РФ, которая впервые в отечественном уголовно-процессуальном праве определила объем знаний следственных органов, необходимый и достаточный для формирования подозрения. Пункт 4 ч. 2 ст. 223.1 УПК РФ разъясняет, что в уведомлении о подозрении должны быть отражены описание преступления с указанием места, времени его совершения, а также обстоятельств, подтверждающих характер и размер вреда, причиненного преступлением. Представляется, что в досудебном соглашении, заключаемом с подозреваемым, должны быть отражены обстоятельства, определившие формирование подозрения, обозначенные в п. 4 ч. 3 ст. 223.1 УПК РФ.

Очередным недостатком главы 40.1 УПК выступает необоснованно расширительное обозначение пределов обжалования обвинительного приговора, вынесенного в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Так, ч. 7 ст. 317.7 УПК не устанавливает каких-либо ограничений для обжалования обвинительного приговора суда, постановленного в рамках особого порядка судебного разбирательства. Представляется, что подобное широкое обозначение пределов обжалования не со-

ответствует сущности и специфике особого порядка судебного разбирательства, в котором отсутствует исследование фактических обстоятельств уголовного дела. В разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ от 29 июля 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» указывается, что качественное регулирование института досудебного соглашения о сотрудничестве должно находить отражение в законодательных актах, а не в материалах судебной практики.

Таким образом, кратко рассмотрев основные процессуальные проблемы, препятствующие реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве, отметим, что правовая регламентация данного института требует срочной корректировки, в противном случае ему не суждено заработать надлежащим образом и реализовать свое назначение. Несомненно, возможны и другие недоработки законодателя в области рассматриваемого института, однако именно вышеуказанные являются наиболее значимыми и существенно влияющими на его «жизнеспособность».

Введение в действующее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство института досудебного соглашения о сотрудничестве является несомненным шагом вперед, но необходимо надлежаще урегулировать данное положение в законодательстве, устранить ряд пробелов и коллизий при его применении и реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов А.С., Лантух Н.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном судопроизводстве России: пособие. СПб., 2011. С. 3.
2. Александров А.А., Александрова И.А. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК // Уголовный процесс. 2009. № 8. С. 3.
3. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. №9. С.2-4.
4. Малков В.Д. Криминология: учебник для вузов. М., 2010. С. 350-351.
5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 2011 г. №1481-О-О. По жалобе граждан Ковальчука В.С. и Ковальчук Т.Н. на нарушение их конституционных прав частью 2 ст. 317.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.
6. Баранова М.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы правовой регламентации // Вестник Саратовской государственной академии права. 2010. № 7 (71). С.160.

А. П. Мазуренко,
магистр 2 года обучения
Института физики К(П)ФУ

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РИСКОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СИСТЕМАХ

В статье рассматриваются прикладные методы анализа рисков информационной безопасности в автоматизированных системах на основе систем уравнений Колмогорова. Рассматриваемые подходы позволяют проводить статистический анализ протекающих в автоматизированных системах процессов, могут быть применены в создании экспертных систем и в целях прогнозирования возможных атак и зон ненадежности.

Ключевые слова: информационная безопасность, анализ рисков, уравнения Колмогорова, экспертная система.

The article considers the applied methods of analysis of risks of information security in automated systems on the basis of systems of equations of Kolmogorov. The considered approaches allow to carry out statistical analysis taking place in the automated systems of processes that can be applied in the creation of expert systems and to predict the possible attacks and zones of insecurity.

Keywords: information security, risk analysis, equations of Kolmogorov, expert system.

Современные условия функционирования систем защиты информации предполагают чрезвычайно динамичное развитие и высокую скорость реакции на возникновение и изменение внешних угроз. Для выполнения данной задачи активно используются различные экспертные системы.

Перспективным механизмом для реализации таких систем нам представляется вероятностный анализ процессов, протекающих в автоматизированной системе. Некоторые возможные реализации вероятностных моделей изолированных автоматизированных систем, а также анализ марковских процессов в этих системах с помощью формирования графа спонтанных переходов и построения на основе них системы уравнений Колмогорова рассматривались в некоторых работах [1]. Перспективным в практическом смысле развитием этой идеи представляется более подробное рассмотрение автоматизированной системы с описанием ее составных частей и влияния выхода из строя одних из них на

надежность функционирования других и системы в целом, а также рассмотрением самого процесса реализации атаки на автоматизированную систему. Рассмотрение состава современных систем защиты информации не является предметом данной статьи, поэтому в рамках данной работы будем считать, что система защиты информации состоит из трех простых элементов (для примера рассматривается система из антивирусной системы, межсетевого экрана и системы шифрования критических данных). На этапе разработки модели такой подход позволит упростить теоретические выкладки без ограничения общности решаемой задачи. Добавление или исключение элементов системы защиты информации может производиться итеративно, тем же способом, что построение описываемой системы.

Процесс развития атаки на автоматизированную систему можно представить в виде трехдольного графа (рис. 1).

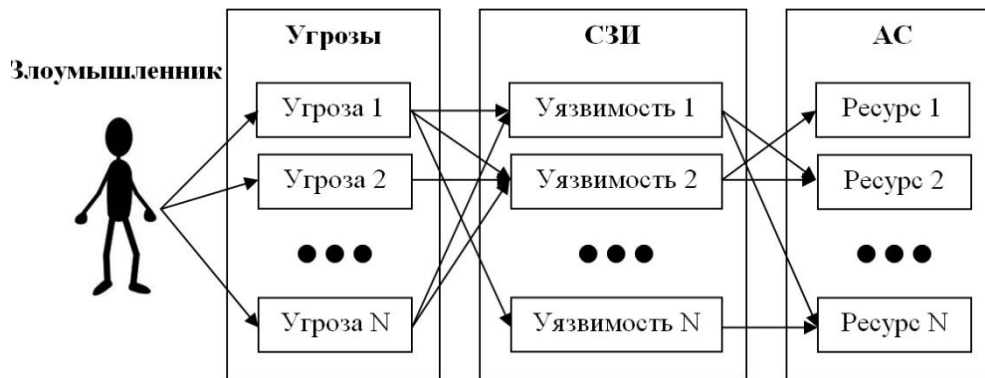

Рис. 1. Процесс развития атаки на автоматизированную систему.

Таким образом, автоматизированная система обладает набором полезных ресурсов, используемых в ходе ее функционирования. Система защиты информации обладает набором возможных уязвимостей, через которые реализуются некоторые возможные угрозы. Задача злоумышленника, осуществляющего атаку – обнаружить и реализовать угрозу через доступную уязвимость и, в результате, повредить или захватить какие-либо ресурсы автоматизированной системы, тем самым нарушив ее функционирование.

Серьезной проблемой применяемых на практике статистических моделей является необходимость набора статистики функционирования системы. Чем больше и полнее накопленный объем статистических данных, тем точнее может быть дан прогноз.

Типичными условиями применения экспертных систем на основе вероятностного анализа процессов можно считать их применение к уже функционирующей системе, статистика по которой, как правило, ограничивается логами систем защиты информации и журналом инцидентов. Экспертные методы позволяют частично исключить присутствующие в данных источниках ошибки первого и второго рода и получить пригодные для первичной оценки данные. Точность таких методов, ввиду субъективности, невелика, однако она может быть несколько повышена при декомпозиции и, следовательно, упрощении задачи. При построении нашей модели мы ограничимся частью графа, приведенного на рис. 1, приходящей к единственному ресурсу автоматизированной системы. Такое выделение

элементов позволит проанализировать вероятность выхода из строя одного из ресурсов автоматизированной системы, при этом общность решаемой системы не нарушается: для остальных ресурсов анализ может быть повторен.

Прямое описание угроз и уязвимостей реальной системы чрезвычайно сложно реализовать, поскольку их статистику, как правило, значительно сложнее восстановить, чем статистику инцидентов. В связи с этим мы не будем производить попыток формализовать угрозы и уязвимости для анализируемой системы в общем виде, ограничившись описанием состояний, вызванных нарушением работоспособности элементов системы защиты информации или их группы. Такой подход позволит максимально упростить восстановление статистики и интерпретацию результатов для реальной системы, сохраняя возможность анализа сложных систем и многоступенчатых атак.

Система, используемая в нашей модели, будет состоять из трех базовых состояний: S_0 – работа системы в нормальном режиме, S_1 – система атакована, S_2 – работоспособность системы нарушена, исследованный ресурс поврежден или захвачен. Кроме того, в системе присутствуют до

$$\sum_{k=1}^N \frac{N!}{k! (N-k)!} \quad (1)$$

состояний нарушенной работоспособности [2], где N – число рассматриваемых элементов системы защиты. Для нашего слу-

чая (3 элемента) таких состояний может быть до семи, обозначим их $S_{n1, \dots, l}$, где индексами обозначены антивирусная система (индекс 1), межсетевой экран (индекс 2) и система шифрования (индекс 3) критических данных. В данных состояниях часть элементов системы (с номерами, соответствующими индексам $i, \dots, l$) защиты неработоспособна или захвачена.

При таком подходе атака развивается следующим образом: злоумышленник атакует нормально функционирующую систему, и она переходит в атакованное состояние, результатом атаки может быть

нарушение функционирования системы, то есть повреждение выбранного ресурса или нарушение работоспособности одного или нескольких элементов системы защиты информации, через которые уже осуществляется дальнейшее развитие атаки (многоступенчатая атака).

Для рассматриваемой системы возможны переходы из S_1 в S_{n1} , S_{n2} , S_{n3} и S_{n12} , из S_{n1} в S_{n12} и S_1 , из S_{n2} в S_{n12} и S_1 и сложное состояние S_{n12} . Граф состояний такой системы приведен на рис. 2.

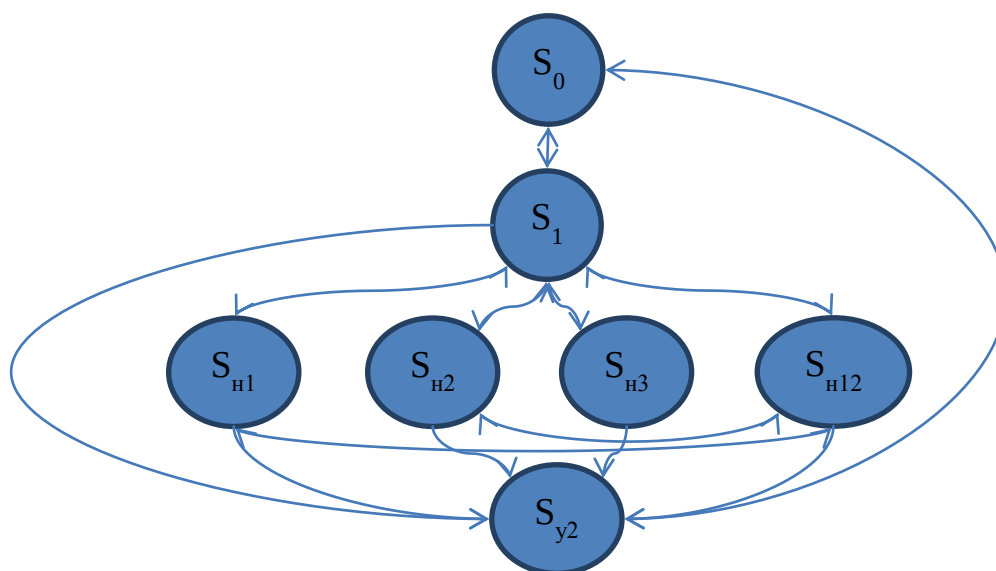

Рис. 2. Граф состояний реальной системы.

Уравнения Колмогорова [3] для данной системы примут следующий вид (4):

$$\dot{P}_0 = \lambda_{1;0} \cdot P_1(t) + \lambda_{y2;0} \cdot P_{y2}(t) - \lambda_{0;1} \cdot P_0(t) \quad (2.1)$$

$$\dot{P}_1 = \lambda_{0;1} \cdot P_0(t) + \lambda_{n1;1} \cdot P_{n1}(t) + \lambda_{n2;1} \cdot P_{n2}(t) + \lambda_{n3;1} \cdot P_{n3}(t) + \lambda_{n12;1} \cdot P_{n12}(t) - (\lambda_{1;0} + \lambda_{1;n1} + \lambda_{1;n2} + \lambda_{1;n3} + \lambda_{1;n12} + \lambda_{1;y2}) \cdot P_1(t) \quad (2.2)$$

$$\dot{P}_{n1} = \lambda_{n12;n1} \cdot P_{n12}(t) + \lambda_{1;n1} \cdot P_1(t) - (\lambda_{n1;n2} + \lambda_{n1;n12} + \lambda_{n1;y1}) \cdot P_{n1}(t) \quad (2.3)$$

$$\dot{P}_{n2} = \lambda_{n12;n2} \cdot P_{n12}(t) + \lambda_{1;n2} \cdot P_1(t) - (\lambda_{n2;n1} + \lambda_{n2;n12} + \lambda_{n2;1}) \cdot P_{n2}(t) \quad (2.4)$$

$$\dot{P}_{n3} = \lambda_{1;n3} \cdot P_1(t) - (\lambda_{n3;1} + \lambda_{n3;y2}) \cdot P_{n3}(t) \quad (2.5)$$

$$\dot{P}_{n12} = \lambda_{n1;n12} \cdot P_{n1}(t) + \lambda_{n2;n12} \cdot P_{n2}(t) - (\lambda_{n12;n1} + \lambda_{n12;n2} + \lambda_{n12;1} + \lambda_{n12;y2}) \cdot P_{n12}(t) \quad (2.6)$$

$$\dot{P}_{y2} = \lambda_{n1;y2} \cdot P_{n1}(t) + \lambda_{n2;y2} \cdot P_{n2}(t) + \lambda_{n3;y2} \cdot P_{n3}(t) + \lambda_{n12;y2} \cdot P_{n12}(t) + \lambda_{1;y2} \cdot P_1(t) - \lambda_{y2;0} \cdot P_{y2}(t) \quad (2.7)$$

Для характерных для практических систем чисел результирующие функции могут иметь такой вид (см. рис.3).

На графике рис. 3 по оси абсцисс отложено время, по оси ординат – вероятности, линиями обозначены: сплошная черная – S_0 , точечная черная – S_1 , точка-пунктирная черная – $S_{н1}$, пунктирная черная – $S_{н2}$, сплошная серая – $S_{н3}$, пунктирная серая – $S_{н12}$, точка-пунктирная серая – S_{y2} . Полученные кривые наглядно демонстрируют процессы, которые будут протекать в системе. После приблизительно двух недель ее работы вероятности падения антиви-

русной системы или межсетевого экрана весьма велики, вероятность падения их обеих или системы шифрования – значительно меньше. Вероятность повреждения исследуемого ресурса имеет пик в районе десятого дня, но, в целом, имеет небольшую величину.

Таким образом, такой подход позволяет численно охарактеризовать устойчивость автоматизированной системы и системы защиты в ее составе поэлементно на основе статистических данных о них, не прибегая к чрезмерно сложным вычислениям.

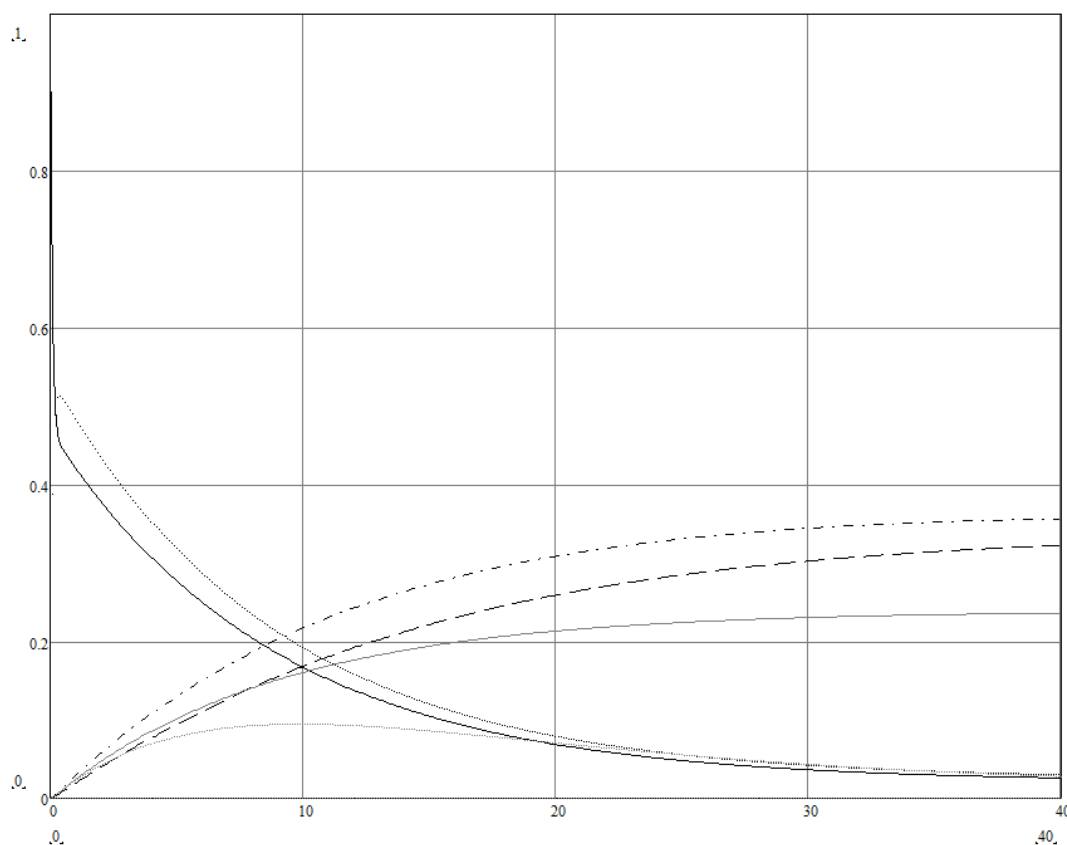

Рис. 3. Результирующие функции вероятностей

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов К. В. Оптимизация процессов восстановления автоматизированной системы после сбоев// Инфокоммуникационные технологии глобального информационного общества. М., 2005. С. 90.
2. Гихман И. И., Скороход А. В. Теория случайных процессов, Том 1. М.: Наука, 1971. 664 с.
3. Гнеденко Б. В. Курс теории вероятностей. М.: Едиториал УРСС, 2005. 448 с.

И.Б. Эйдельман,
аспирант
(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АГЕНТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СПОРТЕ

Сложность правовой конструкции агентской деятельности в спорте на уровне национально-правового регулирования породила в отечественной правовой науке отдельные направления в понимании её сущности и правовой природы. В настоящей статье освещаются основные научные подходы к правовой идентификации деятельности спортивных агентов в Российской Федерации с целью обоснования авторских предложений по совершенствованию законодательной концепции регулирования агентских отношений в спорте.

Ключевые слова: спортивное право, спортивный агент, спортивные федерации, договор агентирования.

In jurisprudence there were separate concepts about understanding of activity of sports agents. The reason of it became complexity of legislative regulation of agency activity. To prove offers of the author on change of legal regulation in this area, in article these concepts are analysed.

Keywords: the sports law, the sports agent, the sports federations, the contract of agency service.

В отличие от правовой неопределённости, наблюдаемой на международном уровне по вопросам агентской деятельности в спорте, национальное законодательство Российской Федерации в этой связи представляется более обстоятельным. Агентские отношения первоначально подчинены нормам гражданского законодательства, содержащего положения о договоре агентирования, который оформляется между спортивным агентом и его клиентами. Однако недостаточное регулирование со стороны отечественного законодательства данной сферы отношений скрывает за собой серьёзную полемику в научном сообществе, которая берёт свои истоки из дискуссий о международно-правовой регламентации агентских отношений в спорте.

Камнем преткновения между учёными остаётся вопрос об источниках правового регулирования агентской деятельности. Многие сторонники самостоятельности отрасли спортивного права считают, что агентские отношения в спорте должны

подчиняться нормам специального физкультурно-спортивного законодательства [2, С. 28; 4, С. 47]. Собственно, при установлении круга международно-правовых источников регулирования рассматриваемой деятельности мы вполне разделяем такую позицию, а опыт отдельных зарубежных стран в правовой регламентации агентских отношений в профессиональном спорте лишний раз заставляет задуматься о неполноте российской физкультурно-спортивной законодательной базы. Представителями этой концепции отмечается, что ряд государств разработали и внедрили в свои национальные правовые системы специальные нормативные правовые акты, регламентирующие профессиональную деятельность спортивных агентов. Так, в США действует два подобных акта – Универсальный акт о спортивных агентах 2000 г., который установил национальную систему лицензирования деятельности агентов в профессиональном спорте, и Акт о деятельности спортивных агентов 2004 г.,

который позволяет распространять услуги агентов также в любительском и студенческом спорте [1, Р. 10]. При этом следует учесть то обстоятельство, что многие штаты пользовались своей прерогативой в регулировании агентской деятельности до появления общефедеральных стандартов.

Однако первопроходцем в установлении специальных правовых норм о спортивных агентах считается Франция, при этом её законодательные положения о спортивной деятельности признаны наиболее строгими в мире [26, С. 25]. В отличие от США, во Франции отдельного закона, регламентирующего спортивную агентскую деятельность, нет. Вместе с тем ей посвящена статья 15-2 Закона о спортивной деятельности №84-610 от 16.07.1984 г. С 1992 года на территории французской республики введено обязательное лицензирование профессиональной деятельности спортивных агентов. Примечателен тот факт, что данное требование распространяется абсолютно на любого соискателя, претендующего на статус спортивного агента. Из перечня функций спортивного агента исключены юридические услуги, что также плохо согласуется со стандартами международных спортивных федераций. Агентом в профессиональном спорте может быть признано практически любое лицо, занимающееся подобной деятельностью, даже если его цель не заключалась в извлечении прибыли, а сама деятельность не имела систематического характера. В силу данного правила агентская деятельность в спорте выведена из сферы действия гражданского и торгового законодательства, что позволяет рассматривать её и в качестве отдельного вида предпринимательской деятельности, и в плоскости социальной деятельности. Тем не менее, занятие такой деятельностью без специального разрешения карается достаточно сурово – тюремным заключением на срок до одного года со штрафом в размере 15 тысяч евро. При всём при этом французское законодательство устанавливает обязательность страхования профессиональной ответственности спортивного агента.

Таким образом, современные государ-

ства способны устанавливать особый правовой режим агентской деятельности в спорте и вовсе не обязаны руководствоваться неправовыми нормами спортивных федераций, даже если последние признаны на международном уровне.

Применительно к законодательству Российской Федерации говорить о наличии каких-либо специальных норм об агентской деятельности в спорте не представляется возможным, несмотря на тот факт, что физкультурно-спортивное законодательство развивается в нашей стране довольно динамично. На данный момент отечественное спортивное законодательство представлено лишь Федеральным законом от 2007 г. «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [28] (далее – Закон о спорте). Многие учёные оценивают его, в целом, как результат положительной динамики развития спортивного законодательства в России, поскольку он, несмотря на некоторые несовершенства, во многом соответствует современному состоянию спорта в стране [11, С. 20]. Определяя предмет регулирования данного закона, сторонники спортивно-правовой природы агентской деятельности отмечают, что Закон о спорте распространяется на правовые, организационные, экономические и социальные основы деятельности в области физической культуры и спорта. Естественно, деятельность спортивных агентов, по мнению сторонников этой теории, в полной мере соответствует сформулированному в статье 1 Закона о спорте предмету его регулирования. Спортивный агент занимается выполнением поручений спортивных организаций и спортсменов в части установления между ними профессиональных отношений, юридическим сопровождением, решает многие финансовые и страховые вопросы, а также оказывает комплекс других сопутствующих услуг. В структуре данной деятельности можно наблюдать и правовые, и организационные, и экономические, и даже социальные аспекты, напрямую связанные со сферой спорта. Именно таким аргументом руководствуются сторонники спортивно-правовой природы агентской деятельности

на национальном уровне. Они отмечают, что благодаря принципам, закреплённым в Законе о спорте, национальные спортивные федерации обладают практически неограниченной возможностью вмешиваться в регулирование агентских отношений в спорте, что, в общем, является признанной мировой практикой. В частности, в статье 3 Закона о спорте подчёркивается сочетание государственного регулирования отношений в области физической культуры и спорта с саморегулированием таких отношений субъектами физической культуры и спорта. А в силу статьи 16 спортивные федерации наделены правом разрабатывать с учётом правил, утвержденных международными спортивными федерациями, правила соответствующих видов спорта, а также утверждать нормы, устанавливающие права и обязанности, в том числе спортивные санкции, для признающих такие нормы субъектов физической культуры и спорта. Именно такую картину можно наблюдать сегодня в части регламентации спортивными федерациями агентской деятельности по соответствующему виду спорта.

В силу факта отсутствия на национальном уровне специальных правовых норм, посвящённых агентским отношениям в спорте, рассматриваемая модель регламентации данной деятельности кажется вполне удачной. Вместе с тем, на наш взгляд, применение положений Закона о спорте в нынешнем его состоянии к деятельности спортивных агентов неоправданно и порождает внутрисистемные юридические коллизии. Так, в статье 5 Закона о спорте приводится достаточно подробный перечень субъектов физической культуры и спорта в Российской Федерации, среди которых названы различные государственные и общественные организации, граждане, занимающиеся физической культурой, спортсмены и их коллективы, а также специалисты в данной области. На первый взгляд может показаться, что именно к такого рода специалистам могут относиться спортивные агенты. Однако по смыслу той же статьи 5 Закона о спорте к лицам, которые официально признаны государством спе-

циалистами физкультурно-спортивного сектора, относятся спортивные судьи, тренеры и иные категории, перечень которых утверждён соответствующим федеральным органом исполнительной власти. Действительно, такой перечень был принят в 2010 г. Министерством спорта, туризма и молодёжной политики [25], но наименование «агент» в качестве спортивного специалиста там отсутствует.

Это позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, спортивные агенты законодательно не признаны субъектами физической культуры и спорта. Во-вторых, на их деятельность не могут распространяться положения Закона о спорте. В-третьих, многие спортивные федерации, присвоив себе нормотворческие функции, в настоящий момент незаконно устанавливают требования и ограничения к агентской деятельности в соответствующем виде спорта, поскольку Законом о спорте они имеют право разрабатывать подобные нормы исключительно к субъектам физической культуры и спорта, к которым спортивные агенты, в соответствии с логикой закона, не относятся.

Однако известно, что многие локально-нормативные акты российских спортивных федераций приняты на базе международных стандартов, разработанных неправительственными спортивными организациями. Не являются исключением на этом фоне и регламенты, призванные упорядочить деятельность спортивных агентов. Тот факт, что агентская деятельность в спорте не имеет на сегодняшний день спортивно-правовой природы, ещё не должен означать, что подобные документы, принятые спортивными федерациями, не имеют абсолютно никакой юридической силы. В этом вопросе следует обратиться к другой концепции, объясняющей агентскую деятельность в спорте с позиции гражданского законодательства [5, С. 16; 6, С. 3; 9, С. 63;].

Гражданский кодекс Российской Федерации [3] (далее – ГК РФ) исходит из того признания, что предмет агентской деятельности довольно широк, поскольку под категорией «юридические и иные дейст-

вия» могут пониматься достаточно различные виды услуг. Судебная практика дополняет данную свободу выбора предмета агентского договора выводом о том, что объём действий агента не является существенным для определения предмета договора [15], а в целях квалификации деятельности агента в договоре достаточно установить лишь его общие полномочия [13; 14; 21; 22]. Вместе с тем круг обязательств агента, в том числе в сфере спорта, имеет свои пределы. В частности, правовой анализ и вообще анализ документов не может быть проведён от имени другого лица и потому не входит в предмет договора агентирования [16; 18]. Данный тезис плохо согласуется с предметом агентской деятельности в спорте, потому что спортивные агенты зачастую обеспечивают именно «юридическую чистоту» документов, сопровождающих спортивную карьеру своих клиентов. Вместе с тем выводы судебных инстанций на национальном уровне не могут рассматриваться исключительно в качестве официального толкования закона и не являются абсолютной истиной. Анализируя многие судебные акты, посвящённые договору агентирования, можно обнаружить довольно спорные суждения. Так, если между сторонами не был заключён агентский договор, но фактически одна из сторон согласно договору совершила в пользу другой определённые действия, которые были оплачены другой стороной как агентское вознаграждение, такие действия судами рассматриваются в качестве агентских [23]. В практике зачастую возникает вопрос о возможности применения законодательства об оказании возмездных услуг к агентским отношениям. Позиция судебных инстанций по этому поводу решительна – нормы, регулирующие договор возмездного оказания услуг, к договору агентирования не применяются [20], но если агентский договор признан недействительным, то фактические отношения сторон могут быть квалифицированы как отношения по возмездному оказанию услуг [24]. В силу комбинированности предмета агентского соглашения к нему субсидиарно применяются нормы о договорах поручения и

комиссии, но лишь в той части, в которой это не противоречит положениям о договоре агентирования [17].

Агентская деятельность в спорте подчиняется не только нормам о гражданско-правовых договорах. Учитывая предпринимательскую направленность деятельности спортивных агентов, положения ГК РФ о правосубъектности предпринимателей также распространяются на профессиональную деятельность агентов в спорте, равно как и правила имущественной ответственности за вред, причинённый как самому клиенту, так и третьим лицам. В связи с этим к кругу национальных источников правового регулирования агентской деятельности в спорте в полной мере относится Федеральный закон от 2001 г. «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [29] (далее – Закон о регистрации), устанавливающий требования к процедуре оформления специального статуса агента как индивидуального предпринимателя или юридического лица. Следует отметить, что локальные акты спортивных организаций позволяют агентам игроков выступать как в качестве юридического лица (агентства), так и в качестве предпринимателя без образования юридического лица [10]. В то же время законодательно данное требование к юридическому профилю спортивных агентов не закреплено, а в положениях ГК РФ о договоре агентирования вовсе не усматривается обязательность наличия предпринимательского статуса агента. Отсюда можно сделать вывод, что в силу норм гражданского законодательства, устанавливающих специальные требования в области любой агентской деятельности, спортивный агент может выступать как в качестве физического лица, так и осуществлять профессиональную деятельность в форме организации, при этом коммерческая составляющая его деятельности вовсе не является определяющей. Спортивное агентство теоретически может иметь форму некоммерческой организации. При этом нормативно не закреплена специальная правоспособность спортивных агентов. Таким образом, агент в области спорта

может заниматься либо исключительно данным видом деятельности, либо такая деятельность может выступать лишь одним из направлений его бизнеса. Правовых барьеров на внутригосударственном уровне для этого не предусмотрено. Поэтому преждевременно относить Закон о регистрации к кругу универсальных источников правового регулирования агентской деятельности в спорте, поскольку законодательно отсутствуют требования о непрерывности предпринимательского статуса спортивного агента.

Если рассуждать с позиции экономического прагматизма, а именно в плане организации финансов, то официальная предпринимательская составляющая в деятельности спортивного агента позволяет довольно существенно оптимизировать расходы. Прежде всего, Налоговый кодекс Российской Федерации [7] (далее – НК РФ) позволяет субъектам предпринимательства использовать специальные налоговые режимы, которые качественным образом влияют на расходную часть деятельности хозяйствующих субъектов, в том числе и спортивных агентов. Обладая лишь статусом физического лица, агент не может, в частности, воспользоваться упрощённой системой налогообложения или использовать ряд налоговых льгот. Напротив, являясь индивидуальным предпринимателем либо юридическим лицом, как коммерческого, так и некоммерческого характера, спортивный агент (агентство) может заменить уплату налога на доходы (прибыль), налога на имущество и налога на добавленную стоимость уплатой единого налога, ставка которого зависит от выбранной налоговой базы. Так, если спортивный агент имеет незначительный объём профессиональных расходов, что на практике встречается довольно часто, то налоговая ставка по упрощённой системе составляет всего 6%. Если же налоговая база формируется исключительно из прибыли, ставка возрастает до 15%. Для спортивных агентств такой специальный налоговый режим позволяет приостановить обязанность ведения бухгалтерского учёта, установленную в Российской Федерации для

многих юридических лиц, и отчитываться в упрощённом порядке, аналогичном финансовой отчётности физических лиц. На этом фоне не случайно, на наш взгляд, закреплённое многими спортивными федерациями требование о наличии государственной регистрации спортивного агента в качестве субъекта предпринимательской деятельности, которое попросту констатирует сложившуюся в современных экономических условиях практику организации подобного рода бизнеса.

Вместе с тем налоговый аспект не может определять правовой природы агентской деятельности в спорте. Налоговое законодательство вовсе не снимает вопрос о правомерности установления спортивными организациями требований к личности спортивных агентов, среди которых наблюдаются не только условия о наличии акта государственной регистрации в качестве субъекта предпринимательской деятельности, но и обязательное получение лицензии, причём последняя выдаётся спортивными организациями без какого-либо согласования с государственными институтами. Прежде всего, следует отметить, что действующее в Российской Федерации гражданское законодательство не признаёт юридической силы актов локального уровня, устанавливающих нормы гражданско-правового характера. Статья 3 ГК РФ довольно предметно называет возможные источники гражданского права, среди которых отсутствуют документы локального характера, т.е. субъекты гражданских правоотношений не могут устанавливать нормы гражданско-правового характера в своих внутренних документах, к которым, безусловно, относятся в силу своей природы регламенты спортивных организаций. Учитывая также то обстоятельство, что многие спортивные федерации имеют статус юридического лица, они обязаны соблюдать, прежде всего, нормы гражданского законодательства. Между тем определить, где проходит грань действия гражданско-правовых законов и физкультурно-спортивного законодательства, довольно сложно. Поэтому концепция гражданско-правовой природы агентской деятельности

на национальном уровне также не разрешает многих юридических коллизий, наблюдаемых в области регулирования агентских отношений в спорте.

Признавая устоявшуюся практику лицензирования (аттестации) спортивных агентов, различные государства довольно специфичным образом определяют место локальных актов спортивных организаций в собственных правовых системах. Например, в Украине Закон 1993 г. признаёт нормативные документы международных спортивных федераций частью национального законодательства, в силу чего многие аспекты агентской деятельности в спорте вполне легально подчинены локальным правовым нормам. Напротив, в Бразилии акты международных спортивных организаций не имеют никакой юридической силы, если противоречат национальному законодательству. Системой прецедентов регламентируется агентская деятельность в спорте в Ирландии. При этом следует заметить, что требование о наличии лицензии в зарубежных странах также сформулировано неоднозначно. Так, в США, Франции, Греции, Португалии лицензирование выступает обязательной стадией при оформлении агентской деятельности в спорте. В Великобритании и Нидерландах лицензия для занятия спортивной агентской деятельностью не требуется.

В Российской Федерации лицензирование выступает областью действия административного законодательства, поскольку данной процедурой занимаются исключительно органы исполнительной власти. Основной массив правовых норм, регламентирующих лицензионный процесс, сконцентрирован в Федеральном законе от 2011 г. «О лицензировании отдельных видов деятельности» [27] (далее – Закон о лицензировании). Закон регулирует отношения, возникающие между федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями в связи с осуществлением лицензирования отдельных видов деятельности. При этом под лицензированием понимает-

ся деятельность лицензирующих органов по предоставлению, переоформлению лицензий, продлению срока действия лицензий, в случае если ограничение срока действия лицензий предусмотрено федеральными законами, осуществлению лицензионного контроля, приостановлению, возобновлению, прекращению действия и аннулированию лицензий, формированию и ведению реестра лицензий, формированию государственного информационного ресурса, а также по предоставлению в установленном порядке информации по вопросам лицензирования. Как можно заметить, среди субъектов, принимающих участие в лицензионном процессе, не наблюдается организаций, обладающих скольконибудь близким к спортивным федерациям статусом. В то же время Закон о лицензировании применяется далеко не ко всем видам деятельности, на занятие которыми в Российской Федерации необходимо получение лицензий. Однако перечень таких видов деятельности исчерпывающим образом представлен в п. 2 ст. 1 Закона о лицензировании, и агентской деятельности в спорте там не наблюдается. Статья 12 Закона о лицензировании перечисляет виды деятельности, которые подлежат лицензированию, среди которых следует обратить внимание на оказание услуг по трудоустройству граждан Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации. Отсюда можно сделать вывод, что агентская деятельность в спорте подлежит лицензированию лишь в том случае, когда спортивный агент занимается трудоустройством российского гражданина в иностранный спортивный клуб, находящийся за пределами государственной территории Российской Федерации. Во всех остальных случаях наличие лицензии законодательно не требуется, поскольку сама по себе спортивная деятельность также лицензированию не подлежит. Отчасти это подтверждает и сложившаяся судебная практика, в соответствии с которой агент не вправе без лицензии осуществлять от имени принципала действия, на совершение которых требуется ее получение [12; 19]. Соответственно, использование в локальных актах

спортивных федераций категорий «лицензирование» и «лицензия», по меньшей мере, противоречит существующему лицензионному законодательству Российской Федерации. Даже в том случае, если рассматривать полномочия спортивных организаций по формированию требований к профессиональному облику спортивных агентов как легитимные, осуществлять их лицензирование они всё равно не вправе, равно как не компетентны они и в области установления аттестационных требований к лицам, желающим заниматься спортивной агентской деятельностью. Как известно, аттестация является институтом трудового и служебного законодательства. Аттестационные условия устанавливаются либо органами государственной власти в отношении определённой категории государственных служащих и работников, либо работодателем, исходя из специфики трудовых функций соответствующего круга работников. Спортивные агенты не состоят в трудовых правоотношениях со спортивными федерациями, не признаны законодательно субъектами физкультурно-спортивного сектора и не относятся к категории публичной службы. Соответственно, решить проблему неправомерного лицензирования, сложившуюся в практике деятельности спортивных организаций, одной лишь заменой слов «лицензирования» на «аттестация» также не представляется возможным без нарушения определённых правовых норм. Более того, пристальное внимание спортивных федераций к личности агентов игроков наблюдается далеко не во многих видах спорта, вследствие чего складывается парадоксальная ситуация – агент, намеревающийся представлять ин-

тересы спортсмена в одном виде спорта, должен соответствовать разработанным спортивными организациями стандартам, а агент, оказывающий услуги спортсменам в других видах спорта, вообще не подчиняется никаким требованиям по причине их отсутствия.

Исходя из выявленных противоречий, решение сложившейся проблемы правового регулирования агентской деятельности в спорте на внутригосударственном уровне Российской Федерации возможно несколькими способами:

1. Спортивные агенты должны быть законодательно признаны субъектами физической культуры и спорта. Если Закон о спорте будет содержать такое положение, то существующие нормативные акты, разработанные спортивными федерациями применительно к агентской деятельности, приобретут легальный характер.

2. Изменение концепции законодательного регулирования лицензирования в части возможности делегирования полномочий по выдаче лицензий негосударственными образованиями позволит легализовать существующую практику лицензирования агентской деятельности спортивными организациями.

3. Принятие специального нормативного правового акта об агентской деятельности в спорте по аналогии с французской и североамериканской моделью правового регулирования агентских отношений в спорте позволит установить надлежащий правовой режим сложившейся на практике системы требований к профессиональному облику спортивных агентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Players agents worldwide. Legal aspects. Edited by Robert C.R. Siekmann, Richard Parrish, R.B. Martins, J. Soek. T.M.S. Asser Press, 2007. 230 p.
2. Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону "О физической культуре и спорте в Российской Федерации" (постатейный). М.: Юстицинформ, 2009. 123 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 30.11.2011) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410; 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7014.
4. Жабин Н.А. Развитие нормативной базы Российской Федерации в области управления физической культурой и спортом // Административное право и процесс. 2011. № 8. С. 47-50.

-
5. Зикман Р.С. Цит. по: Прокопец М.А. Закат эры футбольных агентов // Спорт: экономика, право, управление. 2011. № 2. С. 16-20.
 6. Любимова М.Д. Особенности применения агентского договора в различных сферах хозяйственной деятельности // Юрист. 2011. № 16. С. 3-8.
 7. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 06.12.2011, с изм. от 07.12.2011) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 32. Ст. 3340; 2011. № 50. Ст. 7347.
 8. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 03.12.2011) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824; 2011. № 49 (ч. 5). Ст. 7070.
 9. Николюкин С.В. Агентские соглашения в предпринимательском обороте: национальное и международно-правовое регулирование // Законодательство и экономика. 2011. № 10. С. 63-65.
 10. П. 3 ст. 3 Регламента Российского Футбольного Союза об агентах.
 11. Погосян Е.В. Формы разрешения спортивных споров: монография. М.: Волтерс Клувер, 2011. 144 с.
 12. Постановление Президиума ВАС РФ от 13.01.2011 № 9174/10 по делу № А31-8793/2009.
 13. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 07.12.2010 № Ф03-2352/2010 по делу № А37-1636/2008.
 14. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 10.06.2003 № Ф04/2645-668/А46-2003.
 15. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 22.07.2008 № Ф04-4241/2008(7912-А67-4) по делу № А67-2409/2007.
 16. Постановление ФАС Московского округа от 17.06.2008 № КГ-А41/4789-08 по делу № А41-К1-18198/07.
 17. Постановление ФАС Московского округа от 27.09.2010 № КГ-А40/8697-10 по делу № А40-145477/09-41-1086.
 18. Постановление ФАС Московского округа от 28.05.2009 № КГ-А41/4010-09-П по делу № А41-К1-18198/07.
 19. Постановление ФАС Поволжского округа от 30.11.2010 по делу № А12-7797/2010.
 20. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 06.08.2007 по делу № А56-35517/2006.
 21. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 01.12.2003 № Ф08-4500/2003.
 22. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 07.04.2006 № Ф08-1190/2006 по делу № А53-1757/2003-С3-40.
 23. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 26.07.2010 по делу № А53-3103/2009.
 24. Постановление ФАС Уральского округа от 03.11.2009 № Ф09-8757/09-С5 по делу № А47-7035/2008.
 25. Об утверждении Перечня иных специалистов в области физической культуры и спорта в Российской Федерации и Перечня специалистов в области физической культуры и спорта, входящих в составы спортивных сборных команд Российской Федерации: приказ Минспорттуризма РФ от 23.03.2010 № 207: зарегистрировано в Минюсте РФ 05.04.2010 № 16816 // Российская газета. 2010. № 87.
 26. Прокопец М.А., Рогачев Д.И. Ярмарка футбола : книга о футбольных агентах. Москва: Новая юстиция, 2009. 424 с.
 27. О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ: ред. от 19.10.2011, с изм. от 21.11.2011 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 19. Ст. 2716; 2011. № 48. Ст. 6728.
 28. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ: ред. от 06.12.2011 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 50. Ст. 6242; 2011. № 50. Ст. 7355.
 29. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ: ред. от 03.12.2011 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3431; 2011. № 49 (ч. 5). Ст. 7061.
-

Е.А. Щуклина,
аспирант
(Саратовская государственная юридическая академия)

ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

В статье раскрываются теоретические и практические аспекты предупреждения преступности в сельской местности, проводится анализ дефиниций предупреждения преступности в сельской местности, предлагается авторское определение предупреждения преступности в сельской местности.

Ключевые слова: преступность, сельская преступность, предупреждение сельской преступности.

In article theoretical and practical aspects of the prevention of crime in rural areas reveal, the analysis of definitions of the prevention of crime in rural areas is carried out, author's definition of the prevention of crime in rural areas is offered.

Keywords: crime, rural crime, prevention of rural crime.

Проблема предупреждения преступности в современном мире носит сложный и неоднозначный характер. Россия не является исключением. Требуется особое внимание и борьба с преступностью в сельской местности, которая занимает значительную долю в общей структуре преступности. Под преступностью в сельской местности, на наш взгляд, следует понимать **совокупность преступлений, совершаемых в сельских поселениях и на других территориях вне городов, как местными жителями, так и приезжими (гражданами РФ или лицами без гражданства) и характеризующихся определенной спецификой, обусловленной особенностями сельской местности.**

В разработку теории предупреждения преступности, а также ее отдельных видов и категорий преступлений значительный вклад внесли Г.А. Аванесов, А.И. Алексеев, Ю.М. Антонян, М.М. Бабаев, Л.Д. Гаухман, А.А. Герцензон, А.И. Гуров, А.И. Долгова, А.Э. Жалинский, В.К. Звирбуль, А.Ф. Зелинский, П.Е. Игошев, И.И. Карпец, Н.Г. Кобец, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова,

А.Г. Лекарь, В.П. Малков, Г.М. Миньковский, А.Б. Сахаров и многие другие.

Несмотря на наличие множества работ, посвященных тематике предупреждения преступности, в научной литературе до сих пор нет единого мнения по вопросу понятия «предупреждение», его содержания, соотношения с такими категориями, как профилактика преступлений, пресечение преступлений. Остановимся на данных аспектах подробнее.

В толковом словаре русского языка под предупреждением понимается: «1. Уведомление о предстоящей опасности или неприятности; 2. Упреждение, предотвращение чего-либо нежелательного» [1]. Методологическую ценность для настоящего исследования представляет последнее понимание предупреждения. Основываясь на названной позиции, в юридической литературе разрабатываются и предлагаются различные дефиниции предупреждения преступности.

В юридической науке сложилось несколько подходов к понятию предупреждения преступности. Одна группа авторов концентрирует внимание на практической

стороне вопроса. Так, советские криминологи предлагали следующие определения предупреждения преступности: исправление и перевоспитание данного правонарушителя и оказание этим одновременного воздействия на других граждан [2]; система государственных и общественных мер, устраняющих причины и условия преступности либо ослабляющих (блокирующих) их действие и тем самым обеспечивающих снижение, а в перспективе – окончательное искоренение преступности [3]. Не возражая против общей постановки второго определения, все же позволим высказать некоторые уточнения. Полагаем, что наличие цели в качестве «окончательного искоренения преступности в перспективе» не лишено догматических начал и не вполне соответствует реалиям жизнедеятельности современного общества.

Сказанное вовсе не означает, что в научной литературе не предлагаются приемлемые понятия с практической точки зрения. Так, ученые полагают, что предупреждение преступности следует рассматривать, прежде всего, как многоуровневую систему государственных и общественных мер, направленных на устранение, ослабление или нейтрализацию причин и условий преступности [4].

Другие авторы акцентируют внимание на теоретической стороне вопроса, рассматривая предупреждение в широком смысле как теоретическую конструкцию. Так, предупреждение преступности определяется как криминологическая категория, обозначающая исторически сложившуюся систему преодоления объективных и субъективных предпосылок этих негативных явлений, реализуемую посредством целенаправленной деятельности всех институтов общества по устранению, уменьшению и нейтрализации факторов, детерминирующих существование преступности и совершение преступлений [5].

Основываясь на инструментальном подходе, проанализируем данное понятие и выделим структурные элементы его теоретической конструкции. Она включает в себя такие составляющие, как содержание, субъект, объект, целевой элемент. Содер-

жание предупреждения преступности образует система преодоления объективных и субъективных предпосылок преступности, то есть система мер, реализуемых до совершения преступлений и подготовки к ним. В научной литературе в содержание предупреждения преступности учеными обоснованно включаются следующие составляющие: осуществление глубоко продуманных и взаимосвязанных мероприятий; взаимодействие государственных и общественных мер; проведение мер экономического, воспитательного и культурного характера в сочетании в необходимых случаях с мерами принуждения, играющими вспомогательную роль; ликвидацию причин и условий, способствующих совершению правонарушений или преступлений; своевременное реагирование общественности на те или иные проступки людей, их аморальное поведение с целью не допустить более глубоких конфликтов с обществом, ведущих к нарушениям закона и правопорядка [6].

Субъектом предупреждения могут выступать органы государственной, муниципальной власти, должностные лица, общественные организации, образовательные учреждения (школы, вузы), отдельные граждане. Объектом предупреждения являются факторы, детерминирующие существование преступности и совершение преступлений (экономические, политические, демографические, идеологические, психологические, правовые). Целевой элемент предполагает активную деятельность по устранению, уменьшению и нейтрализации названных факторов. В связи с этим считаем справедливым уточнение С.Э. Титова, что предупреждение преступности имеет своей целью преодоление, сдерживание процессов, порождающих ее [7].

Таким образом, предупреждение преступности представляет собой сложную конструкцию, включающую множество элементов. Проведенный анализ понятия предупреждения преступности позволит не только провести соотношение с такими категориями, как профилактика, пресечение преступлений, но и сформулировать

авторское определение предупреждения преступности в сельской местности.

В научной литературе вопрос соотношения понятий «предупреждение преступлений» и «профилактика преступлений» до сих пор является дискуссионным. Одна группа авторов рассматривает эти категории как тождественные. Так, ученые пишут: «По своей сути предупреждение преступности или, иначе говоря, профилактика преступности – два термина, с точки зрения этимологии, идентичные и используются как взаимозаменяющие» [8].

В рамках данного подхода имеются и некоторые уточнения. В частности, И.А. Гельфанд, П.П. Михайленко утверждают, что не следует искать различия в содержании терминов «предупреждение», «профилактика» – содержание этих терминов едино – в этом смысле они являются синонимами, выражающими мысль о необходимости предпринять такие меры, которые предупреждали бы, а потом и совершенно исключили появление у отдельных лиц каких-либо проступков, наносящих вред обществу [9].

Другие исследователи полагают, что предупреждение преступлений и профилактика преступлений – понятия нетождественные. В рамках названного подхода имеется несколько точек зрения. Первая из них состоит в том, что профилактика преступлений рассматривается как более широкое по объему понятие, чем предупреждение. По мнению авторов, «система профилактических мер представляет собой деятельность субъектов, наделенных полномочиями по борьбе с преступностью, путем предупреждения и пресечения преступных проявлений, реализации мер ответственности виновных в их совершении, возмещения причиненного вреда, а также осуществления контроля над реализацией указанных мер» [10].

Вторая точка зрения заключается в том, что эти категории рассматриваются как самостоятельные. В частности, А.Г. Лекарь и А.Ф. Зелинский под «предупреждением» подразумевают воспрепятствование совершению конкретного преступления, а под «профилактикой» – устранение при-

чин и условий, способствующих совершению преступления. По мнению авторов, к «профилактике» следует отнести процесс выявления, устранения причин и условий преступности, а к «предупреждению» – недопущение замышляемых и подготавливаемых преступлений [11].

Третья группа авторов утверждает, что профилактика преступлений – это одно из проявлений предупреждения преступности. Исследователи, в числе которых С.С. Наумов, пишут: «В систему предупреждения преступности входят самые разнообразные виды предупредительной деятельности. К их числу относится профилактика правонарушений (преступлений). Категория “профилактика” рассматривается как важнейший компонент процесса предупреждения преступности. Соотношение понятий “профилактика преступлений” и “предупреждение преступности” в философском плане рассматривается как взаимосвязь части и целого. Целое (общее) – это предупреждение, а часть (особенное) – профилактика» [12].

Изложенная позиция нам представляется наиболее приемлемой в рамках настоящего исследования. Понятия «профилактика преступности» и «предупреждение преступности» не являются тождественными. Профилактика представляет собой только одну из составляющих предупреждения, она способна влиять на истоки, на то, что воспроизводит преступность [13].

Итак, проведенный анализ позволяет нам с уверенностью утверждать, что предупреждение преступлений представляет собой сложное явление, нетождественное с категориями «профилактика преступлений», «пресечение преступлений». Поэтому нельзя не согласиться с советскими криминологами, утверждающими, что «предупреждение преступности <...> – широкое собирательное понятие, включающее в себя:

а) общегосударственные мероприятия экономического, социального, идеологического, культурно-воспитательного порядка, законодательного правового плана, сочетающие убеждение и принуждение в процессе борьбы с преступностью;

б) деятельность государственных органов и общественных организаций, в частности, МВД, прокуратуры, суда, по выявлению причин и условий совершения преступлений и принятию мер к их устранению ... а также по воспитанию лиц, еще не совершивших преступления, но ведущих себя антиобщественно либо аморально» [14].

Таким образом, изучив понятие «предупреждение преступности», его теоретическую конструкцию, точки зрения ученых относительно содержания названной категории, исследовав вопрос о соотношении «профилактики» и «пресечения», основываясь на понятии сельской преступности, считаем целесообразным предложить авторскую дефиницию предупреждения преступности в сельской местности. На наш

взгляд, под ним следует понимать исторически обусловленную систему мер, принимаемых органами государственной власти, местного самоуправления, должностными лицами, общественными организациями, образовательными учреждениями, отдельными гражданами, направленных на преодоление, уменьшение и нейтрализацию причин и условий, детерминирующих **преступления, совершаемые в сельских поселениях и на других территориях вне городов как местными жителями, так и приезжими (гражданами РФ или лицами без гражданства), и характеризующихся определенной спецификой, обусловленной особенностями сельской местности.**

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1992. С. 326.
2. Подробнее об этом см.: Советская криминология. М., 1966. С. 111.
3. Подробнее об этом см.: Криминология. М., 1979. С. 124.
4. Цит. по: Черкашин В. А. Общесоциальные меры предупреждения корыстно-насильственных преступлений // Теория и практика общественного развития. 2005. № 1. С. 54.
5. См. напр.: Малков В. Д. Криминология. М., 2006. С. 116.
6. Подробнее об этом см.: Абдиров Н. М. Бороться – значит предупреждать // Предупреждение преступности. 2000. № 1. С. 26.
7. Титов С. Э. Предупреждение преступлений органами полиции: история и современность // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 19. С. 91.
8. Подробнее об этом см.: Аванесов Г. А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980; Он же. Криминология. М., 1984. С. 337–339.
9. Гельфанд И. А., Михайленко П. П. Предупреждение преступлений – основа борьбы за искоренение преступности. М., 1964. С. 12–13.
10. См.: Раевский К. М. Правовое регулирование предупреждения преступлений // Вестник филиала Российского государственного социального университета в г. Красноярске. Красноярск, 2007.
11. Подробнее об этом см.: Лекарь А. Г. Профилактика преступлений. М., 1972. С. 45; Зелинский А. Ф. Значение нормы уголовного права для предупреждения преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. С. 4.
12. См. напр.: Наумов С. С. Профилактика преступлений с помощью технических средств : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 14.
13. Титов С. Э. Предупреждение преступлений органами полиции: история и современность // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 19. С. 92.
14. Подробнее об этом см.: Курс советской криминологии: предупреждение преступности / под. ред. В. Н. Кудрявцева, И. И. Карпеца, Б. В. Коробейникова и др. М., 1986. С. 22–23.

Д.М. Юсупова,
аспирант
(ЧОУ ВПО «Академия социального образования»)

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В статье анализируются особенности формирования системы правовой защиты объектов промышленной собственности, служебного характера. В статье представлен общий анализ системы защиты интеллектуальной собственности, проведен анализ основных проблем и высказываются предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, промышленная собственность, служебные изобретения, Суд по интеллектуальным правам

The paper deals with the peculiarities of forming the system of legal protection of industrial property objects. The author focuses the attention on main problems and made proposals for its improvement.

Key words: intellectual property, industrial property, service inventions, Court of intellectual rights.

В современных условиях необходимость обеспечения высокого уровня конкурентоспособности является неотъемлемым условием развития производственного предприятия. Наиболее эффективным способом достижения поставленной цели является внедрение в промышленности наукоемких, инновационных производств и передовых информационных технологий. Расширение интеграционных процессов в экономике, особенно в свете развития системы Таможенного союза и вступления РФ в ВТО является еще одним фактором стимулирования инновационного развития отечественного производства.

Процессы мировой интеграции формируют общую экономическую область, где потребность в формировании системы правовой защиты интеллектуальной собственности приобретает особое значение. В данном случае речь идет, прежде всего, о промышленной собственности. Промышленная собственность является собирательным термином для обозначения патентов на изобретения, полезные модели,

промышленные образцы, товарные знаки и другие объекты интеллектуальной собственности, которые используются в промышленности [11].

Появление новых объектов интеллектуальной собственности и нормативно-правовая регламентация, связанных с ними правоотношений также является одной из наиболее актуальных тенденций развития права интеллектуальной собственности.

Государство, являясь субъектом права, формирует правовую систему, определяет приоритеты ее развития. Фактически правовая система является отражением отношения государства к той или иной проблеме. В вопросах формирования системы правовой защиты интеллектуальной собственности, инициативы государства сыграли решающую роль в ее становлении. Особый интерес представляют проблемы правового регулирования взаимоотношений между предприятием и государственными и муниципальными органами в процессе исполнения государственного и муниципального заказа.

Стремительно развивающиеся промышленные технологии, социально-экономические изменения в обществе формируют потребность в интенсификации развития права интеллектуальной собственности. Активное формирование нормативно-правовой базы, ее постоянное совершенствование является характерным признаком развития патентного права для правовых системы всех развитых стран.

Наиболее серьезным этапом формирования системы правовой защиты промышленной собственности стало вступление в силу Части IV ГК РФ с 01 января 2008 года. [1] Новый нормативный акт не только внес существенные изменения в систему формирования правовой защиты интеллектуальной собственности, но и создал правовое поле для реализации стратегических задач государства.

Государством, в целях реализации политики стимулирования инновационного развития отечественной промышленности, была принята федеральная целевая программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технического комплекса России на 2007-2013 годы»[5]. В РТ разрабатывается первая в РФ долгосрочная целевая программа «Развитие рынка интеллектуальной собственности в Республике Татарстан на 2012-2020 годы» [7].

Программа по развитию рынка интеллектуальной собственности направлена на формирование благоприятных условий для развития рынка интеллектуальной собственности. Превращение объектов интеллектуальной собственности в актуальный товар должно привести к росту инновационной активности, как научных кругов, так и промышленных предприятий. С правовой точки зрения данная стратегия позволяет максимально эффективно субъектам реализовать свои права на интеллектуальную собственность. С экономической точки зрения, целевая программа должна содействовать росту доли интеллектуальной собственности в валовом региональном продукте.

Этот вопрос поднимался правоведами и ранее [3, 4], но реальных решений данной

проблемы не было. Важным условием успешной реализации данной программы является создание правовой основы системы отношений, в которой владелец ИС мог свободно распоряжаться своей собственностью. Существует большое число небольших научно-производственных предприятий, которые имеют и научный потенциал, и возможности разработки инновационных продуктов, но не имеют возможности или желания заниматься их внедрением в промышленном масштабе.

Разработка нормативно-правовой базы такого рода деятельности могло бы стимулировать появление малых и средних предприятий, специализирующихся на создании изобретений, промышленных образцов и полезных моделей и разработке технических регламентов их использования «под заказ».

Государство и муниципальные органы для развития инновационных технологий привлекают к разработке как государственные, так и частные предприятия через систему государственного и муниципального заказа.

Несовершенство системы правовой охраны служебных изобретений, полезных моделей и промышленных образцов привело к низкой восприимчивости бизнеса к инновациям технологического характера.

В 2009 году разработку и внедрение инноваций осуществляли 9,4% от общего числа предприятий отечественной промышленности. В Германии аналогичные показатели составляют 69,7%, в Ирландии- 56,7%, а в Эстонии- 55,1%. [10]. Причиной низкого уровня восприимчивости бизнеса к инновациям являются многочисленные правовые пробелы в системе регулирования отношений между субъектами правоотношений.

Наибольшую опасность, с экономической точки зрения, представляют собой проблемы в системе правоотношений по поводу изобретений, полезных моделей и промышленных образцов, созданных в связи с исполнением государственного или муниципального заказа. В данном случае речь идет, как и о низкой эффективности расходования бюджетных средств, так и о

создании благоприятных условий для развития коррупции в системе государственных и муниципальных заказов.

Сложившаяся в экономике ситуация доказывает необходимость совершенствования системы правовой защиты интересов государства при исполнении государственных и муниципальных контрактов.

Отсутствие правовых норм, которые прописывали бы механизм оценки целесообразности реализуемых проектов и определяли бы эффективные критерии оценки проектов, привело к крайне низкому показателю эффективности расходования бюджетных средств.

Отсутствие четко прописанных правовых норм по оценке эффективности привело к ситуации, когда для оценки эффективности проектов федерального значения используются критерии, не отвечающие поставленным задачам. И как следствие, реализуемая сейчас Федеральная целевая программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технического комплекса России на 2007-2012 гг.» не принесла ощутимых результатов в инновационном развитии отечественной промышленности на практике. В частности, по итогам 9 мес. 2012 года по важнейшим с экономической точки зрения направлениям мы имеем более чем плачевные результаты:

- разработанные конкурентоспособные технологии, предназначенные для коммерциализации - 11 (при запланированных 26-27);
- внедренные в производство передовые коммерческие технологии – 0 (при 1-2 запланированных);
- внедренные в производство критические технологии, по которым Российская Федерация имеет мировой приоритет– 0 (при 1-2 запланированных);
- количество новых организаций, обладающих приборной базой мирового уровня – 0 (при 1-2 по плану) [12].

При подготовке национальных стратегий инновационного развития на период до 2020 года и соответствующих программ недопустимо использование целей, принципов и показателей так называемой «экономики знаний», как противоречащих це-

лям и принципам собственно инновационного развития [2].

Реализация на практике подобных стратегий развития выявила проблемы недостаточной эффективности механизмов правовой защиты интеллектуальной собственности, особенно служебного характера. На законодательном уровне должен быть регламентирован механизм оценки результативности проекта, исходя из экономически значимых критериев, а не количества диссертаций или количества привлеченных молодых ученых.

В результате из 100% охраноспособных результатов интеллектуальной деятельности, полученных при бюджетном финансировании, в коммерческий оборот попадает только 1-2%. [10]

Учитывая, что данные показатели являются важнейшими индикаторами успешности инновационного развития промышленности, мы можем говорить о насущной необходимости совершенствования законодательства в области защиты интересов государства в процессе реализации целевых программ и исполнения государственных или муниципальных контрактов.

Не закрепленный законодательно механизм оценки экономической эффективности расходования бюджетных средств, отсутствие правовой базы для контроля и защиты интересов государства негативно сказывается, как на экономическом развитии промышленности, так и на уровне инвестиционной привлекательности государства.

Разработанный проект поправок в Гражданский Кодекс РФ изменений в решение данной проблемы не принес, т.к. не предполагает качественного изменения системы правовой защиты промышленной собственности. Необходимо лишь отметить существенное изменение в системе защиты прав автора служебного изобретения на вознаграждение. Согласно предлагаемым поправкам, право на вознаграждение за служебное изобретение, служебную полезную модель, служебный промышленный образец признается неотчуждаемым и переходящим к наследникам автора на оставшийся срок действия исключительного права [9].

Еще одной важнейшей проблемой формирования системы правовой защиты промышленной собственности является необходимость обеспечения единообразия судебной защиты прав на интеллектуальную собственность.

Во многих странах Патентный суд является неотъемлемым элементом системы защиты прав на промышленную собственность. В РФ идеи о создании подобной структуры вызвали длительные споры, в том числе о необходимости дополнительной судебной структуры, об ее целесообразности и уровне эффективности.

По оценкам специалистов создание Суда по интеллектуальным правам может существенно повысить эффективность системы защиты интеллектуальных прав в Российской Федерации с учетом международных стандартов. Сложность рассмотрения данных споров связана с высокой загруженностью арбитражных судов, а также с отсутствием необходимого уровня технических и научных знаний у судей, что приводит к необходимости привлечения экспертов.

Создание суда по интеллектуальным правам позволило бы обеспечить единство судебной практики по спорам об интеллектуальных правах промышленности собственности служебного характера в масштабе всей страны.

Согласно Федеральным конституционным законам от 06.12.2011 N 4-ФКЗ "О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О судебной системе Российской Федерации" и «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в связи с созданием в системе арбитражных судов суда по интеллектуальным правам новая судебная структура будет сформирована не позднее 01 февраля 2013 года в форме специализированного арбитражного суда, рассматривающего в пределах своей компетенции дела по спорам, связанным с защитой интеллектуальных прав, в качестве суда первой и кассационной инстанций [14].

Указом Президента РФ № 1580 от 01.12.2012 года Председателем Суда по интеллектуальным правам назначена Новоселова Л.А. [13]

Проблемы формирования эффективного механизма судебной защиты интеллектуальных прав в области промышленной собственности служебного характера представляют собой серьезную правовую проблему в свете реализации стратегии инновационного развития отечественной промышленности.

Создание Суда по интеллектуальным правам позволит выйти на качественно новый уровень формирования системы правовой защиты интеллектуальных прав в целом, и прав на служебные изобретения в частности. Но не следует считать, что с 01 февраля 2013 года начнет функционировать принципиально новая система защиты прав и она полностью решит наши проблемы.

К сожалению, в ближайшее время возникнет необходимость решения большого количества проблем принципиального характера.

В первую очередь возникает вопрос подсудности споров, связанных промышленной собственностью служебного характера или выполненных по государственному и муниципальному заказу. Согласно Постановлению № 60 от 08.10.2012г.[8], в ситуации, когда в одном иске соединено несколько требований, связанных между собой, одно из которых подсудно Суду по интеллектуальным правам, а другое - иному арбитражному суду первой инстанции, все дело подлежит рассмотрению Судом по интеллектуальным правам. Но реализация указанной нормы на практике может столкнуться с рядом серьезных проблем, что может существенно усложнить ситуацию с защитой интеллектуальных прав на изобретения, относящиеся к категории служебных или выполненных на основании договоров государственного или муниципального заказа.

Первой проблемой, с которой могут столкнуться заявители - проблема доступности обращений в Суд по интеллектуальным правам.

Председатель ВАС РФ Иванов А.А. в своем обращении подчеркнул, что новое судопроизводство будет доступным для всех граждан России благодаря интернет-

технологиям - системе электронного судопроизводства и видеоконференцсвязи [15].

К сожалению, опыт реализации на практике подобных проектов дает нам право предположить, что с 1 февраля 2013 года большое число граждан и индивидуальных предпринимателей будут ущемлены в своем праве на судебную защиту их интеллектуальных прав.

Второй серьезной проблемой функционирования Суда по интеллектуальной собственности является уровень компетентности судейского состава. Споры, связанные с интеллектуальной собственностью в целом, и интеллектуальной собственностью служебного характера в частности, имеют ряд специфических особенностей, что требует от судейского состава специальных знаний не только в области права, но и в технике и науке.

Изначально законопроект предполагал формирование штата технических экспертов, по аналогии опыта создания Патентных судов европейских стран, но это положение было подвергнуто критике Правительством РФ. В настоящее время, судья может обратиться к эксперту в общем порядке, что может существенно осложнить рассмотрение дела по существу.

Создание Суда по интеллектуальной собственности является важнейшим этапом совершенствования судебной системы. ВАС РФ была проделана большая работа по разработке законопроектов в данной области права. Но говорить о качественном сдвиге в решении проблем связанных с защитой интеллектуальной собственности, к сожалению, пока не приходится.

Специалистам суда и правоведам предстоит большая работа по обеспечению единообразия и стабильности судебной практики по спорам о защите интеллектуальных прав, разработки механизмов обеспечения абсолютной доступности обращения для всех субъектов правоотношения, анализа практического опыта рассмотрения споров для последующей доработки нормативно-правовой базы функционирования Суда по интеллектуальным правам.

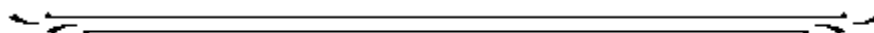
Принимая во внимание вступление России в ВТО, особую актуальность приобре-

тует необходимость консолидировать усилия власти, науки, бизнеса, образования на формирование и развитие комплексного регионального рынка интеллектуальной собственности, как части национального и мирового рынков интеллектуальной собственности. Создание такого рынка является базовым условием проведения технологической модернизации отечественной промышленности преимущественно на основе отечественных технологий и дальнейшего инновационного развития в интересах повышения конкурентоспособности экономики и качества жизни населения страны. В первую очередь необходимо формирование нормативно-правовой базы, позволяющей развивать экономические институты, создавать условия для быстрого развития инновационных направлений отечественной промышленности. Реализация данных направлений невозможна без формирования эффективной системы правовой защиты интеллектуальной собственности в промышленной сфере.

В условиях активного развития процессов глобализации и возрастающей конкуренции растет необходимость в применении единых правовых признанных на международном уровне подходов и стандартов к созданию, учету и использованию результатов интеллектуальной деятельности, правовой охране, коммерциализации и защите прав на них [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)" от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 08.12.2011)//СПС Консультант Плюс
2. Итоговый документ Круглого стола «Региональный рынок интеллектуальной собственности как условие инновационного развития»/ IV Петербургский Международный Инновационный Форум 28.09.2011г. [Электронный ресурс] Режим доступа// http://forum.spbinno.ru/i2011/about_forum/results2011/28092011_1630_73.php
3. Корнеева И.Л. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации М.: Юрист. 2006 208с.
4. Крупко С.Н. Институт служебных изобретений: Новеллы и проблемы правового регулирования [Электронный ресурс] Режим доступа [http:// www.advocate-realty.ru](http://www.advocate-realty.ru)
5. О федеральной целевой программе «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007—2012 годы»: постановление Правительства РФ от 17 октября 2006 г. № 613.
6. Об осуществлении контроля в сфере правовой охраны и использования результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения, выполненных за счет средств федерального бюджета: постановление Правительства РФ от 18.11.2006г. № 696.
7. Об утверждении Концепции долгосрочной целевой программы «Развитие рынка интеллектуальной собственности в Республике Татарстан на 2012-2020г.: постановление Кабинета министров РТ от 15 октября 2011 г. № 857.
8. О некоторых вопросах, возникших в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам: постановление Пленума ВАС РФ от 8 октября 2012 г. N 60
9. О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации: ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012: проект Федерального закона N 47538-6.
10. Проект «Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020г.»//СПС Консультант Плюс
11. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М. 1999. 479 с. .
12. Результаты мониторинга федеральной Целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технического комплекса России на 2007-2012 гг.» / Достижение целевых индикаторов и показателей программы за первые три квартала 2012 года [Электронный ресурс] Режим доступа <http://www.fcpir.ru/catalog.aspx?CatalogId=2356>
13. Указ Президента РФ от 01.12.2012 N 1580 "О назначении судей арбитражных судов"//СПС «Консультант плюс»
14. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О судебной системе Российской Федерации" и Федеральный конституционный закон "Об арбитражных судах в Российской Федерации" в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам: Федеральный конституционный закон от 06.12.2011 N 4-ФКЗ //СПС «Консультант плюс».
15. Федосенко В. Юристы обсудили необходимость создания судов по интеллектуальной собственности//РГ. 2011. №5634 (258).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР В ИНСТИТУТЕ

29 января 2013 года по программе развития международных контактов между правоохранительными органами стран-членов Международной полицейской ассоциации в Казанском юридическом институте МВД России была организована встреча коллег из Израильской секции МПА.

Израильская секция МПА была создана в 1963 году небольшой группой полицейских Тель-Авивского округа. Основателем секции стал Ханс Шлеймер, служивший тогда старшим офицером полиции Тель-Авивского округа. Ханс Шлеймер обратился в международный секретариат МПА с запросом об открытии филиала организации в Израиле.

После того, как был утверждён членский состав, небольшой филиал международной организации начал проводить интенсивные мероприятия и операции, вовлекая в свою деятельность командующих

округов и главных инспекторов полиции. Двум комиссарам израильской полиции даже довелось служить в качестве Президентов МПА в Израиле: комиссару полиции Арие Ивцану и комиссару полиции Давиду Краусу. На сегодняшний день израильский филиал МПА насчитывает 23 000 членов и является третьим по величине филиалом в мире, после Германии и Австрии.

Израильская секция считается лидером в соотношении между величиной организации и размером полицейских сил, и, при этом постоянно наблюдается впечатляющий рост числа членов секции. Израильский филиал МПА предлагает широкий спектр различных мероприятий и вносит важный вклад в жизнь страны. Члены израильского филиала МПА являются частью организации, включающей в свой состав сотрудников полиции, находящихся на службе или в отставке, тюремных смотрителей, а также

добровольцев Гражданской обороны. МПА оказывает помощь официальным делегациям из числа её членов в их поездках на международные конференции, спортивные соревнования и встречи по обмену опытом.

По программе развития дружеских международных контактов между правоохранительными органами стран-членов Международной полицейской ассоциации (МПА) для обмена опытом в борьбе с преступностью Татарстан посетили полковник Иегуда Даан, начальник округа Аялон полиции Тель-Авива, генерал Юри Бар Лев, экс-начальник Южного округа полиции Израиля, Михаэль Зингерман, пресс-секретарь полиции Израиля по связям с русскоязычными средствами массовой информации.

В своем выступлении Иегуда Даан проанализировал структуру полиции Израиля, а также остановился на особенностях порядка отбора кандидатов на службу в полиции. *Израильская полиция* («миштэрэт Исраэль», «миштара») - находящаяся в ведении Министерства внутренней безопасности служба охраны правопорядка, задачами которой являются обеспечение безопасности и прав граждан и иностранцев, а также поддержание режима законности в стране (борьба с преступностью, в том числе и с терроризмом, регулирование дорожного движения). Фундаментом для полицейской службы Израиля, возникшей одновременно с государством в 1948 году, стали опыт работы и структура британской полиции. К 700 сотрудникам полиции, которые служили еще во времена британского правления, были добавлены 1200 военных. За основу устава новой полиции был взят британский полицейский устав. Начиная с 1958 года, проводились меры по реорганизации полиции.

В 1974 году было создано подразделение для борьбы с террором, а также возникла организация *Мишмар Эзрахи* (добровольная помощь полиции), которая помогала полиции в антитеррористической деятельности (сегодня используется и для помощи полиции в ее повседневной деятельности).

Полиция также имеет 12 главных управлений (иммиграционный контроль, работа с жалобами населения, борьба с экономическими преступлениями и другие), а также подразделения расследований и разведки и управления персоналом.

В составе полиции Израиля есть подразделения *морской полиции*. Они представлены шестью базами — 4 в Средиземном море и по одной на [озере Кинерет](#) и на Красном море.

В полиции добровольно служит около 50 000 человек.

Список подразделений добровольцев

1. МАТМИД - патрульная служба
2. Добровольцы дорожной полиции
3. Оперативная служба уголовного розыска
4. Морская полиция
5. Служба спасения
6. Экстренные подразделения
7. ЗАКА – опознание жертв на месте трагедии
8. Подразделение по борьбе с преступностью среди несовершеннолетних
9. Конная полиция
10. Полиция «внедорожников» - труднодоступные территории
11. Подразделение следопытов

Особый интерес вызвали вопросы комплектования личного состава, актуальные вопросы открытого и доверительного взаимодействия полиции и общества, правовые, нравственные и морально-психологические аспекты отбора и подготовки кадров полиции.

Личный состав формируется из граждан, которые завершили срочную службу в армии Израиля.

После прохождения процедуры проверки претендентов для службы в полиции, будущие сотрудники направляются на краткосрочное обучение в полицейскую школу. Срок обучения в полицейской школе 8 месяцев. Курсантами школы полиции становятся даже израильские офицеры, вышедшие в отставку и пожелавшие вступить в ряды полиции. В школе курсанты живут на казарменном положении. После учебы в полицейской школе ее выпускники целый год занимаются патрулиро-

ванием улиц. Надо сказать, что у представителей полиции Израиля довольно высокий социальный статус. Служба в полиции опасная, но и почетная миссия. Рядовой израильской полиции получает около 6 тысяч шекелей в месяц, это средняя заработная плата в стране. Полицией предоставляется много льгот: бесплатный проезд в общественном транспорте, бесплатное медобслуживание, оплачивается также мобильный телефон, а кроме того, полицейским Израиля предоставляется бесплатное горячее питание. При выходе на пенсию бывшие полицейские получают пенсию в размере 90% от среднего заработка. К государственной пенсии добавляются финансы из разных накопительных программ, в которые вкладывал средства сотрудник.

Благодаря проводимой [правительством Израиля](#) политике, хорошему финансированию, полиция Израиля – одно из мощных и технологически оснащенных подразделений силовых структур Израиля.

Выступление полковника Даана вызвало живой интерес среди профессорско-преподавательского состава института. Поступил ряд вопросов, касающихся как отбора на службу в полицию, так и иных тем, затронутых в выступлении.

— **Какова роль и функции израильской полиции?**

— Роль полиции всегда велика, в Израиле полиция не только охраняет порядок, но и занимается поимкой террористов. Работников полиции очень мало. На тысячу граждан полицейских в Израиле приходится намного меньше, чем в других странах. Кроме того, полиция действительно не занимается своей прямой работой как таковой, а, к сожалению, в последние годы занимается еще и безопасностью.

- *Используется ли полиграф при отборе кандидатов на службу в полицию и при назначении на вышестоящие должности? (вопрос заместителя начальника института по служебно-боевой подготовке, полковника полиции В.Б. Синникова).*

Полковник Даан: «Полиграф не используется при работе с рядовым составом, проверку на полиграфе проходят исключи-

тельно офицеры, занимающие руководящие посты и имеющие доступ к сведениям с высокой степенью секретности. Полиграф в Израиле не используется как доказательство в суде, но используется с согласия проверяемого на предварительном следствии».

- *Есть ли на службе в полиции Израиля полицейские иной национальности и не создает ли это проблем и противоречий в текущей деятельности полиции?*

Михаэль Зингерман, пресс секретарь полиции Израиля по связям с русскоязычными средствами массовой информации: «Очень важно подчеркнуть, что полицейские иной национальности выходят из среды, в которой они живут, и поэтому в Израиле есть большое количество полицейских – арабов и бедуинов тоже».

- *Как организуется психологическое обеспечение службы, в частности, в пограничных районах, как строится работа по повышению психологической устойчивости сотрудников полиции?*

«Участие психолога в профессиональной работе на этапе отбора кандидатов на службу позволяет скорректировать их представления о будущей деятельности, провести квалифицированное консультирование по вопросу выбора специальности, а порой убедить кандидата, что его личные качества не соответствуют квалификационным требованиям. В ходе профессионального консультирования обращается внимание кандидата и его родственников на особо напряженный и опасный характер будущей специальности, условия службы в конкретных структурных подразделениях».

- *Каковы особенности привлечения к ответственности сотрудника полиции за нарушение должностных полномочий?*

«Существует дисциплинарный суд в полиции Израиля, который рассматривает вопросы совершения дисциплинарных проступков сотрудниками. При совершении сотрудником полиции уголовного преступления он автоматически подлежит увольнению из полиции. Расследованием подобной категории дел занимается специальное подразделение, которое к полиции

не относится и подчинено Министерству юстиции Израиля».

Также следует отметить выступление генерала Юри Бар Лева, в котором были подняты актуальные вопросы борьбы с терроризмом и экстремизмом.

Борьбу с терроризмом в Израиле возглавляет оперативный штаб, в который включены представители Вооруженных сил, полиции и спецслужб, включая представителей разведки "Моссад". Основная задача штаба - объединять и координировать все действия, в т.ч. проведение специальных операций против террористов за рубежом. При этом главное внимание уделяется разведке с целью упреждения терактов. Большое внимание израильское руководство уделяет вопросам прекращения финансовых поступлений из-за рубежа для палестинских и ливанских экстремистов и оказания международного воздействия на Сирию, Иран и Ливию, которые обвиняются в предоставлении помощи радикальным организациям. Особенностью Израиля является то, что 90% отрядов, так или иначе задействованных в борьбе с террористами, являются подразделениями специального назначения Сил обороны. Они комплектуются военнослужащими срочной службы на основании Закона о воинской обязанности. Срок службы - три года. Это, конечно, приводит к большой текучести кадров и требует тщательной подготовки. Лучшим "штурмовым" считается "Ямам", т.к. в нем служат только профессионалы, но большинство из них до этого проходили срочную службу в спецподразделениях Сил обороны.

Еще одним специфическим подразделением, привлекаемым для борьбы с террористами, является отряд специального назначения сил обороны Израиля "7149" (другие названия этого подразделения: "Стинг", "Окетц", "Калбиа"). Штаб "7149" расположен на авиабазе Сиркин, а основным оружием, используемым для выполнения поставленных задач, являются собаки. Подразделение состоит из четырех рот: поисково-спасательной (поиск людей, оказавшихся в завалах), служебно-розыскной (преследование и задержание "разыски-

ваемых" на местности), разминирования (поиск и обнаружение взрывных устройств) и антитеррористической (задержание террористов, находящихся в укрытиях).

Заместитель начальника института по служебно-боевой подготовке, полковник полиции В.Б. Синников поставил вопрос об эффективности переговорного процесса с террористами. Генерал Юри Бар Лев пояснил, что переговоры ведутся с целью затянуть время, чтобы собрать как можно больше информации о террористах и спасти человеческие жизни.

Также выступил доктор социологических наук, профессор Комлев Ю.Ю. с вопросом о соответствии позиции Израиля по отношению к террористам общим нормам международного гуманитарного права и прав человека. Генерал Юри Бар Лев пояснил, что позиция государства хоть и подвергается критике, но защиту прав человека в Израиле понимают, прежде всего, как защиту мирных граждан. При таком подходе террористы подлежат ликвидации, но разрешение на подобного рода операции дает Правительство или Премьер-министр.

Следующим вопросом стала проблема возмещения вреда при ранении или гибели сотрудника полиции при исполнении служебных обязанностей. На данный вопрос дал пояснения также генерал Юри Бар Лев, который сам не раз получал ранения во время боевых действий по обеспечению безопасности граждан. Генерал пояснил, что в Израиле сотрудник полиции, получивший ранение при исполнении служебных обязанностей, имеет право на медицинское обслуживание самого высокого класса, причем не только в Израиле, но и в зарубежных клиниках. Также сотрудник получает постоянную компенсацию и очень большие льготы.

- Как израильская полиция взаимодействует с иными подразделениями, обеспечивающими безопасность в стране, а также с населением?

Михаэль Зингерман: «Пограничная полиция работает в тесном взаимодействии с армией, а граждане страны считают своим

долгом отдавать несколько часов в неделю работе в добровольных дружинах, так как для израильтян это очень почетное занятие. Граждане хотят быть причастны к обеспечению безопасности в стране».

- Существуют ли какие-то особенности расследования терактов в Израиле?

Полковник Даан: «Все следствие в Израиле ведет полиция с привлечением спецслужб. Каких-либо особенностей и отличий в расследовании подобной категории дел в Израиле нет».

Во время встречи с руководством и личным составом КЮИ МВД России генерал Юрий Бар Лев отметил, что в Израиле трудятся 30 тысяч полицейских, которые выполняют самые разные функции - от борьбы с терроризмом до профилактики ДТП. "У нас достаточно большой опыт работы в сфере борьбы с терроризмом, и мы будем рады поделиться им с татарстанскими коллегами, а также изучить их опыт", - сказал он. Также генерал выразил надежду, что сотрудничество с Татарстаном продолжится и в дальнейшем.

Международная полицейская ассоциация (МПА) имеет филиалы в 64 странах. В России действуют 24 региональных отделения этой организации, в том числе и в Татарстане. Основными направлениями деятельности МПА являются правовое просвещение и профессиональная ориентация граждан, содействие повышению авторитета сотрудников правоохранительных органов и улучшению отношений между правоохранительными органами и населением.

Татарстанское региональное отделение российской секции МПА было организовано в январе 2003 года. На сегодняшний день в татарстанское отделение входит 1,4 тысячи действующих сотрудников и ветеранов органов внутренних дел. За несколько лет проведена успешная работа по развитию дружеских международных контактов с полицейскими организациями Израиля, Германии, Франции, Ирландии.

Уважаемые коллеги!

Приглашаем ученых, адъюнктов, аспирантов и соискателей, а также сотрудников органов внутренних дел принять участие в опубликовании научных трудов в журнале «Вестник Казанского юридического института МВД России».

Журнал издается раз в квартал, срок представления материалов: до 1 марта, до 1 июня, до 1 сентября, до 1 декабря.

**Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал
«Вестник Казанского юридического института МВД России»**

1. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде.
2. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне).
3. К статье соискателя, адъюнкта должна быть приложена внешняя рецензия, подпись рецензента должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующего учреждения.
4. Согласно ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания, издательское оформление публикуемых материалов», элементы издательского оформления включают:
 - сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта);
 - заглавие публикуемого материала;
 - аннотацию текста публикуемого материала (не более четырех предложений) и ключевые слова (не более семи речевых единиц) (на русском и английском языке). Аннотация в целом и любая ее часть не должны быть перифразом заглавия статьи;
 - примечания (сноски), оформленные по ГОСТ 7.0.5-2008.
5. Объем статьи – 10-15 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.
6. Технические требования:
 - текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пунктов, междустрочный интервал 1,5;
 - параметры страницы: поля верхнее, нижнее – 2 см, правое – 2,5 см, левое – 1,5 см;
 - абзацный отступ 1,25 см, выравнивание по ширине;
 - сноски концевые.
7. Статья должна быть подписана автором. На статьях адъюнктов, аспирантов и соискателей должна стоять также подпись их научного руководителя.
8. Перед подписью автора и научного руководителя в свободной форме дается разрешение на публикацию в Интернете, например: «Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю».

Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы.

Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Хрустальной Ольгой Николаевной (тел. (843) 2777-800, электронный адрес vestnikkui@mail.ru).